

Юрий Ситников

Манифест
Привлечения

ПОХИЩЕНИЕ ON-LINE

Юрий Ситников

ПОХИЩЕНИЕ ON-LINE

Манифестные Приключения

ПОХИЩЕНИЕ ON-LINE

Можно ли верить на слово парню,
который утверждает, что он француз
и его похитили неизвестные?

А можно ли в течение недели дважды
похитить одного человека?

Как разоблачить преступника,
если тот оказался в руках бандитов?

Когда Глеб и его друзья поняли,
что последняя ниточка, ведущая
к Владимиру Дюмерино, оборвалась,
то впали в отчаянье. Вот тут-то
и раздался звонок... с кладбища.

12+

ISBN 978-985-549-676-3

9 789855 496763

По вопросам реализации обращаться
в «ИНТЕРПРЕССЕРВИС».

Тел. в Минске: (10375-17)-387-05-51,
387-05-55.

Тел. в Москве: (495)-233-91-88.

E-mail: interpress@open.by

<http://www.interpres.ru>

интернет-магазин OZ.by

*Машинственные
Приключения*

Юрий Ситников

ПОХИЩЕНИЕ ON-LINE

Минск
«Букмастер»

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)-44
С41

Серия основана в 2012 году

Ситников, Ю.

С41 Похищение on-line : повесть : для детей мл. и сред. шк. возраста / Юрий Ситников. – Минск : Букмастер, 2014. – 288 с. – (Таинственные приключения).

ISBN 978-985-549-676-3.

Можно ли поверить на слово парню, который утверждает, что он француз и его похитили неизвестные? А можно ли в течение недели дважды похитить одного человека? Как разоблачить преступника, если тот оказался в руках бандитов? Когда Глеб и его друзья поняли, что последняя ниточка, ведущая к Вадиму Дюмериллю, оборвалась, то впали в отчаянье. Вот тут-то и раздался звонок... с кладбища.

12+

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Литературно-художественное издание

Таинственные приключения

Ситников Юрий

ПОХИЩЕНИЕ ON-LINE

Повесть

Для детей младшего и среднего школьного возраста

Ответственный за выпуск **В. В. Иалева**

Редактор **В. Д. Михеева**

Технический редактор **О. Ю. Соловей**

Подписано в печать 31.05.2013. Формат 84х108 1/32.

Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 3050 экз. Заказ 1579.

Общество с ограниченной ответственностью «Букмастер».

ЛП № 02330/0003917 от 08.04.2011.

Ул. П. Глебки, 11, 220104, Минск.

Государственное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.

Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

ISBN 978-985-549-676-3

© Ситников Ю., 2014

© Оформление. ООО «Букмастер», 2014

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На четвертом этаже...

И все-таки дом под номером тринадцать — несчастливый дом. Угроздило же Таньку Ключеву в нем жить, да еще на двенадцатом этаже. Лифт работает раз в месяц, пока по лестнице поднимешься, семь потов сойдет. И лестницы длиннющие, каждая — ступеней в двадцать. Пытка! Самая настоящая пытка.

Люська остановилась на лестничном пролете, взглянув на прикрепленную над лифтом табличку. «7 этаж». Елки-палки, только седьмой.

До Танькиной квартиры Люська доползла уставшая и злая.

— Вас надо в землянку переселить, — сказала она, когда Танька открыла дверь.

— Почему не в настроении, Люсь?

— Лифт у вас до сих пор не починили. Слушай, задерживаться долго не буду, мы с Димкой в пиццерии договорились встретиться. Вот тебе домашка, и еще историчка просила передать вопросы. На следующей неделе контра будет.

— Спасибо, Люсь.

— Выздороветь успеешь?

Танька пожала плечами.

— Наверное. Кашля уже нет, горло не болит, нос, правда, заложен, но за четыре дня пройдет.

— Надеюсь. Мне, конечно, не в лом тебя навещать, но ваш неработающий лифт бесит.

— Ладно, Люська, не переживай, спускаться всегда легче, чем подниматься.

На четвертом этаже возле обитой выцветшим дерматином дверью Люська заметила пушистую белую кошку. Дверная ручка ходила ходуном, и кошка, встав на задние лапы, пыталась передними дотянуться до ручки.

— Тебя что, домой не пускают?

Кошка сверкнула зелеными глазами и мяукнула. И сразу же перестала дергаться ручка. Люська села на корточки.

— А ты толстушка, кормят хорошо, да?

Кошка начала мурчать. Люська встала и нажала на кнопку звонка, заметив, что светлая точка глазка сделалась темной.

— Посмотрели? — крикнула Люська. — Теперь дверь открывайте, кошка тут ваша просится.

В квартире стояла тишина. Люська снова позвонила.

— Эй, люди, это уже не смешно.

— Ты кто? — послышался вдруг из квартиры испуганный голос подростка.

— Дед Пихто! Кошку впусти.

— Какую кошку?

— Слышь, парень, хватит прикалываться.
Белая кошка твоя?

— Не знаю... Нет, не моя.

— Ты не отсюда, что ли? — спросила Люська у кошки.

Та опять мяукнула.

— Ладно, фиг с вами, разбирайтесь сами, — Люська отошла к лестнице, и в этот момент дверная ручка вновь затрепыхалась.

— Не уходи, — крикнул из-за двери парень. — Подойди ближе.

— Чего тебе?

— Ты кто? — повторил он вопрос.

— Люська.

— Люська, помоги мне.

— Чем?

— Помоги выйти из квартиры.

— А в чем проблема-то, открой дверь и выходи.

— Не могу. Понимаешь... меня здесь закрыли.

— Кто?

— Не знаю, — парень на мгновение умолк, а потом выпалил: — Я ничего не помню, вообще не понимаю, как оказался в квартире.

Люська насторожилась. Что-то в голосе незнакомого паренька показалось ей странным. Она решительно схватилась за ручку.

— Ты там один?

— Один.

— Так, замок здесь самый простецкий, его можно открыть при помощи... например, ножа.

— Ножа?

— А ты ни разу не открывал замки ножом?

— Нет.

— Хм, теперь научишься. Если просто зашелкнули, считай, тебе повезло, а если повернули пару раз, дело труба.

— Какая труба, я тебя не понимаю. Что мне делать, искать нож или трубу?

Люська начала раздражаться: а парень-то туповат. В голову полезли неприятные мысли, а может, никто его там не запирает, и тот, с кем она сейчас разговаривает через дверь, просто не в себе? Проще говоря, чокнутый.

— Иди на кухню и найди нож, — нервно проговорила Люська, отогнав от двери кошку.

— Хорошо, Люси. Ты только никуда не уходи. Обещаешь?

— Обещаю, — усмехнулась Люська. Надо же, называл ее Люси. Не, у парня точно с головной проблемы. Хотя... Люси! Вроде звучит.

Прошло минут пять, прежде чем Люська услышала приглушенный голос:

— Я взял нож.

— Молодец! Дольше провозиться не мог? Можно подумать в квартире сорок комнат и десятков кухонь.

— Нет, здесь всего две комнаты, очень маленькие, а кухня вообще мизерная.

— Открывай дверь.

— У меня вряд ли получится.

— Попробуй. Вставь острое ножа в замочную скважину и осторожно поверни нож против часовой стрелки.

— Ага, попытаюсь. Сейчас-сейчас. Ты не уходи.

— Да не уйду я! Ну, что там у тебя?

— Ничего. Не получается повернуть нож.

— Не нервничай, в скважину вставляй самый кончик ножа. Понял?

— Да. Вставил...

— Поворачивай.

— Поворачиваю. Подожди, Люси, кажется, поворачивается.

— Не останавливайся.

Послышался щелчок. Не веря удаче, Люська опустила ручку и толкнула дверь. Та открылась.

Парень с ножом в руках отошел в глубь прихожей. На вид ему было лет четырнадцать, черноволосый, с правильными чертами лица и очень пронзительным взглядом.

— Невероятно, — сказал парень. — Я открыл дверь обыкновенным ножом. Если кому-нибудь расскажу, мне не поверят. Спасибо тебе, Люси.

— Ты, в самом деле, не помнишь, как здесь очутился? — спросила Люська, осматривая скудно обставленную прихожую.

— Не помню. Я проснулся в маленькой комнате, сильно болела голова, перед глазами плыл туман. С трудом встал, дошел до ванной, умылся, но все

равно до конца не оклемался. Такое впечатление, меня чем-то напоили, наверняка снотворным.

— Как тебя зовут?

— Вадим.

— Вот что, Вадим, сейчас мы с тобой... — Люська прервалась на полуслове.

— Ты чего?

Внизу послышался сухой кашель. Люська дернулась вперед и, схватив Вадима за руку, втащила его в маленькую комнату.

— Я выронил нож.

— Забей на нож. Прячься!

— Куда, зачем?

— Залезаем под кровать, — скомандовала Люська.

— Ты можешь объяснить...

— Все объяснения потом. Если ты не соврал, то нам лучше действовать быстро.

Едва они оказались под кроватью, в прихожей распахнулась входная дверь. Люська увидела ноги человека обутого в черные ботинки на толстой подошве. Пройдя в прихожую, мужчина сильно удивился двум вещам: во-первых, открытой входной двери, во-вторых, наличию ножа на старом паласе. Подняв нож, мужик смачно выругался и начал кашлять.

Когда он вбежал в маленькую комнатку, Люська на несколько секунд сильно зажмурилась. А вдруг решит нагнуться и посмотреть под кровать? Тогда им крышка. Только бы не нагнулся, только бы пронесло.

Мужик не собирался искать Вадима под кроватью, он уже догадался, что тому удалось открыть дверь и дать деру, поэтому вместо обыска квартиры достал из кармана телефон.

— Это я, — пробасил он в трубку. — Дело дрянь! Пацан сбежал! Как-как, дверь, поганец, ножичком открыл. Да я всего на полчаса отлучился. Ты ж сам говорил, он до самого вечера проспит, а он вот, очухался раньше срока. Не ори, найду я его, из-под земли достану. Далеко не уйдет, где он тут шастать может. Отыщется.

Минут через пять мужик хлопнул входной дверью. Люська вздохнула с облегчением.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил ее Вадим.

— Я понимаю главное — валить нам надо отсюда.

— Куда?

— Куда угодно.

— Скажи, почему ты решила спрятаться под кроватью?

— Кашель на лестнице услышала. Сразу поняла, бугай поднимается. Я его еще два дня назад увидела, когда от одноклассницы возвращалась. На этаже с ним столкнулась, он из квартиры выходил. Физиономия у него — жесть. На меня посмотрел, как на преступницу, потом кашлять начал.

— А под кровать-то зачем?

— Что ты заладил, зачем да зачем. Сам же сказал, не помнишь, как сюда попал, в голове туман. Ежу понятно, привезли тебя в квартиру, и мужик,

которого я встретила, замешан в этом. Он закашлял, я испугалась.

— Ты не похожа на пугливую девчонку.

— Ладно, вылезает из-под кровати и моторим отсюда.

— Мне некуда идти.

— А где ты живешь?

Вадим сделал несколько вдохов, а Люська махнула рукой.

— Потом все расскажешь, в спокойной обстановке. Сейчас к нам рванем.

— Это удобно?

— Разве у тебя есть выбор?

— Нет.

— Тогда не задавай лишних вопросов. Да не бойся, я живу в соседнем доме вместе с братом и бабушкой. Они не станут возражать против твоего присутствия.

На Вадиме были надеты джинсы, рубашка с длинным рукавом и кроссовки (в них он и спал на кровати). Ни куртки, ни ветровки ребята не нашли.

— Ничего. На улице не так холодно, добежим за пять минут.

Замок пришлось снова открывать при помощи ножа. На лестничной площадке, прикрыв за собой дверь, Люська с Вадимом начали быстро спускаться по ступенькам. А уже на улице Вадим спросил:

— Брат у тебя старший?

— Старший.

— А бабушка строгая?

— Диана? Вот еще. Она у нас актриса, дома практически не появляется: гастроли, съемки, театр. В основном мы с Глебом вдвоем в квартире тусуемся.

— А родители у вас есть?

— В полном комплекте.

— Где они?

— Вадим, меня напрягают твои вопросы.

— Прости, я спросил без задней мысли.

— Прощаю. Родители у нас есть, но живут отдельно, в загородном доме. Мы почти пришли, нам в третий подъезд.

Пропустив Вадима в квартиру, Люська вспомнила про Димона.

— Блин, он меня убьет. Вадим, ванная прямо по коридору, иди, мой руки, потом топай на кухню, а мне позвонить надо.

Димона она попросила срочно прийти домой, потом позвонила мне (мы с Алисой после уроков зарулили в парк) и прошла на кухню.

— Димка и Глеб с Алиской сейчас придут.

— Кто они?

— Глеб мой брат. Алиса его девушка.

— А Димка?

— Мой парень, — ответила Люська, и ее щек коснулся румянец.

Вадим отвернулся к окну и с потерянным видом посмотрел вниз.

— Ты чего такой хмурый?

— Думаю.

— О чем?

— Обо всем сразу. И знаешь, ничего в голову не приходит. Не могу поверить, что со мной произошла такая нелепая история: странный тягучий сон, раскалывающаяся голова, чужая квартира... Люси, — спохватился Вадим, — меня же, наверное, обыскали. Надо им сообщить, что я здесь.

— Кому сообщить?

— Мадам Бланшар.

— Что еще за Бланшар?

— Мадам Катрин Бланшар, она наш воспитатель.

— Вадим, я тебя не понимаю. Ты сам кто такой, где живешь, адрес свой ты помнишь?

— Конечно, помню. Я живу в Париже.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

— Не верю я тебе. Тоже мне, парижанин нашелся.

— Придется верить, — жестко ответил Вадим. — Меня зовут Вадим Дюмериль.

— Повтори, что ты сказал? — Люська даже села на стул, чтобы не упасть.

— Вадим Дюмериль.

— И ты действительно живешь в Париже?

— Да.

— В том самом, который во Франции? — на всякий случай уточнила Люська.

— В том самом.

— Обалдеть! Настоящий француз на моей кухне!

В дверь позвонили. Вадим резко обернулся, Люська вздрогнула и быстро заморгала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Назад дороги нет

Мы гуляли по парку, а потом, не сговариваясь, сели на скамейку.

— Глеб, — виновато сказала Алиса, — меня пригласили на кастинг.

Я сразу напрягся.

— Что за кастинг?

— Для съемок в рекламном ролике. Представляешь, если меня отберут, я снимусь в рекламе.

— Алис, мне это не нравится. И потом, слово ты выбрала неподходящее. Что значит, отберут, так говоришь, как будто помидоры на рынке покупаешь.

— Глеб, всех отбирают, — засмеялась Алиса. — Из песни слов не выкинешь.

— Когда кастинг?

— Точно нам не сказали, думаю, через пару дней.

Все эти кастинги, отборы и прочие мероприятия начались у Алиски примерно с Нового года. Она ходит в школу актерского мастерства, мечтает стать актрисой, и как следствие — я называю это

побочным действием — некоторых учащихся время от времени отбирают для всяких там реклам. Ну вот, теперь сам сказал «отбирают». Хотя чего я разволновался, на кастинге ведь наверняка будет тьма народа, не факт, что Алиска пройдет отбор.

— Глеб, почему молчишь?

— Да так, размышляю, — уклончиво ответил я, отвернувшись. Стало немного стыдно за свой эгоизм, но поделаться с собой ничего не могу: ревную Алиску жутко. А теперь, узнав о предстоящем кастинге, накручиваю себя до предела.

— Ты сегодня свободен, может, в кино ходим?

— Пошли. Подожди, сегодня среда? Черт, Алис, не получится в кино.

— Опять к Иннокентию идешь?

Я посмотрел на часы и стал прикидывать.

— Он меня в библиотеку отправил, она работает до девяти. В принципе на шестичасовой сеанс мы успеем, а потом я в темпе...

— В темпе не годится, Глеб, ты ничего не успеешь сделать. Ладно, в кино в другой раз ходим.

И такая свистопляска у нас уже на протяжении трех последних месяцев: то Алиска занята, то у меня вырваться не получается. Сам-то я сейчас работаю у одного старикана, помогаю ему в написании книги. Помогаю — громко сказано, так, служу мальчиком на побегушках. За всю свою жизнь Иннокентий Иванович написал три книги. Несмотря на то, что последняя вышла в свет в конце семидесятых годов прошлого века, старик

причислял себя к маститым писателям. Был членом Союза писателей, имел какие-то награды и ни разу не смог внятно ответить мне на вопрос: чем занимался на протяжении последних тридцати лет, после выхода третьей книги. «Работал», — туманно отвечал Иннокентий Иванович, поправляя на толстом носу очки. К слову сказать, три его изданные книги, мне пришлось их прочитать по просьбе писателя, навевали такую скуку, что я отключался буквально через две страницы. Писал Иннокентий Иванович о партии, о коммунистической молодежи, о том, как эта молодежь под чутким руководством партии борется за досрочное выполнение сталинской послевоенной пятилетки; как готовятся к съездам; как гордятся новыми достижениями на культурной и хозяйственной ниве.

И вот теперь, не бравшись за перо почти сорок лет, Иннокентий Иванович решил написать историко-приключенческий роман, жанр — на стыке художественной и исторической литературы.

Пишет он уже почти год, пишет тяжело, натужно. Десять листов напишет, исправит, потом семь из них отправляет в корзину.

Компьютер Иннокентий Иванович не признает, а печатать на печатной машинке не может из-за болей в суставах. Свои мысли выливает на бумагу, держа в правой руке шариковую ручку, а уже потом, когда пять-десять листов исписаны его неразборчивыми каракулями, за дело берусь я. Сажу в отдельной комнатке его огромной

квартиры, с трудом разбираю каракули старика и набираю текст на ноуте. Затем печатаю на принтере и отдаю Иннокентию на проверку. Часто он гоняет меня по городу: то в одну библиотеку смотайся, то в другую, найди то, привези это. Иногда я ищу необходимые ему книги или справочные материалы неделями. Но есть у моей работы и положительные стороны: Иннокентий Иванович очень щедрый человек, я получаю неплохие деньги, которые с удовольствием трачу на себя и Алису. И делом занимаюсь, и у родителей ничего кланчить не приходится.

...Телефонный звонок настиг нас на выходе из парка. Звонила Люська. Сказав, чтобы мы возвращались домой, она сразу отсоединилась.

— Что-то случилось, Глеб?

— А ты Люську не знаешь, у нее каждый день ЧП. Пошли, посмотрим, что на этот раз.

В подъезде мы столкнулись с Димоном.

— Я больше часа ее в пиццерии прождал, а теперь она позвонила и попросила срочно прийти.

— Сейчас узнаем, на какой пожар она нас позвала.

— Глебыч, сплюнь.

— Да ладно, Димон, Люська есть Люська.

На кухне мы увидели незнакомого парня. Люська представила нас друг другу и сообщила, что Вадима похитили неизвестные. Серьезное заявление.

Вадим попросил помочь ему отыскать гостиницу, в которой, по его словам, остановилась их группа.

— Сядь, — попросил его Димон. — Не суетись, мы тебе поможем, все выясним, только сперва нам самим надо разобраться.

— В чем?

— Ты живешь в Париже, так?

— Я уже говорил.

— И в Москву приехал с группой на экскурсию?

— Ну да.

— Тогда вопрос такой: откуда ты знаешь русский язык. Говоришь ведь без малейшего акцента.

— Я родился в России. До семи лет мы с мамой жили в Санкт-Петербурге.

— А отец у тебя был? — спросила Алиса.

— Он погиб через два года после моего рождения.

— Извини.

— Ничего страшного. Мама вышла замуж за француза Жака Дюмерия, и мы уехали в Париж. Жак меня усыновил, и... — Вадим отвернулся к окну, сжав кулаки.

— В итоге твой отчим оказался поддонком, да?

— Не смей так говорить, — Вадим посмотрел на Люську с неприязнью. — Жак был хорошим человеком. Те пять лет, что мы прожили в Париже, были сказочными.

— Тогда что произошло?

— Два года назад сказка закончилась. Родители погибли в автокатастрофе.

В кухне повисла пауза. Я похлопал Вадима по плечу.

— Не раскисай, старик.

Не глядя на меня, Вадим продолжил говорить:

— Я оказался в интернате. Знаете, что это такое?

— Догадываемся, — кивнула Алиса.

— Сомневаюсь. Это надо прочувствовать на собственном опыте, пропустить через себя. Первые полгода я вообще ни с кем не разговаривал, врачи думали — крыша съехала, начали таблетками пичкать.

— От них крыша быстрее съедет, — сказал Димон.

— Со временем очухался, но к интернатской жизни не привык. Нет, в нашем интернате живет-ся неплохо — учителя, воспитатели люди хорошие. Но, понимаете... как бы это сказать...

— Не надо ничего говорить, — перебила Вадима Алиса. — Все и так ясно.

— Вадим, ты про поездку в Москву расскажи.

— Рассказывать, по большому счету, нечего.

На десять дней мы с нашим воспитателем Катрин Бланшар приехали сюда на экскурсию.

— Мы — это кто?

— Ребята из моей группы.

— И много вас?

— Девятнадцать человек.

— Надолго приехали?

— В том-то и дело, завтра должны возвращаться в Париж.

— Тогда тебе повезло, что Люська вызволила тебя из той квартиры сегодня.

— Да, но мне необходимо связаться с мадам Бланшар.

— Свяжешься. В какой гостинице вы остановились?

Вадим сник.

— Не помню.

— Как так?

— Забыл я название.

— Напряги память.

— Нет... Все смутно, неясно... Помню, что сидел утром в номере. Нас было четверо: я, Патрис, Ален и Люк. Мы о чем-то разговаривали, а я пытался починить крепление на своем рюкзаке. Позже ребята вышли, оставив меня одного.

— И что было дальше?

Вадим нахмурил лоб и начал растирать переносицу.

— Я сидел на кровати спиной к входу. Слышу — открылась дверь, думал, вернулся кто-то из ребят... И вдруг вижу перед лицом руку... Очнулся уже на кровати в квартире.

— История, — протянул Димон налив из кувшина кипяченой воды. — Чем же они тебя усыпили?

— Усыпить могли хлороформом, — сказал я. — Но вряд ли бы Вадим провел в отключке несколько часов.

— Может, потом укол сделали?

— Похоже на то.

— Скорее всего укол, — согласилась Люська. — Мужик, когда начал оправдываться по

телефону, обронил фразу, типа, Вадим должен был только вечером прийти в себя.

— Слушай, какие-нибудь предположения у тебя есть, кем мог быть тот мужик?

— Не догадываюсь.

— А чего тут думать — похищение в чистом виде.

— Люсь, просто так людей не похищают.

— Почему ты решил, что Вадима похитили просто так?

— Он воспитывается в интернате, у него нет богатых родителей, за него некому дать выкуп.

— И все-таки его похитили из гостиничного номера и привезли в квартиру.

— Задачку ты нам задал, — я прошел в комнату и через несколько минут позвал ребят. — Вадим, если услышишь название гостиницы, вспомнишь, в какой остановился?

— Давай попробуем.

Я начал перечислять все столичные гостиницы, список которых обнаружил на одном из сайтов. Вадим останавливал меня трижды. Три раза ему казалось, что их группа проживает именно в этих гостиницах. В итоге, так и не сумев выбрать одну-единственную, мы сошлись во мнении, что придется проверить все три. Дозвониться не удалось ни в одну: телефон постоянно был занят.

— Отправимся прямо сейчас? — Вадим был в нетерпении, хотя и выглядел неважно. Лицо бледное, глаза отекающие, да и зевал он постоянно.

— Тебе бы отлежаться, — предложила Алиса.

— Некогда. Надо успеть вернуться к своим, завтра днем мы уезжаем.

— А мне не дают покоя слова мужика, он обещал найти Вадима, — сказала Люська. — Найти, понимаете? У них на него свои виды, свои планы.

— С меня нечего взять, — растеряно произнес Вадим.

— Но ты кому-то понадобился, — заключил Димон.

Вадим зевнул:

— Глаза слипаются.

— Я же говорила, лучше поспи.

— Не могу, я должен ехать на поиски.

— Вадим, Алиса права, постарайся отдохнуть.

Мы сами смотаемся в гостиницы, если найдем твою группу, сразу свяжемся с... — я посмотрел на ребят. — Кто останется с Вадимом?

— Я, — крикнула Люська.

— Отлично. Позвоним Люське, она тебя разбудит и проводит в гостиницу. Какой тебе смысл, ехать сейчас с нами.

— Хорошо. Только вы найдите мою группу, я не могу остаться здесь. Я должен вернуться в Париж.

— Сделаем все, что в наших силах.

В коридоре я обратился к Димону и Алисе.

— Вам без меня придется в гостиницу ехать, мне в библиотеку пора.

— Справимся.

...И в первой, и во второй гостинице, куда мотались Алиса с Димоном им сообщили, что

постояльца под именем Вадим Дюмериль, как, впрочем, и Катрин Бланшар, у них нет. Димон просил проверить еще раз, говорил, что Вадим приехал с группой из Парижа и наверняка остановился в этой гостинице.

— Извините, такие люди у нас не останавливались, — слышал он в ответ.

Домой они вернулись в десятом часу. Люська сказала, что Вадим заснул почти сразу и до сих пор спит.

— Пусть спит, — отмахнулся Димон. — Все равно нечем его порадовать.

— Осталась еще одна гостиница, съездим туда завтра.

— А толку, Алис? Я почти уверен: правильного названия Вадим не запомнил. Съездить, конечно, съездим, но надежды мало.

— И как поступим? — спросила Люська.

— А никак. Меня знаете, что напрягает, почему Вадима не хватились? По идее, и одноклассники, и воспитатель, как там ее Бланшар, кажется, должны были поднять панику.

— А Димка прав.

— В чем он прав? — не согласилась Алиса. — Откуда вы знаете, что в гостинице нет паники? Мы не обращались в полицию, не сообщали, что нам известно местонахождение француза Вадима Дюмерилья.

— Это идея, — одобрительно закивал Димон. — Почему раньше никто не предложил звякнуть в полицию.

Димка уже подошел к телефону, когда я вбежал в прихожую и, запыхавшись, выпалил:

— Алис, после твоего звонка, я ломанулся прямо из библиотеки в третью гостиницу.

— И что?

Дверь из спальни открылась, в коридор вышел заспанный Вадим.

— Вы нашли мою группу?

— Нет, — ответил Димон.

— Да! — выкрикнул я.

— Глеб...

— Короче, девушка на ресепшн подтвердила, что группа школьников из Франции с воспитателем Катрин Бланшар действительно остановилась в их гостинице.

— Слава богу, — вздохнул Вадим, подбежав к шкафу, собираясь достать кроссовки.

— Подожди, Вадь.

— Я должен немедленно...

— Да подожди ты! — мне пришлось повисить голос.

— Глеб, что-то не так? — спросила Алиса, заподозрив неладное.

— Все не так! Дело в том... Вадь, твоя группа вернулась сегодня днем в Париж.

— Как вернулись? А я?

— Сам в шоке, но это подтвердили в администрации гостиницы.

Вадим растеряно смотрел по сторонам, а потом обратился к Люське:

— Люси, какое сегодня число?

— Четырнадцатое.

— Четырнадцатое? — Вадим прислонился спиной к шкафу и медленно сполз на пол.

— Вадим, тебе плохо? Алис, воды. Димон, помоги мне.

— Я думал, меня увезли из гостиницы сегодня утром, а получается, это произошло еще вчера. Тринадцатого числа. Я проспал в квартире больше суток.

— Вот вам и паника, и заява в полицию, — шепотом проговорила Люська. — Они вернулись в Париж, не поставив никого в известность, что пропал один из учеников. В противном случае Глеба бы просто так не отпустили из гостиницы.

— Могли не знать, что Вадим исчез.

— Глеб, ты сам веришь в то, что говоришь? Как это могли не знать, они же не слепые.

— На самом деле есть варианты.

— Двойник!? — взволнованно произнес Димон.

— Да не-е. Какой двойник? Нет, — Люська уже не знала, во что верить и о чем думать.

— Ничего не понимаю, кто тогда улетел во Францию вместо меня? — спросил Вадим. — И что теперь будет со мной?

Его вопрос на время повис в воздухе. У нас не было подходящего ответа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Квартирант

В полночь из театра вернулась Диана. Димон с Алисой к тому времени разошлись по домам, мы пили на кухне чай, обмусоливая одну и ту же тему.

Появление Дианы заставило Вадима напрячься, он сразу ссутулился, вжал голову в плечи, начал требовать, чтобы я немедленно сообщил бабушке о его присутствии.

— Если она не согласится, я сразу уйду, — прошептал Вадим, выталкивая меня в прихожую.

Наивный, он совсем не знает Диану, да она добрейшая из людей, плюс ко всему вся в искусстве, ей попросту до фонаря, кто такой Вадим, как он оказался в нашей квартире и сколько здесь пробудет.

Вручив мне три букета роз, Диана сняла плащ и села на стул.

— Устала — сил нет. Сегодня был аншлаг, народу — тьма.

В коридор выскочила Люська.

— Звездам театра и кино привет.

— Привет, Люсьена. Вы уже поужинали?

— Давно, время первый час. Сидим вот, чай гоняем.

— А я в ванную и спать.

— Чай будешь?

— Нет, Глеб, устала очень.

— Диан, у нас к тебе разговор.

— Да, да, — она прошла в свою спальню, снимая на ходу серьги.

— Понимаешь, у нас гость, — я кивнул Люське, чтобы она позвала Вадима. — Ты не против, если наш знакомый поживет у нас некоторое время?

В дверях появился смущенный Вадим.

— Добрый вечер, мадам, — сказал он, запинаясь.

Люська толкнула его в бок.

— Добрый вечер, мсье, — хохотнув, ответила Диана.

— Знакомьтесь. Диана, это Вадим. Вадим, это Диана.

— Очень приятно.

— Я тоже рад знакомству, мадам.

Люська второй раз толкнула Вадима в бок.

— Так сложились обстоятельства, что мне временно...

— Господи, Вадик, о чем речь, живи, сколько хочешь, квартира большая, — Диана сняла с пальцев два кольца и положила их в малахитовую шкатулку.

— Спасибо, мадам.

На этот раз Люська толкнула Вадим так, что он едва устоял на ногах.

— Ты чего, Люси? Больно!

— Терпи, ты же мужчина, — процедила Люська.

— Твои родители в курсе, что ты у нас? — запоздало поинтересовалась Диана, снимая с запястья браслет.

Вадим не успел ничего ответить, я его перебил:

— Конечно, в курсе. Ну что, знакомство состоялось, Вадим, пошли допивать чай.

Когда Люська увела Вадима на кухню, Диана жеманно повела плечами.

— Чудный мальчик. Вы одноклассники?

— Нет. Он... Он учится в одном классе с Люськой.

— Чудный мальчик, — повторила Диана. — Только передай ему, чтобы больше не смущался.

— Передам, — пообещал я и вернулся на кухню.

Там полным ходом шли разборки.

— Откуда я знал? — сердито говорил Вадим. — Во Франции принято обращаться ко всем женщинам «мадам».

— Ты не во Франции.

— Мне показалось, ваша бабушка ничуть не обиделась.

— Она уверена, что ты шутил. Глеб, когда он называл Диану «мадам», мне чуть плохо не стало. Пойми, Вадим, она не должна знать, кто ты и откуда.

— Хорошо, ты меня убедила. Тогда как мне к ней обращаться, баба Диана?

— С ума сошел! За бабу Диану она тебя с восьмого этажа без парашюта спустит. Зови просто Дианой.

— Но она намного старше, а к женщинам старшего возраста принято...

— Бли-и-ин, какой ты нудный. Твои одноклассники, наверное, рады без памяти, что ты остался здесь.

— Люсь, следи за языком, — прикрикнул я на сестру.

Вадим схватил чашку с остывшим чаем и сделал несколько больших глотков.

— Извини меня, я погорячилась.

— Не в обиде. Да и не в том я сейчас положении, чтобы на вас обижаться. Вы спасли меня, я ваш должник.

— А это ты брось и запомни, ты никому ничего не должен. Люсь, налей ему еще чая.

— Глеб, в меня больше не влезет.

— Ты так жадно пьешь, я думал, напиться не можешь.

— Не в этом дело, просто Люси постоянно подливает мне чай, а отказаться неудобно.

— В следующий раз скажи: «Горшочек, не вари», — она остановится.

Люська показала мне язык, а Вадим сильно удивился.

— Что за горшочек?

— Ну ты даешь, неужели в детстве не слышал сказку братьев Гримм «Горшочек каши»?

— Не-а. Когда был маленьким, мама в основном читала русские народные сказки, потом совсем читать перестала. А во Франции свои сказки.

...Из кухни мы прошли в гостиную. Несмотря на поздний час, спать никому не хотелось, и снова началось обсуждение общей проблемы.

— Мне, наверное, надо обратиться за помощью в вашу полицию, — сказал Вадим.

— Не вариант.

— Почему?

— Чем идти в полицию, уж лучше топать прямиком во Французское посольство.

— Можно и в посольство, только я не уверен, что меня там сразу примут.

— Сразу не сразу, а попробовать стоит.

— Ребят, я бы на вашем месте не торопилась с походом в посольство. Не гоните коней. Неужели вам совсем не интересно выяснить причину, по которой Вадима похитили неизвестные?

— Узнать что-либо уже невозможно.

— Кто это сказал?

— У нас ни улик, ни свидетелей, ничего нет.

— Ошибаешься, — Люська начала загибать пальцы. — Адрес квартиры, куда тебя привезли из гостиницы, есть — раз. Мужика в лицо я видела — два. Разговор его мы с тобой слышали и в ближайшие планы (разыскать тебя во что бы то ни стало) посвящены — три. Чем не информация к размышлению?

— Глеб, а ты как считаешь? — обратился ко мне Вадим.

— Люська права, мы должны узнать, кому принадлежит квартира. Потом можно будет копнуть поглубже, возможно, что-то и всплывет. Вопрос в другом: стоит ли тебе ввязываться во все это?

— Конечно, стоит, — ответила за Вадима Люська. — Вадим, как ты не понимаешь, неизвестные заварили кашу, и ты — основной ингредиент. Я чувствую — замышляется нечто грандиозное, широкомасштабное. Мы не имеем права самоустраниться. Вадим, Глеб, давайте рискнем, ну не будьте вы такими правильными. В свою Францию ты сто раз успеешь вернуться. Тут тема следующая: если тебя не хватились сразу, не хватятся и после. Димкина версия с двойником начинает казаться мне не такой абсурдной.

— Его версия нелепа! Скажешь тоже. Смысл кому-то заморачиваться с двойником?

— Вадим, ты нужен этим людям — факт неоспоримый. И к операции с твоим похищением они подготовились заранее. Поверь мне, такие дела с бухты-барахты не прокручиваются.

— Люси, я ничего собой не представляю, у меня нет родственников, я сирота. Кому я мог понадобиться и для каких целей?

— Постараемся выяснить. Глеб, согласен?

— Дело не в нашем нежелании пуститься во все тяжкие, — сказал я Люське. — Была бы зацепка —

хоть сейчас сорвался бы с места. Но пока по нулям, рисковать нечем.

— Похищение человека было, значит, и риск есть. А квартиркой я сама займусь. Завтра же.

— А мне какие шаги предпринять?

— Пока сиди дома и набирайся сил. Дальше начнем действовать по ситуации.

После шестого урока Люська пошла к Таньке Ключевой.

— О, приветик! А я сегодня тебя не ждала.

— Дело есть. Тань, ты не в курсе, кому принадлежит квартира в вашем подъезде на четвертом этаже... Блин, номер забыла. Как из лифта выходишь, направо и в сторону.

— Подожди, подожди, четвертый этаж. Из лифта направо... Мам, — крикнула Танька, — кто у нас на четвертом этаже живет?

Мать Таньки сообщила, что квартира принадлежит Ольге Петровне, бывшей воспитательнице детского сада, а ныне пенсионерке.

— Сама она здесь не живет. Уже года два как к сестре переехала, а квартиру сдает.

— А кому сдает, тетя Зин, не знаете?

— Не знаю, Люсь. Вообще там разные люди жили. В прошлом году молодая пара, потом студентка, а кому сейчас сдает — понятия не имею.

— А как Ольгу Петровну можно найти?

— У меня телефон ее есть.

— Откуда, мам?

— Здравсьте, — Зинаида Николаевна с усмешкой посмотрела на дочь. — А кто с тобой в детском саду нянчился?

— Тетя Оля?

— Тетя Оля.

— Я не знала.

Люська кашлянула.

— Мне бы адресок ее сестры. Или телефончик.

— С адресом помочь не могу, а номер мобильного дам. Девчонки, вы пока поболтайте или чайку попейте, я сейчас.

Минут через тридцать Люська звонила Ольге Петровне Полежайкиной, а час спустя они встретились у станции метро «Красные ворота».

Домой Люська пришла с новостями.

— Обрадовать не обрадую. Встретилась я с Ольгой Петровной, поговорили, но толку от разговора — чуть.

— Шифровалась?

— Наоборот, оказалась словоохотливой. Такая пухлая бабулька с янтарными бусами, на колобка похожа.

— И чем колобок с тобой поделился?

— Квартиру у нее снимает Николай Павлович Агарков.

— Уже хорошо.

— Ничего хорошего, Глеб. С таким же успехом он мог представиться и Львом Толстым, и Александром Пушкиным.

— Секундочку, у нее должна быть копия его паспорта.

— Да брось — какой паспорт, какая копия? Этот якобы Агарков вышел на Ольгу Петровну совершенно случайно. Узнал, что она сдает квартиру, позвонил, договорился о встрече. Сочинил сказку, что разводится с женой и на пару месяцев срочно требуется квартира. Деньги готов заплатить сию минуту.

— И она согласилась?

— От легких денег еще никто не отказывался! Паспорт он, конечно, ей свой показал мельком, но где гарантия, что он настоящий?

— Сто пудов фальшивка.

— А я про что.

— Выходит, этот Агарков, — начал Вадим, но Люська запротестовала:

— Не Агарков он.

— Не важно. Мужчина заранее снял квартиру, чтобы было место, куда привезти меня?

— Получается так. Люсь, а телефон он Ольге Петровне оставил?

— Оставил. Но прикол в том, что абонент временно недоступен. Угадай с трех раз, почему недоступен? Правильно, симка уже давно в урне валяется.

— Теперь они на квартиру Ольги Петровны не сунутся.

— Однозначно.

— С какого числа началась аренда?

— С восьмого.

— Так, а Вадима похитили тринадцатого.

— Тщательно спланированная операция. Сняли неприметную хату у бабки, перевезли через несколько дней туда Вадьку, и готова поклясться — если бы он не слинял оттуда...

— То сейчас мы бы знали, что им было от меня нужно, — сказал Вадим.

— Не поняла юмора! Ты жалеешь, что оказался здесь с нами?

— Нет, я неправильно выразился. Меня раздражает неведение, чувствую, как над головой сгущаются облака...

— Тучи, — поправила его Люська.

— Какие тучи?

— Правильно говорить «сгущаются тучи», а не облака. Хотя ладно, проехали, вам, французам, все равно не понять русского человека.

— Я, как и ты, русский, — обиделся Вадим.

— Не совсем русский. Ты русский француз.

— Ничего подобного.

— Не собачьтесь, — вмешался я. — Вадим, что ты хотел сказать?

— Про обла... про тучи над головой. Я ощущаю страх, но не могу понять, откуда он ко мне приближается. Не по себе как-то.

— А кто знал о предстоящей поездке в Москву?

— В интернате многие об этом знали. Еще в январе директор объявил, что отличников ожидает приятный сюрприз на каникулах в виде поездки в Москву.

— Так ты отличник? Никогда бы не подумала.

— Отличником никогда не был. В основном учусь на четверки, но есть и тройки. По математике и физике.

— И как же ты со своими тройками затесался в группу отличников?

— Я завоевал первое место на соревнованиях по плаванию. Получил медаль. Мною очень гордились в интернате, поэтому решили премировать поездкой в Россию.

— Ясненько, — протянула Люська. — Вернее, ни фига мне не ясно. Сколотилась группа французских отличников, прилетела в Москву — гостиница, экскурсии, море впечатлений — и за день до отлета одного ученика отвезли на другой конец города на съемную квартиру. Но самое интересное впереди. Ни заявления в полицию о пропаже человека, ни паники не последовало, и группа отличников благополучно отбыла в Париж. А Вадька как невидимка, будто и не было его вовсе. Чепуха какая-то. Глеб, ты куда пошел?

— Алиске пытаюсь дозвониться.

— Ой, я забыла сказать, она мне звонила. У нее сегодня кастинг.

— Сегодня? И ты молчала? И почему она позвонила тебе, а не мне?

— Тебя все равно туда не пустят, успокойся.

Успокоиться я не мог. Кастинг... Кастинг... Не нравятся мне эти пробы-смотрины. Не нравятся, и все тут!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Попытка номер два

Который раз убеждаюсь: у каждого учителя в классе есть свой любимчик. Любимчик нашей алгебрухи — Санька Лаптев. Парень он неплохой, но по алгебре дуб дубом. Вызовет его алгебруха к доске, а Санька стоит, глазами хлопает. Синусы-косинусы ему по барабану, Лаптев увлекается боксом, поэтому всякую математическую фигню на дух не переваривает. Вот по репе кому-нибудь надавать на перемене или устроить разборку за школой после уроков — всегда пожалуйста, тут Лаптев сумеет отличиться.

Сегодня Сашку вызвали к доске, и класс в течение десяти минут утормал от его бредовых ответов на вопросы алгебрухи.

И что, думаете, она ему пару влепила? Ничего подобного. Сначала ходила вокруг да около, все подсказать пыталась, потом поняла, что до Сашки ее подсказки не доходят, взяла мел и решила уравнение.

Больше всего поразило, что Лаптеву за его ответ поставили тройку. И, наверное, я не стал бы

думать об этом так долго, если бы после Сашки к доске не вызвали меня. Да, признаю, из меня тоже фиговый математик, но, по крайней мере, я в состоянии решить задачу без посторонней помощи. Что, собственно, я и сделал.

Алгебруха начала придирааться, мол, это не так, то не эдак. Потребовала, чтобы я решил уравнение другим способом. Другого способа я не знал, алгебруха хищно улыбнулась и поставила мне пару.

И с таким гадством я сталкиваюсь не в первый раз. Она меня терпеть не может, оценки занижает в открытую, за контры выше троек ничего не ставит. Причина банальна: алгебрухе сильно не нравится Диана. Невзлюбила она ее как актрису, а я родной внук Дианы, следовательно, часть нелюбви перекинулась и на меня. По этому поводу у нас часто возникают конфликтные ситуации, наша классуха даже предлагала мне перейти в параллельный класс (там алгебру ведет другой учитель), но я категорически отказался. Из принципа. Не доставлю алгебрухе такого удовольствия. Пусть лучше пять раз в неделю видит на своих уроках мою физиономию и злится. Еще посмотрим, кто кого переплюнет.

Короче, после школы (алгебра у нас была последним уроком) я сразу зарулил к Иннокентию Ивановичу. Настроение ушло в минус: с одной стороны душило чувство несправедливости, с другой — никак не мог перестать думать об истории Вадима. Навалилось все в одну кучу, мешая сосредоточиться.

В таком подавленно-раздавленном состоянии я и пришел к Иннокентию.

Квартира у писателя шикарная: просторная гостиная, кабинет, две спальни, большая столовая, кухня, бесконечные широкие коридоры, плюс уютная комнатуха, в которой за ноутбуком работаю я. Раньше в этой квартире жили родители Иннокентия Ивановича: отец-генерал и мать-пианистка, — теперь он живет здесь один.

Впустив меня в прихожую, Иннокентий Иванович развернулся и молча пошаркал в кабинет. Меня это не удивило. На старика снизошло вдохновение, в такие моменты он ни с кем не разговаривает, чтобы не спугнуть музу.

Я помыл руки, зашел на кухню выпить сочку и потопал к своему рабочему месту. На небольшом столике у окна лежал мой ноутбук, несколько шариковых ручек, скрепки, ластик, корректор и десятков исписанных корявым почерком листов.

Взяв листы, я поднес их ближе к глазам. Все ясно — моя сегодняшняя работа. Включив ноут, я прикинул, что часа за два справлюсь с заданием и, если больше не буду нужен Иннокентию, смогу рвануть домой.

Сегодня работалось трудно — то ли я был не в настроении, то ли почерк Иннокентия Ивановича за последние сутки окончательно испортился, но разобрать что-либо в его записях получалось раза с десятого. Честное слово, даже у врачей почерк лучше.

...Прошло два с половиной часа. Я не заметил, что в комнате появился Иннокентий Иванович. Прислонившись к дверному косяку, он наблюдал за моей работой, точнее, за тем, как я, оперевшись подбородком на кулак, таращился в окно.

— Глеб, — сказал он своим тягучим голосом, — чем ты занят?

— Работаю, Иннокентий Иванович.

— Много осталось?

— Один лист.

— Дай-ка посмотреть, что у тебя получилось, — он сел за стол, поправил очки и начал читать. — Глеб, ошибка на ошибке, почему не исправляешь?

— Исправлю, когда закончу.

Иннокентий Иванович встал и позвал меня в кабинет.

— Скажи, у тебя неприятности? — спросил он на ходу.

— Нет, все в порядке.

— Ты рассеян.

— Вам показалось.

В кабинете Иннокентий протянул мне толстую книгу.

— Узнаешь?

— Узнаю. Я взял для вас книгу в библиотеке. — Как вы и просили, — добавил я.

— В том-то и вся соль, что просил я тебя взять другую книгу.

— Не может быть, как другую?

— А говоришь, не рассеян. Где список литературы? Надеюсь, ты его не выбросил?

— Нет. Он в моем рюкзаке.

— Принеси.

Не понимая, как мог спутать книги, я отправился за списком.

— Так-так-так, — Иннокентий Иванович развернул мятую бумажку и ткнул пальцем в пункт под номером семь.

— Читай сам.

— *«Возникновение и становление Киевской Руси».*

— Теперь читай название книги, которую взял ты.

— *«Киевская Русь накануне монгольского нашествия».*

— Разницу видишь?

— Вижу, — ответил я, вертя в руках книгу.

— Ну-ка сядь. Сядь, сядь, давай поговорим. Рассказывай, где ты там летаешь? Не тушуйся, может, смогу помочь, а?

— Вряд ли.

— Настолько все плохо?

— Не столько плохо, сколько запутанно. Понимаете, возникла неоднозначная, достаточно сложная ситуация, в которой необходимо разобраться.

— Разобраться кому?

— Мне и моим друзьям.

— И что же?

— Боюсь, не справимся.

— Чем вам помочь?

— Ничем. Вы извините, но в этом деле не помешала бы помощь профессионала, а вы... — я умолк.

— А я дилетант.

— Я не в том смысле. Вы писатель, а наше дело связано с расследованием довольно запутанной истории.

— Ага, вот где собака зарыта. Значит, истории с налетом детектива?

— Типа того, — усмехнулся я.

— Понял. Вопросов больше не задаю. Иди, заканчивай работу, а потом поедешь в библиотеку. Вернешь книгу и возьмешь другую.

— Но, Иннокентий Иванович, я думал, сегодня обойдется без библиотек.

— Друг мой, книга нужна была мне еще вчера, и я потерял много драгоценного времени. Между прочим, потерял по твоей вине. Ты не выполнил задание, и я вправе наказать тебя рублем. А как ты хотел? Но, — Иннокентий Иванович поднял вверх указательный палец, — на первый раз прощаю. Привези книгу и до завтра, нет, завтра ты мне не нужен, до послезавтра можешь заниматься собственными делами. Я вижу, у тебя с друзьями их хватает.

Я вернулся в комнату. А еще помощь предлагал, старый пень! Книга ему понадобилась, видите ли. Врет и не краснеет — вчера я притащил ему из библиотеки девять книг. Ясно же, что за одну

ночь он не успел все прочитать, а сегодня гонит в библиотеку из вредности. Писатель, елки-палки!

— Вадим, — крикнула Люська, ворвавшись в квартиру и бросив на стул сумку с учебниками и тетрадями. — Ты не против, если я тебя возьму в оборот?

— Что значит «возьму в оборот», Люси?

— Немного поэксплуатирую.

Вадим вышел из гостиной, держа в руках томик Дюма.

— Эксплуатируй на здоровье.

— Тогда собирайся, пойдем в торговый центр, хочу прошвырнуться по магазинчикам.

— Шопинг?

— Он самый.

— Люси, а как быть с верхней одеждой? У меня только рубашка.

— Позаимствуем куртку Глеба.

— Неудобно.

— Все удобно, у него их несколько. Не перечь мне, одевайся.

В торговом центре Люська заходила в каждый магазин и крутилась у многочисленных полок, манекенов и прилавков. Вадим держался стойчески, шел следом, делал заинтересованное лицо и старался улыбаться, когда на него смотрела Люська.

Часа через два он нес в руках два объемных пакета, а Люська никак не могла уgomониться.

— Вадим, зайдем сюда. Смотри, какие классные вязанные шапочки. Прелесть! Я хочу примерить белую. Мне идет белый цвет, правда ведь?

Когда силы Вадима оказались на исходе и он предложил присесть на мягкий диванчик, Люська ощутила укол совести.

— Загоняла я тебя.

— Дай мне пять минут, и можем дальше штурмовать магазины.

— У меня предложение получше, давай завалимся в кафешку, здесь столько вкуснятины.

Вадим замотал головой.

— Нет.

— Почему нет, разве ты не проголодался?

— Нет и все.

— Объясни, — настаивала Люська.

— У меня нет денег, чтобы заплатить за вкуснятину, — признался Вадим.

— Господи, какая глупость. Зато у меня есть деньги.

— Я не собираюсь есть за твой счет.

— Брезгуешь?

— Это неправильно. Когда парень и девушка идут в кафе, расплачиваться обязан парень. Во всяком случае, так принято у нас.

— Ох ты, ах ты. Смотрите, какой джентльмен.

— Люси, в кафе я не пойду.

— Но я сама хочу есть.

— Иди, я подожду здесь.

— Блин, измена! Вадим, ты все-таки странный. Ведешь себя как...

— Как кто, договаривай.

— Слишком ты правильный, — усмехнулась Люська.

— Тебя мое поведение напрягает?

— Скажем так, к правильным людям я привыкла относиться настороженно. Очень часто за их правильностью скрывается тонкий расчет.

— На что ты намекаешь?

— Сейчас ни на что, просто к слову сказала. Хорошо, предлагаю компромисс: мы с тобой заходим в кафе, я расплачиваюсь, а ты при первой возможности возвращаешь мне деньги. Идет?

Вадим задумался.

— Деньги я смогу вернуть только когда окажусь дома.

— Когда отдашь — тогда отдашь. Ну, согласен?

Вадим кивнул.

— Пошли.

Уже сидя за круглым столиком и уплетая еду, Вадим вдруг напрягся и вытянулся, словно гитарная струна. Рука его дрогнула, в глазах появился блеск.

Перестав жевать, Люська проследила за взглядом Вадима и тихо спросила:

— Кого ты увидел?

— Подожди, Люси. Этого не может быть, — он встал и начал приближаться к вышагивающей вдоль витрины женщине.

— Вадим, — Люська побежала за ним.

Женщину Вадим схватил за руку и, растерянно улыбнувшись, заговорил с ней по-французски. Все, что поняла из его речи Люська, было фраза «мадам Анри».

— Я тебя не понимаю, — ответила женщина, глядя в упор на Вадима.

Он снова произнес фразу на французском.

— Извини, я знаю только русский язык.

— Вадим, пошли, — Люська потянула его за рукав.

Когда женщина скрылась за поворотом, Вадим тяжело вздохнул.

— Обознался.

— Зачем ты к ней приставал?

— Она очень похожа на мадам Анри, знакомую моей матери.

— Ага, по-твоему, она специально прилетела из Парижа прошвырнуться по нашему торговому центру?

— Но так похожа, — Вадим все еще смотрел туда, где минуту назад стояла незнакомка.

— Бывает. Давай вернемся в кафе, там наши вещи остались.

Сев за столик, Вадим сказал:

— Однажды мадам Анри спасла мне жизнь.

— Да ладно, не шутишь?

— Мне было девять лет, я заболел: жар, температура, озноб. Мы находились в пригороде и не могли вызвать врача. Тогда мама обратилась

за помощью к мадам Анри, она жила по соседству. Когда меня к ней принесли, я почти не дышал, посинел, все думали, я умру.

— А мадам Анри врач?

— Она лечит людей травами.

— Знахарка, что ли?

— Не знаю, как правильно назвать, но после того, как в меня насильно влили какую-то жидкость, мне стало лучше. Каждый час мадам Анри заставляла выпивать по стакану отвара. К утру я был практически здоров. Произошло чудо!

— Не чудо, а травы помогли.

— Чудо в том, что рядом оказалась мадам Анри. Эта женщина имеет с ней поразительное сходство, — глаза Вадима увлажнились.

— После гибели родителей ты не видел мадам Анри?

— Нет. Я знал, что она уехала из Франции, вроде бы в Италию или даже в Россию.

Какое-то время они не разговаривали, затем Вадим сказал, что им пора возвращаться. Из кафетерия ребята вышли не в лучшем расположении духа. Спустились по эскалатору на первый этаж, дошли до выхода, а очутившись на улице, Люська спохватилась.

— Вадим, я оставила в кафе один пакет.

— Сейчас принесу.

— Сама сбегая, подожди меня, я быстро.

Взяв пакет, Люська метнулась вниз, но у самого входа заметила обувной магазинчик. Пройти

мимо она не смогла. Решив забежать туда на одну минутку, Люська сразу схватила со стеллажа черные туфли и начала вертеть их в руках. Сквозь витрину она видела, как Вадим вышагивает по тротуару, дожидаясь ее появления.

Люська села на банкетку, сняла правый ботинок и уже хотела примерить туфлю, но что-то заставило ее обернуться. Увиденное отбило всякое желание примерять туфли.

Незнакомый мужчина в черной куртке с поднятым воротником заталкивал Вадима на заднее сидение припаркованной у тротуара серебристой иномарки. Вадим сопротивлялся, но силы были неравны. Очевидно, на заднем сиденье сидел еще кто-то, потому что, хлопнув дверцей, мужик сел на водительское место, а через заднее стекло Люська увидела, как в этот момент к Вадиму потянулись руки.

Вскочив с банкетки, Люська в одном ботинке подбежала к окну, достав на ходу телефон. Руки тряслись, но ей все-таки удалось сделать несколько снимков стартанувшей вперед машины.

Через минуту она выскочила на улицу. На том месте, где совсем недавно ее дожидался Вадим, валялись пакеты с покупками. Люська начала озираться по сторонам, в глазах застыла мольба; появился страх, отчаяние, замешательство.

Вадима Дюмерили похитили во второй раз.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Все по сто рублей

— Зачем ты потащила его по магазинам?

— Глеб, я хотела, чтобы он развеялся.

— Развеялся он, ничего не скажешь. Называется, помогли парню, выгнали из чужой квартиры, приютили и... снова потеряли.

— Глебыч, зря ты на Люсю наезжаешь.

— Димон, не надо ее защищать, она сама знает, что здорово накосячила. Слышала же, что Вадима будут искать, знала, его жизнь в опасности, и все равно поступила по-своему. Ты пойми, мы должны были оберегать Вадима, а не подставлять его под удар. Ему нельзя выходить из дома, даже к окну нежелательно подходить, а ты его в торговый центр. Молодец.

— Можно подумать, я специально.

— А кто тебя знает.

— Глебыч, перебор!

— Да идите вы оба! — я вышел из гостиной и пошел к себе в комнату. — Я умываю руки, занимайтесь поисками Вадима сами, у меня и так дел по горло.

Побыть одному мне не дали, уже через пять минут Димон толкнул дверь.

— Какой сейчас смысл злиться друг на друга?

— Спроси это у той, которая заварила кашу.

— Глеб, — Люська вбежала в комнату и начала размахивать руками. — Не надо меня обвинять во всех смертных грехах. Накосычила, ошибку признаю, готова ее исправить.

— Интересно как?

— У меня есть фотки.

— Ценная улика.

— Не иронизируй, на некоторых фотографиях отчетливо виден номер машины.

— Что это нам дает?

— Многое, Глебыч, — Димон принес из гостиной ноут, куда Люська скинула фотки, и ткнул пальцем в увеличенный номер серебристой иномарки. — Попытаюсь пробить номерок по своей базе.

— Допустим, номер ты пробьешь, узнаешь имя владельца, а дальше? К нему домой не сунешься, обвинения не предъявишь.

— В полицию ломануться можно.

— С чем?

— Как с чем? Есть фотки, есть свидетель, — Димон кивнул на Люську. — Расскажем о похищении человека, и механизм закрутится.

— Не будь так уверен. Во-первых, где гарантия, что в полиции поверят тебе на слово? Что ты им предъявишь, фотки? Димон, это смешно. Я сейчас могу выйти на улицу и нафоткать десяток

тачек, а потом побежать в ближайшее отделение и доказывать, что владельцы этих машин замешаны в похищении. В лучшем случае меня вежливо попросят уйти, в худшем — пошлют куда подальше.

— А свидетель?

— Люська в данном случае не свидетель. Вадим — французский подданный, в Москве он никто и звать его никак. Прилетел с группой на экскурсию, пробыл в столице десять дней и благополучно отбыл в Париж. Все! Был Вадим — и нет Вадима. И вдруг в полиции Люська начнет уверять, что Вадим никуда не улетел, а был похищен.

— Но это правда.

— Для нас с вами. Им ничего не стоит провести проверку, пара звонков — и ситуация ясна: Вадим Дюмериль вернулся с одноклассниками в Париж. Мы остались в дураках.

— Неправильно ты говоришь, — Люська начала теревить в руках мой телефон. — Получается, преступление сойдет им с рук?

— Если не предъявим неопровержимые доказательства — да, сойдет. Фотки номера и твои слова в данном случае недостаточно весомы.

— Глебыч, ты недооцениваешь нашу полицию. Откуда столько уверенности, что нас обязательно пошлют? А вдруг поверят, решат проверить хозяина тачки и...

— О'кей, — перебил я Димона и отобрал у Люськи свой телефон. — Пусть так, поверили нам. Вызвали хозяина тачки и задали вопрос в лоб: так,

мол, и так, вас обвиняют в похищении человека. Он расхохочется и скажет, что был в тот день в торговом центре, сделал покупки и вернулся домой. Один. И, разумеется, никого не похищал. Его слово против слов Люськи. Кому поверят больше?

— Почему не мне? — удивилась Люська.

— По кочану.

Димон задумался.

— Жесть! Если бы удалось сфоткать, как он затаскивает Вадима в машину, тогда не отвертелся бы.

— Но таких фотографий у нас нет, — заключил я.

— А номерок я все равно пробью.

— Пробей, хуже уже не будет.

— Вадьку жалко, — вздохнула Люська. — Где он сейчас, чего от него хотят?

— Находиться Вадим может в любой точке города. В квартиру Ольги Петровны они больше не сунутся, не дураки. А вот снять новую — за просто. Не удивлюсь, если на этот раз арендуют квартирку в пригороде.

— Зачем, зачем им понадобился Вадим?

— Как полагаете, он рассказал нам правду или что-то утаил?

— Вадим не врал, я ему верю.

— Как показывает практика, большинство искусных лжецов вызывают к себе безграничное доверие.

— Вадим не лжец.

— Ты знакома с ним без году неделя.

— Мне этого достаточно. Я видела его глаза, они... когда он говорил о родителях, о своей жизни в интернате, в глазах стояли слезы.

— Спроси у Дианы, легко ли при определенных навыках сделать в нужный момент нужную мину.

— Глеб, Вадим не врал!

— Ладно, не настаиваю. Тогда нет ни единой версии.

— Убивать его не станут, — сказал Димон. — Иначе убрали бы сразу. Он нужен им живым. Возможно, Вадька располагает какой-то информацией, и им необходимо вытрясти из него сведения.

— Почему в Москве, а не в Париже?

— Здесь нестыковочка, — развел руками Димон. — Очередная.

— Люсь, ты хорошо рассмотрела лицо владельца иномарки? Узнать при встрече сможешь?

— Смогу.

— Случайно не тот, что в квартиру заходил?

— Нет. Этот моложе, на вид лет тридцать семь — сорок. Невысокого роста, вроде брюнет. Внешность заурядная, никаких особых примет я не заметила.

В десять часов Димон ушел домой, Люська закрылась у себя в комнате, а я попытался связать с Алисой. Звонил ей раз десять, трубку она не сняла, пришлось набрать домашний номер. Мать сказала, что Алисы еще нет. Нет дома в десять вечера? Не, ну это определенно перебор, я понимаю,

занятия в школе актерского мастерства для нее важны, но чтобы задерживаться там допоздна...

Надев кроссовки и схватив куртку, я вышел из дома. Школа актерского мастерства находилась через пару кварталов.

Димон опоздал на первый урок ровно на десять минут. Когда он ворвался в класс и, пытаясь отдышаться, попросил разрешения войти, ботаничка, оседлав любимого конька, начала читать нотацию на тему «*Организованность — важнейший фактор преуспевания*». Болтала она долго, за это время могла дважды рассказать про пестики и тычинки и прочие ботанические дела, но отчитывать Димона ей было намного приятней.

— Займи свое место, — наконец сказала ботаничка, забыв, о чем говорила с классом до появления Димона.

Димка сел, поставил под парту объемную сумку и достал из рюкзака общую тетрадь.

— Почему опоздал? — спросил я.

— Собраться с вечера не успел.

— А в бауле твоём что лежит?

— Потом скажу. Ты лучше спроси, удалось ли мне достать адресок владельца иномарки.

— Удалось?

— А как же, — Димон достал из кармана сложенный вчетверо тетрадный лист и протянул его мне.

— Ему пятьдесят лет?!

— Сам видишь.

— Люська сказала, мужику не больше сорока.

— Тачка зарегистрирована на него. Купил он ее пять лет назад.

— Странно.

— Я чего надумал, Глебыч...

— Крылов! Озеров! — взвизгнула ботаничка. — А почему шепотом? Говорите в полный голос, нам всем интересно послушать, что вы так живо обсуждаете!

— А они, Татьяна Георгиевна, очередную стратегию разрабатывают, — заржал Витька Комаров.

— Комар, рот закрой, — процедил Димон.

— А если не закрою, что ты мне сделаешь?

— Помогу.

— Комаров, Крылов, замолчите оба! Я для кого материал объясняю? Все смотрят на доску.

— На перемене поговорим, — прошептал Димон.

На перемене мы нашли Люську, и она сразу заявила, что Вадима похитил другой человек.

— Полтинника ему точно нет.

— Проверим, — Димон заговорчески улыбнулся и поднял с пола сумку.

— Ого! Дим, а что внутри?

— Не поверишь, источник знаний.

— То есть?

— Потом расскажу, Люсь. Глебыч, ты куда намылился?

— Хочу с Алисой поговорить, у них вроде сейчас география. Или физика?

— Алиска сегодня в школу не пришла, — сказала Люська.

— Почему?

— Ну, Глеб, дела у нее.

— Слышал, Димон, у нее дела. Школа побоку, дела важнее.

— В школе актерского мастерства сегодня генеральная репетиция спектакля, у Алиски главная роль. Имеет она право хоть раз в жизни пропустить уроки? Она бы сама тебе обо всем рассказала, если бы ты вчера не притащился на репетицию и не устроил ей разбор полетов.

— Было десять вечера!

— И что? Репетиция могла и в двенадцать закончиться.

— Меня посвятите в свои дела, а то я не в теме, — попросил Димон.

— Алиска вчера задержалась на репетиции, Глеб пришел в школу актерского мастерства и начал качать права. Итог: они теперь в контрах.

— А-а, — улыбнулся Димон. — Это дело поправимое. Ладно, с вами хорошо, но мне надо кой-куда забежать перед уроком, а то перемена кончается.

— Блин, Дим, так и не сказал, что в сумке-то?

— Золото, бриллианты.

— Глеб, что у него там?

— Не знаю, не говорит.

— Конспиратор. Ну, я пойду, у нас сейчас физра, переодеться надо. У вас сколько сегодня уроков?

— Семь.

— После школы сразу домой?

— Если бы! Иннокентий загрузил по полной. Дома буду часов в восемь.

— Сочувствую, — хмыкнула Люська.

— По твоему лицу не скажешь. На ужин что-нибудь приготовь, у нас есть нечего.

Люська отошла в сторону и, подражая балерине, плавно изогнула руки, изобразив умирающего лебедя. Потом хохотнула и побежала в раздевалку. Я так и не понял, будет у нас вечером нормальный ужин, или опять придется покупать пельмени и наворачивать их с кетчупом.

Едва прозвенел звонок с последнего урока, Димон перекинул через плечо рюкзак, подхватил сумку и вышел на крыльцо. Обогнув здание школы, он дошел до автобусной остановки и уже минут через семь спускался в метро.

Владимир Алексеевич, именно так звали владельца серебристой машины, жил недалеко от центра. Димону потребовался час, чтобы добраться до нужного дома, отыскать нужный подъезд и замереть на первом этаже у лифта.

Он пытался просчитать, на каком этаже находится двести третья квартира, и в этот момент

из лифта вышел низкорослый парень с круглым лицом.

— Не подскажешь, квартира двести три на каком этаже?

— А кто там живет?

— Владимир Алексеевич...

— Да-да, — сказал круглолицый, даже не дослушав фамилию. — Дядя Вова на двенадцатом этаже.

— Спасибо, — Димон проворно вставил ногу между смыкающимися створками лифта, и те, недовольно заворчав, медленно раскрылись.

На двенадцатом этаже Димон пересек площадку с четырьмя лифтами (два грузовых и два пассажирских), открыл дверь в общий коридор и осмотрелся. В длинном коридоре семь квартир, двести третья — крайняя слева. Димон подошел к металлической двери, посмотрел на табличку с номером, на глазок, кнопку звонка и услышал доносившийся из квартиры голос. Вроде бы женщина позвала кого-то по имени. Димон поставил сумку на прорезиненный коврик, поправил на плече рюкзак и приложил ухо к двери.

— Уши греешь? И что слышно?

Обернувшись, Димон заметил высокую девчонку, державшую на поводке унылую таксу. И как она в коридоре очутилась, почему он не услышал шума открываемой двери? Застала врасплох, надо бы начать выкручиваться.

— Делать мне больше нечего, — Димон сел на корточки, исподлобья наблюдая за девчонкой. —

Шнурок развязался, хотел завязать, а тут ты появилась.

— Шнурок, говоришь? Ну-ну. Ася, пойдем, — она натянула поводок, и унылая такса нехотя поплелась за хозяйкой.

И зачем, спрашивается, зарулила в коридор, этажи, что ли, перепутала? Выждав для верности пару минут, Димон позвонил в двести третью квартиру.

Открыла ему средних лет женщина. Осмотрела с ног до головы, улыбнулась.

— Тебе кого?

— Мне... Я книгами торгую, не хотите что-нибудь приобрести?

— Ой, нам не нужны книги, своих много.

— А может быть, посмотрите. У меня хорошие книги, — Димон все порывался заглянуть в прихожую. — Есть и детские сказки с красивыми иллюстрациями, и детективы. Вы любите детективы?

— Вот как раз детективы я не люблю.

— Агата Кристи, — не сдавался Димон. — Посмотрите.

Он нагнулся и начал доставать из сумки книги в добротных переплетах.

— Не надо, не доставай, — пыталась остановить его женщина, но Димон ее не слушал.

— Мне не трудно. Вот, взгляните: «Убийство в Восточном экспрессе». Отличная книга, качественный классический детектив. Еще из Кристи есть «Десять негритят». И стоят недорого.

— Сколько же они стоят?

— По сто рублей, — выпалил Димон.

Брови женщины поползли вверх.

— Сто рублей? Ну-ка, проходи в квартиру.

Обрадовавшись, Димон подхватил сумку и ступил в узкую прихожую. Начал осматриваться, выискивая жадным взглядом все, что, как ему казалось, может помочь дальнейшему расследованию.

— Я, пожалуй, куплю два детектива.

— И очень правильно поступите. Агата Кристи — королева детектива. Еще могу предложить Хемингуэя, Ремарка...

— Рая, кто пришел?

— Володь, здесь книги предлагают.

— Что за книги? — в прихожую въехал мужчина в инвалидном кресле.

— Смотри, Агата Кристи, и всего по сто рублей.

— Вот как, любопытно будет взглянуть.

— У него Хемингуэй есть.

— Очень любопытно, — повторил мужчина и достал из нагрудного кармана очки. — И сколько просите за Хемингуэя, молодой человек?

— Тоже сто, — сказал Димон. — Продаю все книги по сто рублей.

— Занятно. Рая, а что это там, сказки?

— Да, русские народные.

— Может, возьмем Маришке?

— За сто рублей, конечно, возьмем.

— Молодой человек, Хемингуэй у вас один?

— К сожалению, да.

— Я его беру.

— Скажите, у вас есть машина? — спросил Димон.

— Есть?

— Какой марки?

Мужчина вопросу не удивился, продолжая листать книгу, машинально ответил:

— Тойота. Почему вы спрашиваете?

— Возможно, вас интересует книга для автолюбителей.

— Здесь я вас разочарую, молодой человек. Автолюбитель из меня неважнецкий, — Владимир Алексеевич легонько похлопал себя по колену. — Сами видите, на каком автомобиле я вынужден передвигаться.

— Посмотрим, сколько мы тебе должны, — женщина достала кошелек, пересчитывая выбранные книги. — Раз, два, три... семь книг. Семьсот рублей.

Получив деньги и мысленно приготовившись к нагоняю от родителей, когда те узнают, что сын покусился на домашнюю библиотеку, Димон сглотнул. Да, от отца влетит по первое число. Каждая взятая из дома книга тянет рублей на триста-четыреста. Букинистическое издание, тканевый переплет, а он их по сотне. Эх, ну и дурак. Надо было хоть по двести рублей каждую продать. Хотя чего сожалеть, после драки кулаками не машут.

— Спасибо тебе, — поблагодарила женщина.

— А водички можно попить?

Пока она ходила на кухню за водой, входная дверь открылась и в прихожую прошла знакомая девчонка с унылой таксой Асей. Димон вытаращил глаза. Девчонка усмехнулась.

— Еще раз привет.

— При... привет.

— Ника, ты знакома с молодым человеком?

— Виделись в подъезде. Не знала, что он к нам в гости собрался.

— Он торгует книгами, ты посмотри, что мы с мамой купили. Хемингуэй. Блинтовое тиснение. И всего сто рублей. А Маришке сказки.

Димон старался не смотреть ни на Нику, ни на книгу в руках у Владимира Алексеевича. За Хемингуэя ему отец оторвет голову.

— Ты что, целыми днями по подъездам ходишь, книгами торгуешь? — издевательски поинтересовалась Ника.

— Целыми днями по подъездам не хожу, днем учусь в школе, а книгами торгую в свободное время.

— И много наторговал?

— Ника, как не стыдно, — жена Владимира Алексеевича протянула Димону стакан воды и с укоризной посмотрела на дочь.

Вернув стакан, Димон попрощался и вышел из квартиры. Это называется, ранен и убит. Отдал почти за бесценок семь книг, выяснил, что Владимир Алексеевич инвалид и ушел ни с чем. Ясно, как день, что отец Ники не имеет отношения к

похищению Вадима, он чисто физически не мог находиться в машине, из этого следует... Димон вызвал лифт и привалился плечом к стене. Ни фиги из этого не следует. Хотя марка совпадает. Вадима затолкали в тойоту.

В лифте Димона осенило, а вдруг машина Владимира Алексеевича в угоне? А что, всякое бывает. Подняться и спросить? Нет, его возвращение и вопрос об угоне вызовут подозрение. Что же делать? Димон чувствовал, уйти просто так, значит, признать собственное поражение. А он не может смириться с ролью побежденного.

На первом этаже, прежде чем выйти на улицу, постоял в задумчивости возле почтовых ящиков и толкнул входную дверь, когда услышал шум открывающихся створок лифта.

Димон шел по тротуару, и неожиданно его окрикнул знакомый голосок:

— Продавец книг, стой.

Ника подошла к нему пружинистой походкой, такса Ася едва поспевала за хозяйкой.

— Куда намылился?

— Не твое дело.

— Грубишь?

— Ты тоже не была со мной ласковой.

— Обиделся, да? Не надо, я не со зла.

— Ладно, проехали.

Они не спеша пошли по тротуару, Ася была вынуждена семенить мелкими шажочками по дороге.

— Ты ведь соврал моим родителям, — весело проговорила Ника. — Ты такой же продавец книгами, как я дочь арабского шейха.

— А в сумке у меня, по-твоему, что, кирпичи?

— В сумке книги, но пришел ты к нам домой с иными целями.

Димон остановился.

— К чему эти намеки?

— О! О! Вот мы и занервничали, глазки-то забегали. Я тебя мгновенно раскусила, еще когда ты у нашей двери уши грел.

— Я говорил тебе, шнурок завязывал.

— Ой-ой-ой, шнурок. Сам его и развязал, а потом делал вид, что завязываешь. Знаем этот фокус, проходили. Ты изначально действовал по не продуманной схеме, поэтому и лоханулся. Хочешь голых фактов? Пожалуйста. Мы с Аськой гуляли возле подъезда, когда ты прошел мимо нас. И уже через две минуты я застала тебя у нашей двери. Вопрос: с какой стати, человек, торгующий книгами, завихрился сразу на двенадцатый этаж. Ну? Молчишь?

Димон смотрел на довольную Нику, силясь понять, чего она добивается.

— Вторую промашку ты совершил, когда вышел от нас. Книг-то в сумке осталось много, но ты, вместо того чтобы пройтись по соседним квартирам, спустился вниз и потопал по тротуару. Значит, ты не продавец и приходил к нам целенаправленно.

— Тебе не откажешь в сообразительности.

- Знаю. Колись, по чью душу приезжал?
- Почему у тебя собака такая убитая?
- Собака как собака. Тему не переводи. Я жду.
- Сдаюсь. Приезжал к твоему отцу.
- По поводу?
- У вас есть машина, серебристая тойота?
- Да, это наша машина. Кстати, вон она сто-

ит, третья слева.

Димон подошел к иномарке.

- Все верно, и номера совпадают.
- Не говори загадками.
- Тут такая история... В общем, несколько дней назад я с маленькой сестрой стоял на светофоре. Загорелся зеленый, мы пошли по переходу, и вдруг на нас мчится эта самая тойота. Чуть не сбила. Я номерок сфоткать успел.

Ника поежилась.

- Ты ничего не путаешь?
- Говорю, номер сфоткал. Пробил по базе данных, узнал фамилию владельца, решил приехать, посмотреть на этого гонщика.
- А книги зачем взял?
- Для маскировки. Думал, сначала обстановку разведую, а потом в полицию заяву накатаю.
- На моего отца?
- Понял уже, что не он за рулем был.
- Не он, — испугано сказала Ника. — Папа на улицу почти не выходит, в основном машиной пользуется мама. Но в тот день за рулем была не она.

— Верю. За рулем сидел мужчина. Лица, правда, мне разглядеть не удалось.

Ника отвернулась и пнула носком ботинка черную зажигалку.

— Мерзавец! Это он. Везде напортачить успеет.

— О ком ты говоришь?

Ника молчала.

— Слушай, Ника...

— Не называй меня Никой. Я Вероника.

— Ты знаешь, кто был за рулем тойоты?

— Да.

— Кто?

— Давай отойдем подальше от дома. Я все тебе расскажу. Ася, пошли. Аська, рядом!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В плаще и шляпе

Какое-то время они не разговаривали, шли рядом, молчали. Вероника, о чем-то задумавшись, сосредоточено смотрела под ноги, Димон изредка поглядывал на ковыляющую позади таксу Асю. Определенно, это собака не в себе — или ленивая до безобразия, или ей больше ста собачьих лет.

— Сколько лет Асе?

— Четырнадцать.

— Обалдеть!

И снова повисло молчание.

— Не жалеешь, что продал родителям книги? — спросила Вероника, остановившись на переходе.

— Продал и продал.

— Я могу поговорить с папой, он поймет.

— Нет! С книгами я сам разберусь, лучше расскажи про машину.

Они перешли дорогу, и Вероника злобно прошептала:

— За рулем сидел Семен, папин младший брат.

— Твой отец оформил на него доверенность?

— Ничего он не оформлял. Семен приехал к нам поздно вечером, мы спать собирались. Сказал, что попал в легкую аварию, в сервисе машина простоит дня три, а ему позарез нужны колеса, и попросил у папы ключи от тойоты.

— Когда он вернул машину?

— На следующий день. Или нет... Через день.

— Тебе не нравится Семен, я угадал?

— Я не пытаюсь этого скрыть, он меня раздражает. Всегда раздражал.

— Он же твой родной дядя.

— И что? Знаешь, если человек ничтожество, никакие родственные связи не помогут.

— Есть основания считать его ничтожеством?

— Есть.

— Не расскажешь?

Сказав, что жутко проголодалась, Вероника предложила зайти в булочную. Димон кивнул на располагавшееся через дорогу бистро.

— Я приглашаю, — сказал он, переложив сумку в другую руку.

— Ничем хорошим там не накормят, а обычная сдобная булка утолит голод.

Когда пять минут спустя они опять пошли по узкому тротуару, Димон вернулся к прерванному разговору.

— Вероника, что собой представляет твой дядя?

— Неприятный тип. Занимается темными делишками, совершенно беспринципный, жестокий. Повторяю, Семен — ничтожество.

— Про темные делишки ты сказала к слову или есть доказательства?

— Образ его жизни — главное доказательство. Сам суди, образования он не имеет, работы тоже, как папа ни спросит, чем занимается, начинает сразу отшучиваться. А у самого дорогая машина, одежда недешевая, за собой следит.

— Это не повод называть его ничтожеством.

— Ничтожество и есть! — процедила Вероника. — Он Бига убил. Была у нас собака — немецкая овчарка. Старый пес уже, болел часто. Два года назад летом приехал Семен к нам на дачу, а Биг в тот день умудрился отравиться чем-то. Наизнанку его начало выворачивать, мама в слезы, думала, Биг умирает, папа побежал машину заводить, в клинику Бига везти, а Семен... — Вероника села на корточки и стала гладить Асю по длинной спине.

— Что сделал Семен?

— Сказал, что не стоит нам возиться со старым больным псом. Он уже не жилец, не сегодня-завтра все равно издохнет. Потом, когда подошел папа, стал доказывать ему свою правоту. Папа не соглашался, просил Семена помочь донести Бига до машины. Биг забился в конвульсиях, из пасти пошла пена, тогда Семен достал пневматический пистолет и выстрелил ему в голову.

Ася, словно переняв волнение хозяйки, заскулила.

— Я его ненавижу. Он убил Бига! Семен не имел права убивать нашу собаку, он... он убийца. Был

скандал, они с папой чуть не подрались, а уже вечером родители меня уверяли, что, наверное, Семен поступил правильно. Представляешь?

— У меня тоже есть собака, — зачем-то сказал Димон. — Марсом зовут. Кавказец. Извини, я перебил тебя.

— Семен почти год не появлялся, приехал следующим летом, когда дедушка умер. И через два дня они с папой попали в аварию. Этот идиот гнал на бешеной скорости, дорога после дождя была скользкой, не удалось справиться с управлением. В результате, папа остался инвалидом, а Семен отделался двумя царапинами.

— Твоему отцу уже ничем нельзя помочь?

— Врачи говорят, шанс есть. Две операции ему сделали, осенью проведут третью. Вероятность, что папа снова встанет на ноги, высока. Мы с мамой на это надеемся.

— А Семен?

— Полгода о нем слышно не было, я думала, больше не осмелится на глаза показаться. Осмелился. Приезжал на папин юбилей, потом на Новый год появился. С тех пор зачастил. Любой повод ищет, говорит, хочет воссоединиться с семьей. Врет все. Мы ему не семья, лично мне такие родственники не нужны.

— А родители?

— Принимают его, верят каждому слову. Они у меня наивные, их при желании даже ребенок вокруг пальца обведет. Мама еще с характером, а папа жутко доверчивый.

— Я так понимаю, своей семьи у Семена нет?

— Вроде он был женат, но с женой давно разошелся. Не удивительно, кто с таким жить согласиться. Я и Ларису понять не могу, вроде нормальная тетка, а связалась с Семеном.

— Ты о ком говоришь?

— А-а, — Вероника махнула рукой. — Подруга дней его суровых. На Новый год он нас с ней познакомил, после еще трижды вместе приезжали. Папа все радуется. Наконец, говорит, Семену повезло, такую женщину нашел. А женщина эта, между нами говоря, ничем не выделяется. Глуповата и простовата.

— Ее ты тоже недолюбливаешь, — засмеялся Димон.

— К ней я никак не отношусь. Мне фиолетово.

— Она молодая?

— Не очень, — ответила Вероника. — Лет тридцать ей.

— А Семену сколько?

— Тридцать семь.

— Ты знаешь, где он живет?

— Не знаю и знать не хочу. Его адреса у нас нет.

— А у Ларисы он жить не может?

— Ни в коем случае! У нее родители пожилые, она сама рассказывала. А квартирка маленькая, двухкомнатная.

— Но они же где-то встречаются.

— Чего ты ко мне привязался? Ну встречаются где-нибудь. Мне по барабану.

— Не сердись, просто пытаюсь выяснить, как можно найти твоего дядьку.

— Зачем? Лучше оставь эту затею. Все равно ничего стоящего не выйдет. К ответственности ты его не привлечешь и вести себя правильно на дорогах не заставишь. Неужели на самом деле собираешься идти в полицию?

— Он чуть нас не сбил.

Вероника достала из кармана пачку жевательной резинки.

— Будешь?

Димон отказался.

— Не связывайся с Семеном. Дурака только могила исправит. И не получится у тебя его адрес узнать. Папа просил телефон домашний оставить, Семен не оставил. Сказал, дома телефона нет. И номер мобильного не дал, сам нам звонит, причем каждый раз с разных номеров. Теперь понимаешь, почему я про темные делишки упомянула?

— Мутноват твой Семен.

— Он не мой.

— Вероника, а Лариса чем занимается?

— Чаем торгует.

— Это как?

— А ты не знаешь, как люди занимаются торговлей? В гипермаркете она свою лавочку открыла. Арендует закуток, вся в чаях зарылась, ароматами благоухает.

— Она владелица или продавщица лавки?

— Два в одном.

— А в каком гипермаркете ее лавочка?

— Хочешь смотаться?

— Время есть, можно.

— В принципе, здесь недалеко, четыре остановки на троллейбусе. Поехали.

На остановке, прежде чем зайти в троллейбус, Вероника взяла на руки сонную Асю, и ребята сели на двойное сиденье.

— Почему ты назвала Ларису глуповатой?

Вероника коснулась кончиком пальца кожистого носа Аськи и улыбнулась.

— Сам суди, мы разговаривали, и я спросила, читала ли она Гегеля. Лариса сказала, что читала. И самое любимое произведение «Вечера на хуторе близ Диканьки». Я долго смеялась. Взрослая женщина, и такое ляпнуть. Хорошо еще, что папа не слышал ее выпада.

Димон почесал затылок.

— А что смешного в ее словах? Я, например, книгу не читал, но кино смотрел.

— Второй гений объявился. Ты вообще понял, что я сказала? Вечера написал Гоголь. Слышал о таком?

— А как же. Николай Васильевич.

— А я Ларису про Гегеля спрашивала. Где Гоголь, а где Гегель — разницу видишь, или для тебя они тоже едины? Гегель — известный немецкий философ. Я его с двенадцати лет читаю.

— Не рановато ты философией увлеклась?

— Когда надо, тогда и увлеклась. Вставай, на следующей остановке выходим.

— И все-таки ты не права, Вероника, — сказал Димон, когда они подходили к гипермаркету. — Не все такие ботаны, как ты. Без обид, о'кей?

— Сам ты ботан! Иметь элементарные знания обязан каждый. Согласен?

Димон пожал плечами.

...Точка, в которой размещалась чайная лавка, как и полагается, находилась на пути основного потока людей. Покупатели заходили в магазин, шли по залу и волей-неволей натыкались на гостеприимно распахнутые стеклянные двери чайной лавки. Одни проходили мимо, другие останавливались, чтобы через стеклянную витрину рассмотреть товар, третьи заходили внутрь, присматривались, приценивались.

— А вон и Лариса, стоит, сияет.

Имея фигуру подростка, Лариса больше смахивала на ученицу старших классов, чем на тридцатилетнюю женщину. Низкорослая, смуглая, с копной черных вьющихся волос, она стояла за прилавком и мило разговаривала с двумя пожилыми женщинами, совершившими в чайной лавке покупку.

— Зайдешь? — спросила Вероника.

— Пожалуй, нет.

— Ты же хотел ее увидеть.

Димон прищурился и попросил Веронику посмотреть за сумкой с книгами.

— Я сейчас.

У входа в чайную лавку висело написанное от руки объявление: «*Требуются работники на неполный рабочий день. От 14 до 24 лет*».

Димон подошел к Веронике, подмигнул Аське и поднял сумку.

— Можем отчаливать.

— Да, пора, загулялись мы с тобой сегодня, Ась. Ну что, Дима, пока.

— Я провожу вас до остановки.

...Троллейбус они ждали минуты три, потом Вероника прошла в салон и помахала Димону рукой. Он помахал в ответ.

Метро находилось в трехстах метрах от остановки, Димон потопал туда сразу, как только троллейбус тронулся с места.

Подозрительного мужчину он заметил на подходе к подземке. Заметил и насторожился. Несмотря на то, что тот изо всех сил старался выглядеть незаметным, его одежда привлекала внимание. Длинный черный плащ с поднятым воротником, черная шляпа, надвинутая на глаза, в руках папка. Мужчина топтался у киоска, торгующего проездными билетами, и когда Димон с ним поравнялся, начал боком пробираться к газетной палатке. Пробирался неуклюже и все на Димона поглядывал.

Решив проверить правильность своих догадок, Димон подошел к палатке, сделав вид, что собирается купить газету. Мужчина в шляпе выглянул из-за угла. Встретившись взглядом с Димоном,

резко отпрянул назад и упал. За палаткой послышалась возня, а когда Димон, схватив сумку, бросился бежать, незнакомец рванул за ним. Но у самых ступеней налетел на старуху, споткнулся о ее тележку и растянулся на грязном полу. Шляпа слетела с головы, и Димон, прежде чем окончательно скрыться из виду, успел увидеть курчавые русые волосы.

В вагоне метро он соображал, что все это могло значить. Слежка велась явно за ним, причем велась карикатурно: мужик не только не пытался быть незамеченным, но, кажется, делал все возможное, чтобы Димон обратил на него внимание.

Внезапно Димону сделалось неудобно. А вдруг это такой хитрый ход? Ведется слежка, и один человек специально перетягивает на себя внимание, чтобы обеспечить полное прикрытие второму. И пока тот клоун в шляпе двадцать раз падал на ровном месте и Димон не спускал с него глаз, некто второй в свою очередь не спускал глаз с Димона.

Все может быть, все может быть. Главное, не поддаваться панике. Димон начал незаметно разглядывать пассажиров вагона. Вроде никто на него не смотрит, но это далеко не гарантия. Вообще не факт, что они едут в одном вагоне.

Свою остановку Димон проехал. Вышел через три остановки, не спеша дошел до информационного щита, начал читать. Изредка оборачивался по сторонам. На первый взгляд все чисто, но бдительность терять не стоит.

Пришлось выйти из метро и окольными путями, через дворы, добираться до соседнего квартала, а там, вновь через дворы, до автобусной остановки.

Примерно через час, сделав три пересадки, он добрался до дома.

...Люська сразу загорелась идеей попытать счастье в чайной лавке.

— Если им требуются работники от четырнадцати лет, чем я не кандидат?

— Стоит ли впрягаться, Люсь?

— Конечно, стоит. На Семена мы можем выйти только через Ларису, других путей я не вижу.

— И как нам поможет твое пребывание в чайной лавке?

— Вероника же сказала, они встречаются. Рано или поздно Семен наверняка должен будет появиться у Ларисы на работе. Заедет за ней или просто заскочит, чтобы увидеть.

— Не обязательно.

— Дим, дома у нее старые родители, значит, встречаются они или у него, или на нейтральной территории. Встречаются после работы, и я сомневаюсь, что Лариса моторит на встречи своим ходом. Понял мою мысль?

— За ней можно вести наблюдение.

— Угу. Каждые день приезжать в гипермаркет и прятаться по углам.

— Приезжать не днем, а к концу рабочего дня, когда вероятность появления в лавке Семена наиболее высока.

— Все так, но ты не учитываешь некоторые нюансы. Свой человек в стане противника никогда не помешает. Не лучше ли мне устроиться на работу в чайную лавку, познакомиться с Ларисой, какое-никакое, а общение между нами начнется. Я ей что-нибудь расскажу, она чем-нибудь поделится, и, возможно, появятся ниточки, ведущие к Семену.

— Было бы неплохо.

— Ты недооцениваешь способность женщин делиться друг с другом информацией, иногда мы настолько болтливы, что в обычном разговоре выбалтываем все тайны.

— Хорошо, что ты это признаешь.

— Ну да, — усмехнулась Люська, — я самокритична.

— Гарантий нет, что тебя возьмут на работу.

— Меня возьмут, не сомневайся. Совмещу приятное с полезным: и делом займусь, и денежки получу.

— Люсь, я склоняюсь к слежке издалека.

— Дим, у нас людей мало, кто следить будет? Глеб после уроков у Иннокентия Ивановича, Алиска в школе актерского мастерства пропадает, по сути нас двое: ты да я, да мы с тобой. Я следить издалека отказываюсь. Шоколадку хочешь?

— Нет.

— А я съем. Слушай, а насчет мужика в черном плаще — забей. Не думаю, что он за тобой следил.

— Все очень явно было.

— Сейчас хватает шизиков. И этот в шляпе, наверное, в неадекват впал. Скорее всего, он со

всеми себя так ведет, сам же говоришь, действовал слишком явно, напоказ.

— Поверю тебе на слово, — Димон встал с кресла и потянулся. — Чем так пахнет вкусно?

— Я плов приготовила.

— С этого надо было начинать, я со школы ничего не ел. А ты мне шоколадку место плова впаривала.

— Ну, простите, не догадалась. Пошли, работник месяца. А за книги-то тебе отец мозг вынесет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хвост крючком, нос пяточком

Сбежав с двух последних уроков, Люська поехала в гипермаркет. Но в чайной лавке ее ждало разочарование. Во-первых, на дверях не было никакого объявления, во-вторых, на вопрос, требуются ли еще работники, Люська услышала:

— Работников хватает, — это сказала суровая продавщица с непроницаемым лицом.

— Уже взяли, да?

— Никого не брали, ты что-то путаешь.

Люська вышла из лавки и поплелась к выходу. Неужели приехала не в тот магазин? Да нет, все верно, Димка назвал точный адрес, ошибки быть не может. Люська посмотрела в сторону и просияла. В нескольких метрах от нее находилась еще одна чайная лавка. В гипермаркете их оказалось две, оттого и произошла неразбериха.

— Я по объявлению, — сказала она, подходя к прилавку.

Лариса была приятно удивлена.

— Очень хорошо. Тебе сколько лет?

— Четырнадцать с половиной.

— Значит, школьница.

— Но в объявлении написано...

— Знаю, знаю, я просто уточнила. Тебя как зовут?

— Люся.

— А я Лариса, хозяйка лавки.

— Вторая лавка тоже принадлежит вам?

— Нет, — взволнованно проговорила Лариса и отшутилась: — Конкурирующая организация.

— Понятно. А кто именно вам требуется, продащица?

— До продащицы тебе еще расти и расти. Мне нужен помощник, — Лариса вышла из-за прилавка, подвела Люську к маленькому столику, стоявшему в углу, усадила на стул и сказала: — Лавку свою я открыла не так давно, но торговля идет бодренько. У меня сорок восемь сортов чая, качество отменное, работаю для людей. Любой желающий, прежде чем купить чай, может провести дегустацию, вот столик, стулья, все удобства. Цены приемлемые, а постоянным покупателям делают скидки.

— Здорово.

— Здорово, да не совсем. Дело шло в гору, пока соседи из второй чайной лавки не начали в наглую переманивать клиентов.

— Каким образом переманивают?

— На рекламу не покупались, акции всевозможные устраивают, скидки большие дают.

— А вы акции не устраиваете?

— До недавнего времени в них не было необходимости. Теперь, видимо, придется. Но сперва необходим наплыв покупателей. Потому и ищу помощника.

— Считайте, уже нашли, — улыбнулась Люська. — Так что мне надо делать?

— Раздавать на улице флаеры.

— Весь день?

— Часа два. Потом помогаешь мне в лавке. Согласна?

— Сегодня можно приступить?

Лариса положила свою ладонь на ладонь Люськи.

— Нужно. Но перед твоим первым выходом я угощу тебя чаем. Ты пила когда-нибудь белый чай?

— С молоком, что ли?

— Нет. Настоящий белый чай.

— А разве есть белый чай?

— Он из провинции Фудзянь. Обладает слабым вкусом, переходящим в насыщенное послевкусие. Для сохранения аромата его заваривают не кипятком, а водой, разогретой до 70 градусов.

Люська слушала Ларису, а сама представляла себя стоявшей на улице с пачкой флаеров в руках. «Интересно, — думала она, — как быстро мне наскучит эта роль?»

Белый чай Люське не понравился. Возможно, она просто не относилась к ценителям чая, но, сделав несколько глотков, не ощутила ни вкуса, ни послевкусия. Кстати, чай Лариса налила в две

маленькие деревянные чашечки, эдакие увеличенные наперстки.

— Ну как, бесподобно, правда?

— Целыми днями бы пила белый чай, — соврала Люська, решив, что от нее все равно не убудет.

Далее Лариса зашла в примыкающее к чайной лавке подсобное помещение и вернулась оттуда с пачкой цветных флаеров.

— Вот флаеры, а вот наш слоган.

— Я еще и слоган должна буду произносить?

— Без слогана нельзя. Так ты привлечешь больше внимания. Сегодня можешь читать по бумажке, но к завтрашнему дню выучи наизусть.

Люська взяла листок, начала читать:

*«Не хандри и не скучай,
Улыбайся шире.
Выпей качественный чай,
Раз-два-три-четыре!»*

— Какой-то детский стишок. Кто эту фигню сочинил, детсадовцы?

— Эту фигню сочинила я.

— Простите.

— Читай с выражением, с эмоциями.

— Может, мне еще и отплясывать надо?

— Если получится — попробуй, — абсолютно серьезно ответила Лариса.

— Ладно, — вздохнула Люська, — пойду веселить народ, привлекать внимание.

— Подожди, ты не оделась.

— Да я вроде как и не раздевалась.

— Не в своей же куртке ты будешь флаеры раздавать.

Люська заподозрила неладное.

— А в чем?

— Сейчас костюм принесу, — Лариса опять юркнула в подсобку и крикнула оттуда: — Люся, иди сюда, возьми голову.

— Что взять?

— Голову, говорю, возьми.

Закусив губу, Люська подошла к подсобке, где ей вручили огромную розовую голову большеглазого поросенка. Потом Лариса достала нижнюю часть костюма: розовый комбинезон с маленьким закрученным спиралью хвостиком.

— Вчера привезли. Ты не думай, в нем не жарко, во всяком случае, за два часа не запаришься. Но куртку на всякий случай лучше сними.

— Подождите, Лариса, мы так не договаривались. Вы хотите выставить меня посмешищем?

— Я хочу, чтобы мои конкуренты поняли: мы тоже не лыком шиты. В костюме ты будешь заметней.

— Не сомневаюсь, но... Господи, он такой огромный! Как я в него влезу?

— Я помогу.

— А передвигаться как буду?

— Люся, костюм удобный. Голова немного тяжеловата, но два часа выдержишь. Смотри, рот у

поросенка открыт, он находится на уровне твоих глаз, обзор у тебя будет хороший.

— Не уверена, что справлюсь. Неожиданно как-то... Огорошили вы меня с костюмом.

— Отказываешься?

Люська смотрела на розовую голову, большие глаза, розовый пяточок размером с крупное яблоко и уже была готова развернуться и убежать, но Лариса вдруг взмолилась:

— Мне нужна помощь, иначе прогорю, придется закрыть лавку.

— Предлагаю компромисс: флаеры раздаю не два часа, а час.

— Полтора, — хитро улыбнулась Лариса.

— Эх, на что только не пойдешь ради заработка.

Лариса засуетилась, начала помогать Люське влезть в тело поросенка и все тараторила без остановки, давая ценные указания. Советовала, как правильно ходить, как с выражением произносить слоган, как держать флаеры.

Нахлобучив на новоявленную помощницу поросенком голову и сунув пачку флаеров в одну руку, а листок с текстом в другую, Лариса осталась довольна.

— Теперь иди. И больше эмоций, больше движений! Помни, чем больше покупателей нам удастся заинтересовать, тем больше денег мы получим.

Люська сделала шаг, второй, третий и чуть не упала.

— Осторожней!

— Блин, в этом свинячем скафандре надо еще научиться ходить!

В чайную лавку зашла молодая пара. Увидев Люську, женщина засмеялась, мужчина удивленно хмыкнул.

— Люся, с Богом, — сказала Лариса, вытолкнув поросенка за дверь.

Еле придвигая ногами, Люська потопала к выходу. Ловя на себе любопытные взгляды прохожих, она была готова сгореть со стыда. Успокаивало одно: через узкую щель (рот поросенка) видно лишь глаза и часть носа, и никто, в принципе, не догадается, кто облачен в этот розовый ужас.

У самого выхода от Люськи шарахнулся маленький мальчишка, отставший от матери. Сначала мальчуган вытаращил глаза, а когда Люська, споткнувшись, едва не растянулась на плиточном полу, дал деру. При этом заорал, что его напугала тетя свинья.

«Тетя, — со злостью подумала Люська. — Почему он решил, что в костюме тетя, а не дядя? Какая несправедливость. Какое свинство! Причем свинство в прямом смысле этого слова!»

Не успела Люська выйти из магазина, как ее остановил охранник. Пришлось объяснять, что она работает в чайной лавке у Ларисы. Охранник сразу смягчился, закивал головой и похлопал поросенка по плечу.

На улице было многолюдно, но у Люськи никак не получалось вручить хотя бы одному прохожему флаер. От гигантской свинки шарахались все, от мала до велика. Пещерные люди, честное слово, как будто не понимают, что в костюме находится такой же человек, пытающийся заработать свои кровные.

— Не проходите мимо! — кричала Люська. — Заходите в нашу чайную лавку! Эй, бабуля, возьмите флаер.

Подбежав к старушенции, Люська протянула ей яркую листовку, но бабка начала отмахиваться.

— Отойди! Отойди от меня. Не нужны мне твои флаги.

Люська изо всех сил старалась не унывать.

— Отборный чай! Смешные цены! Лучшая в районе чайная лавка. Зайдите к нам, и мы дадим вам продегустировать великолепный белый чай из... провинции... Фер... хер... Диодзянь!

Никакой реакции. Мужчины, женщины, дети, старики проходили мимо и только смеялись при виде неуклюжего поросенка. А то и пальцем тыкали. Неандертальцы!

Люська впала в ярость.

— Лавка! Чайная! Заходите!

— Какая аппетитная свинка, — раздался громкий басок. — И как тебя зовут, свинка?

Люська повернулась и увидела трех парней-ровесников.

— Чего надо? Не мешайте работать!

— А кем ты здесь работаешь? Зазывалой? Ха-ха-ха. Санек, глянь на этот пятак.

Второй парень подошел к Люське вплотную и сжал розовый пятак.

— Бип-бип-бип!

— Руки убери, — Люська хотела садануть парня по руке, но вместо этого выронила листок с ненавистным слоганом.

— А свинья с характером, — засмеялся третий.

— Свинка, почему ты такая злая? Ха-ха-ха!

— Может, тебя здесь не кормят, или ты покурить хочешь? Сигаретку дать?

— Ха-ха-ха!

Появившийся охранник разогнал подростков и, посоветовав Люське не обращать внимания на доморощенных приколистов, вернулся в магазин. Люська буквально взрывалась от злости.

— Чайная лавка! — орала она. — Лавка чайная! Кто пройдет мимо, тот пожалеет. Лучший чай. Одобрен Минздравом! Пейте чай из нашей чайной лавки! Он избавитель от всех болезней.

Остановился старичок.

— Ты чего продаешь, милая?

— Заходите в нашу чайную лавку, — ловко подскочив к деду, Люська на мгновение забыла, что облачена в неудобный костюм.

— В лавку? Это можно.

— Купите у нас чай, не пожалеете.

— Чай я люблю. А цены у вас высокие?

— Почти задаром отдаем.

— Задаром не годится. Просроченный, что ли, чай?

— Что вы, дедушка, высший сорт. Напиток богов. Чай из нашей лавки пьют все звезды шоу-бизнеса.

— Эка ты врать горазда. Знаем мы, что звезды этого бизнеса пьют. Им чего покрепче наливай.

— Клянусь! Возьмите флаер.

— Он навроде пропуска, да?

— Ага. Отдадите продавщице, она вам скидку сделает.

— Скидки я люблю, — старик подумал, причмокнул губами и взял листовку.

— Куда мне пройти, милая?

Пока Люська объясняла старику, как найти чайную лавку, возле них остановились еще двое — парень с девушкой.

Скумекав, что надо ковать железо, пока оно горячо, Люська заорала:

— Чайная лавка! Эксклюзивный императорский чай. Целебный, заговоренный!

— Дайте мне флаер, — попросила девушка.

— Пожалуйста! Чай! Чай! Кто хочет жить долго, заходите в нашу чайную лавку.

— Мне флаер.

— И мне.

— Суперчай по суперцене! Первое место на всемирной чайной выставке в Японии.

— Как найти вашу лавку? — спрашивали одни.

— Еще флаеры есть? — интересовались другие.

— Хит сезона! Спешите, — вошла в раж Люська. — Осталось очень мало чая. Чай для похудания, от бессонницы, от плоскостопия и выпадения волос. Чай! Посетите лучшую в городе чайную лавку.

...Через полтора часа уставшая Люська вернулась в лавку. Тучный мужчина, расплатившись с Ларисой, подмигнул поросенку и вышел из чайной лавки.

Привалившись к дверному косяку, Люська выдохнула:

— С меня семь потов сошло.

— Люся, такой наплыв покупателей, — Лариса помогла девочке снять поросычью голову и протянула влажную салфетку. — Я глазам не поверила.

— Я рада.

— Слушай, а что ты им говорила? О какой выставке в Японии, и почему две женщины допытывались, как чай помогает от плоскостопия?

— Небольшая импровизация, — Люська избавилась от костюма и села на стул.

— Чая налить?

— Я проголодалась.

— Тогда пошли перекусим.

— Вместе? А кто останется в лавке?

— Закроем минут на двадцать, можем себе это позволить, — Лариса достала из ящичка ключи. — На втором этаже приличное кафе. Я угощаю. А если так пойдет и дальше, в скором времени тебя ожидает повышение.

— Интересно, какое, — вместо поросячьего костюма мне выдадут костюм коровы?

— Ты не в настроении. Настолько устала?

— Готова застрелиться.

— Ничего, поедим, потом десерт закажем и поднимем тебе настроение.

Закрыв дверь, Лариса обняла Люську за плечи, и они пошли по длинному коридору в сторону эскалаторов.

Три последующих дня Люська трудилась в чайной лавке в поте лица. После школы сразу в гипермаркет, перекусывала по пути, потом облачалась в костюм поросенка, раздавала на улице флаеры, зазывая покупателей невероятнейшими импровизациями. После шла в кафе, когда одна, когда в компании Ларисы, а затем до самого закрытия лавки выполняла мелкие поручения.

Сегодня Люська была в ударе, перед входом в гипермаркет устроила настоящий спектакль. Читала смешные слоганы, исполняла различные па, расхваливая на все лады суперчай в суперлавке Ларисы. Прохожие взяли забавного поросенка в кольцо, внимали каждому слову, смеялись, перешептывались, а когда Люська, прокричав очередной слоган, начала раскланиваться, дружно зааплодировали.

Лариса не справлялась с наплывом покупателей, пришлось просить охранника, чтобы срочно звал с улицы Люську.

— Зашиваюсь, — сказала Лариса прибежавшей на зов помощнице. — Переодевайся и подключайся. Видишь, что творится, очередь выстроилась.

— Так это хорошо.

— Ясное дело, но надо работать в темпе, а то конкуренция половину клиентов переманит.

— Не позволим.

Сняв костюм, Люська начала подносить к столикам (теперь в чайной лавке их было четыре) маленькие деревянные чашечки с чаем. Сидячих мест для всех желающих не хватало, как не хватало и чашечек. Многим пришлось дегустировать чай стоя и прямо из пластиковых стаканчиков.

После дегустации примерно семь человек из десяти тянулись за кошельками. Лариса ликovala. Гордилась собой и Люська: нескончаемый поток покупателей — ее заслуга.

Лавку Лариса закрыла на полчаса раньше. Села за столик, попросила присесть и Люську.

— Это победа. Люсь, ты моя лучшая находка, у тебя талант.

— Скажешь тоже.

— Талант, говорю. Ты — мой талисман, притягивающий удачу.

— Посмотри, сколько грязищи нанесли.

— Ерунда, сейчас полы помою.

Пока Лариса мыла пол, Люська протирала столики и прилавок. Момент был самый подходящий,

располагала к доверительному разговору и обстановка. Люська решила закинуть удочку.

— Ларис, а у тебя есть семья?

— Родители.

— А муж, дети?

— Люсь, не наступай на больную мозоль, дети — заветная мечта.

— А в чем проблема?

— Все-то тебе знать надо. Не замужем я, а без мужа ребенка на ноги не поставишь.

— Да брось ты, это предрассудки.

— Во всяком случае, я хочу, чтобы у моего ребенка была полная семья.

— В чем-то ты права. А кандидат в мужья у тебя есть?

— Есть, — тыльной стороной ладони Лариса вытерла лоб и улыбнулась: — Не мужчина — сказка.

— Обеспеченный?

— Не без этого. Семен — бизнесмен.

Люська отвернулась, чтобы Лариса не заметила гримасы на ее лице. Бизнесмен нашелся. Интересно, Лариса в курсе, каким бизнесом занимается ее сказочный мужчина?

— Живет, наверное, в элитном поселке, да?

— Нет, у него квартира.

— В элитном жилом комплексе? — допытывалась Люська.

— Вроде нет, точно не знаю.

— Как так, встречаетесь, и ты не в курсе, где он живет? Неужели домой ни разу не приглашал?

— Квартуру Семен купил не так давно, сейчас в ней полным ходом идет ремонт.

Ну конечно, ремонт. Бородатая отмазка, мол, в квартиру пригласить не могу, там сейчас ремонт. Знаем мы эти бла-бла шоу. Если к себе не приглашает, значит, намерения несерьезные. А чему удивляться, такие персонажи, как Семен, — люди ненадежные, опасные. Хотя и познакомил Ларису с семьей брата, обещания давал, все пустое; пустые слова.

— А где вы встречаетесь?

— На съемной квартире.

— Предложение он тебе сделал?

— Пока нет, но к этому идет. Я не тороплю, не хочу выглядеть навязчивой. Знаешь, какой он внимательный, заботливый, чуткий.

«А ты знаешь, как он заталкивал в машину Вадима?», — едва не закричала Люська, но сумела себя проконтролировать.

— И щедрый, наверное, — выдавила она с ядовитой улыбкой на губах.

— Представь себе, щедрый. Ты зря смеешься, по-твоему, я сама смогла открыть в гипермаркете чайную лавку? Одна аренда помещения стоит бешеных денег.

— Семен помог?

— Он занимался всеми организационными вопросами и финансовыми, разумеется, тоже. Я пришла сюда на все готовенькое.

— Увидеть бы этого мецената.

— Увидишь.

— Почему он за тобой не заезжает после работы?

— Дел много. Сама понимаешь: бизнес — штука серьезная.

— Да уж.

Лариса зашла в подсобку и сказала:

— В пятницу идем в ресторан.

— Наконец-то, — выпалила Люська. — Я хотела сказать, наконец вы отдохнете от дел.

— Не говори, — Лариса не заметила перемены в голосе Люськи. — В ресторане сто лет не была.

...По дороге домой, сидя в автобусе, Люська обдумывала план действий и не сразу заметила сидящего в отдалении мужчину в плаще и шляпе. Половину лица скрывала пола шляпы, другую половину закрывал поднятый воротник. Вспомнив слова Димона о человеке в черном плаще, Люська моментально сообразила: слежка. Теперь и сомневаться не стоит, о совпадениях речи не идет. И кто этот Джеймс Бонд, что ему от них понадобилось, и на кого, интересно, он работает?

Подойдя к задней двери, Люська схватилась за поручень, обернулась. Мужчина тоже вскочил с места. Он встал у средней двери, поглядывая (ему казалось, что делает он это незаметно) на Люську.

«Ладно, — думала она, — хочешь поиграть, играем».

На остановке Люська огляделась и пошла по направлению книжного магазина. Спинай она ощущала

взгляд незнакомца. Страх не испытывала, что-то подсказывало: здесь и сейчас он ничего ей не сделает. И пусть уже сгущались сумерки, пусть на дороге немногочисленно, непоколебимая уверенность в собственной безопасности не покидала.

В магазине Люська сразу метнулась к стеллажу с фантастикой, обошла его с другой стороны и начала наблюдать, как мужчина в шляпе растерянно озирается на входе.

— Проморгал паук муху, — не без злорадства прошептала Люська.

— Могу я тебя помочь? — спросила подошедшая незаметно молодая продавщица.

Люська дернулась вперед, уронив с полки несколько книг.

— Вы меня напугали.

— Я не хотела.

Мужчина в плаще услышал голоса и подошел к стеллажу с фантастикой. Но к тому времени Люська успела спрятаться за стеллажом с детской литературой. Незнакомец увидел лишь сидевшую на корточках продавщицу, та поднимала сброшенные Люськой книги.

Незаметно пробравшись к выходу, Люська выскочила на улицу. Сначала бежала не оглядываясь, а когда слева под ребрами закололо, остановилась, пытаясь отдышаться.

— Один-ноль в мою пользу, — сказала она, перемахнув через невысокое ограждение, срезая путь через детскую площадку.

Дома, позвонив Димону и Алиске — о чудо, та сегодня не зависала в школе актерского мастерства, — Люська сообщила, что есть важный разговор. Полчаса спустя, выслушав ее подробный рассказ, Димон сказал, что слежка как-то связана с похищением Вадима.

— Намекаешь, нас тоже планируют похитить?

— Тебя могли видеть в тот день, когда ты убежала из торгового центра.

— Кто?

— Тот, кто наблюдал со стороны за действиями Семена. Нельзя исключать, что он позаботился о подстраховке.

— Тогда при чем тут ты, за тобой мужик в шляпе тоже следил.

— Ребят, а если следят с иными целями? — спросила Алиса.

— Например?

— Подумайте хорошенько, вы с Димкой нигде больше не засветились? До истории с Вадимом никуда случайно не вляпались?

— Алис, ты говоришь чепуху.

— Зная вас...

— Не продолжай. Давайте лучше к нашим баранам вернемся. В пятницу Семен придет за Ларисой в чайную лавку, отличная возможность сесть ему на хвост. Сначала ломанутся в ресторан, потом, наверняка, на съемную квартиру. Узнаем его адрес, полдела сделано.

— Какая шустрая.

— Дим, не шустрая, а мудрая.

— Мудрейшая из мудрейших.

— А хоть бы и так. Ну, а серьезно, Дим, Алис, кто из вас свободен в пятницу вечером?

— Я занята, — поспешила сказать Алиска.

— Опять репетиция?

— Я не виновата, сама устаю, но...

— Не оправдывайся. Димка романтическую парочку сопровождать будет. Надеюсь, у тебя нет репетиций?

— Как говорил Пятачок, до пятницы я совершенно свободен.

— И в пятницу будь свободен тоже. И умоляю, ни слова о свиньях, они мне ночами уже снятся. Мой главный кошмар: стою я в костюме поросенка у доски перед всем классом и раскидываю флаеры, а все надо мной ржут, и больше остальных хочете вы. В холодном поту просыпаюсь.

— Нет худа без добра, зато информацию добыла, — Димон ударил кулаком по ладони. — Руки чешутся! Скорее бы начать этот клубок распутывать.

От Иннокентия Ивановича я пришел поздно. С Алисой столкнулся в дверях, они с Димоном собирались уходить.

— Глебыч, ты окончательно у своего писателя прописался.

— Хочешь жить, умей вертеться.

— Ты это к чему?

Я достал из кармана несколько купюр.

— Зарплата за месяц или, как сказал Иннокентий Иванович, гонорар за труды.

— А твой Пушкин не прижимистый чувачок. Я был о нем худшего мнения, думал, скряга редкостный.

— За такие деньги можно и побегать с высунутым языком, — и, обращаясь к Алисе, я пояснил: — Сегодня в область мотался, брал у знакомого Иннокентия старую энциклопедию тысяча девятьсот первого года выпуска. Тяжеленная, зараза!

— А как твой гонорар проматывать будем? — спросила Люська.

— Губешки обратно закатай.

— Вы посмотрите, какой жмот. Жмотяра! Ну почему ты такой жмотяра? Алис, я тебе не завидую.

Алиска засмеялась.

— С вами хорошо, но мне домой пора. Глеб, проводи меня, поговорить надо.

— Отвесь ему за меня подзатыльник, — крикнула Люська.

На улице мы дошли до соседнего подъезда, и только там Алиса решила мне сказать, что прошла кастинг для съемки в рекламном ролике.

— Представляешь, претенденток на роль было человек семьдесят, а выбрали меня. Глеб, почему ты молчишь?

— Значит, все-таки будет реклама?

— Будет! А ты не рад?

— Тебе известно мое мнение.

— О-ой, как с тобой скучно.

— Раньше тебе было со мной весело.

— Когда это раньше?

— Пока ты не начала ходить в школу актерского мастерства.

— Какой ты глупый. Неужели не хочешь, чтобы я засветилась на телевидении? Сам же потом будешь гордиться мной. Ну, долго собираешься дуться?

— Когда съемка?

— Мне сообщат, но думаю, затягивать не станут.

— Заплатят хоть хорошо?

Алиса обвила мою шею руками и поцеловала.

— Не обидят.

Мы еще долго простояли обнявшись возле Алискиного подъезда. Разговаривали, молчали, целовались, снова разговаривали. К реальности нас вернул голос Димона:

— Хорошо тут обжиматься. Алиска, пошли, — Димон набрал код домофона и распахнул металлическую дверь. — Глебыч, у Люськи есть новости, как переговорите, позвони мне.

Я кивнул, крепко поцеловал Алису в губы и, сунув руки в карманы джинсов, побрел к своему подъезду.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как снег на голову

В среду вечером — было без четверти одиннадцать — Люська забежала в мою комнату и спросила:

— Глеб, кто такой Гена?

— Крокодил, — ответил я, не отрываясь от ноутбука.

— А если без шуток? Он там стоит, тебя ждет.

— Кто стоит?

— Гена-крокодил. Мнется на пороге, бормочет что-то, мне ногу отдал, между прочим. Иди, сам смотри.

В коридор мы вышли вместе, я остановился у зеркала, Люська выглядывала из-за моего плеча. Возле комода стоял, а точнее сказать, переминался с ноги на ногу худой мужчина лет тридцати. На лбу и висках блестели капельки пота, правой рукой он теребил мятый носовой платок, левой крепко сжимал кожаную папку. При виде меня гость сделал шаг навстречу, выронил из рук папку, нагнулся, уронил платок, покраснел и тихо пробормотал:

— Ты Глеб.

— Ну, Глеб.

— Очень приятно, — мужчина протянул мокрую ладонь и умудрился споткнуться на ровном месте.

— Не ушиблись? — спросила Люська.

— Все нормально, — затараторил незнакомец. — Со мной все в порядке. Пол у вас скользкий, натираете его мастикой?

— Вы кто?

— Я Геннадий. Я уже представился твоей сестре.

— Стоп, а почему вы решили, что я сестра Глеба?

— Но ты же его сестра.

— Откуда вы нас знаете и зачем пришли?

— Я Геннадий. Геннадий Дронов.

— Нам это ни о чем не говорит.

— Понимаю-понимаю, — улыбнулся Геннадий. — Вы впервые меня видите, а я вас нет.

— Глеб, — зашептала на ухо Люська. — Он чокнутый.

— Зачем я вам понадобился? — спросил я.

— Все как раз наоборот, это я вам понадобился, вы очень нуждаетесь в моей помощи. И я готов вам помочь.

В этот момент у Люськи зазвонил телефон. Мелодия на звонке чумовая, кто слышит ее первый раз, обязательно пугается. Не стал исключением и Геннадий. Услышав сиплый крик «*Всем лежать! Это ограбление!*», Геннадий крякнул и рухнул на пол.

— Я просил тебя сменить мелодию.

— А я тебе сразу сказала — не сменю. Геннадий, а сейчас вы не ушиблись?

— Н-нет, вроде бы. Что это было, кто кричал?

— Мой телефон, — Люська поднесла его к уху и попросила Димона перезвонить позже.

— Мне уже можно встать?

— Нужно! — я постучал пальцами по комоду и, дождавшись, пока чудаковатый (или придурковатый, не знаю, как правильно) Гена поднимется на ноги, сказал: — Геннадий, наверное, произошла ошибка. Мы с вами незнакомы, помощи от вас я не жду, поэтому будет лучше, если вы уйдете.

— Вы меня гоните? Но почему? Я ведь могу помочь. Дядя Кеша сказал, вы оказались в сложных обстоятельствах...

— Кто сказал? — перебила его Люська.

— Дядя Кеша.

— Что еще за дядя Кеша?

— Мой двоюродный дядя Иннокентий Иванович.

Люська посмотрела на меня.

— Глеб, ты что-нибудь понимаешь?

— Теперь начинаю понимать.

Я вспомнил разговор с Иннокентием Ивановичем, вспомнил его лукавый взгляд, когда упомянул о сложной ситуации и посетовал на отсутствие профессиональной помощи. Выходит, старик воспринял мои слова всерьез и прислал нам на подмогу своего двоюродного племянника.

Этого нелепого, смешного человека, который не может спокойно устоять на месте: или прыгает, как кузнечик, или на пол падает.

— Значит, вы...

— Можно на «ты».

— Ты племянник Иннокентия.

— Нет, — замотал головой Гена, растянув губы в улыбке.

Он точно ненормальный, Люська права, надо гнать его в шею.

— Ты минуту назад назвал его двоюродным дядей.

— Понимаешь, я не совсем его племянник. То есть совсем даже не племянник. Двоюродная сестра моей матери была женой дяди Кеши. Мы с ним не в кровном родстве, но относимся друг к другу почти по-родственному, — Геннадий вдруг выпрямился и вздрогнул: — Ой!

— Что на этот раз? — раздраженно спросила Люська.

— Я язык прикусил.

— Офигеть!

Посмотрев на Люську и выдержав ее суровый взгляд, я обратился к гостю:

— Ген, может, чаю с шоколадными конфетами?

— С удовольствием. Только у меня на шоколад аллергия.

— Проходи на кухню.

В очередной раз из рук Геннадия выпала папка.

— Папку можно оставить в коридоре.

— Да-да, а где у вас ванная? Ох ты, я наследил на вашем полу, надо замыгть.

Люська уставилась на грязные следы.

— Где ты умудрился найти грязь?

— У соседнего дома трубу прорвало, там все перекопали, — смутился Геннадий. — Я шел, засмотрелся и... В общем, чуть не упал. Туфли вот перепачкал. А у вас есть губка и черный крем для обуви?

— Найдется. Снимай туфли, тапки в шкафу, ванная за углом.

На кухне чудачества Гены продолжились: сначала он разбил чашку с горячим чаем, перевернул заварной чайник, уронил на пол две ложки и чуть не ошпарил Люську кипятком.

— Прости, я нечаянно, сейчас все исправлю.

— Ради бога, — взмолилась Люська, — сиди за столом и не двигайся.

— Мне неловко.

— А мне страшно, — Люська пошла за тряпкой.

— Я могу как-то загладить вину?

— Можешь, если будешь продолжать изображать статую. Глеб, что смешного я сказала?

— Я не над тобой смеюсь.

— Смешно ему, — ворчала Люська, вытирая пол.

— Да, смешно. Ген, без обид, но ты как с Луны свалился.

— Знаю. Все считают меня рассеянным, — плаксиво произнес Геннадий.

— С чего бы это? — пробормотала Люська.

— Люди не хотят понять: мне просто не везет. Не хватает везения. Я пробовал искать в парке четырехлистный клевер, но попытки оказались неудачными.

— Глеб, ты слышал? Четырехлистный клевер! Это финиш. Тебе сколько лет?

— Двадцать восемь.

— А в песочнице ты не играешь?

Люськины слова ничуть не обидели Геннадия. Удрученно вздохнув, он сделал глоток из чашки (пролив, конечно, на себя половину) и прогнусавил:

— Поэтому и с работы пришлось уйти, меня вынудили уволиться.

— А где ты работал?

— В частном агентстве.

— В агентстве недвижимости?

— В детективном агентстве. Я — частный детектив.

У меня отвисла челюсть, Люська вообще от удивления чуть не уткнулась лицом в половую тряпку.

— Частный детектив?!

— Естественно! — Геннадий горделиво вскинул голову, взмахнул рукой и уронил на пол сахарницу. — Ого, смотрите, она тоже упала. Я же говорю, это от нехватки везения. А детективом я проработал около двух лет, работу свою боготворю, поэтому, когда дядя Кеша позвонил и сказал, что

вы остро нуждаетесь в моих услугах, я сразу принял за дело. Теперь знаю о вас почти все.

— То есть?

— Прийти к вам в тот же день я посчитал правильным. Захотелось узнать, что вы из себя представляете.

— И как ты это узнавал?

— Очень просто: следил за вами и вашими друзьями.

Люська толкнула меня в плечо.

— Глеб, мужик в черном плаще и шляпе.

— Это был ты?

Геннадий закивал.

— Я. Мне требовалось определенная информация, так сказать, ознакомился с вами на расстоянии, вникал в суть проблемы. Теперь вот решился на встречу. Вы мне подходите. Если введете в курс дела, начнем немедленное сотрудничество.

Я начал громко смеяться. Остановиться не смог даже тогда, когда Люська ощутимо саданула меня по спине. Прикол! Оказывается, за Люськой и Димоном (и за мной, как выяснилось, тоже) следил частный детектив. Следил так, что каждый раз попадался на глаза и успел вызвать массу подозрений. Как там у Маршака — «человек рассеянный с улицы Бассейной»?

Поняв, что передо мной сидит не профессиональный детектив, а всего-навсего большой невезучий ребенок, я попытался объяснить Геннадию, что в его услугах мы не нуждаемся. Говорил

я осторожно, стараясь не обидеть собеседника, не навредить его тонкой душевной организации.

Но он все-таки обиделся.

— Вы мне не доверяете, — Гена был готов разрыдаться. — А я дока в своем деле. Я могу землю перевернуть, если потребуется.

— Или в канаву свалиться, по сторонам засмотревшись, — прыснула Люська.

— Пожалуйста, позвольте доказать свой профессионализм на практике. Я помогу, не сомневайтесь. Глеб, Клава, доверьтесь мне.

— Какая я тебе Клава? Я Люся.

— Да? А мне казалось, тебя зовут Клавдией.

Поколебавшись и придя к мысли, что от моих откровений никому не будет хуже, я рассказал Геннадии историю Вадима с самого начала. Он слушал меня внимательно, лишь изредка хватался большим и указательным пальцами за мочку правого уха и начинал интенсивно ее растирать. Закончив говорить, я заметил, что Гена сильно напрягся.

— Ген, ау, ты впал в транс?

— Я думаю, Глеб, обдумываю твои слова и выстраиваю схемы дальнейших действий.

— Это лишнее, мы сами справимся.

— Отнюдь. С этой минуты мы с вами партнеры, я согласен вам помочь.

— Но...

— Причем моя помощь абсолютно бескорыстна. Итак, теперь мы коллеги, и я сразу хочу перейти к делу. Кого подозреваете лично вы?

— Мы...

— Все ясно, у вас нет подозреваемых. Что собираетесь предпринять в ближайшие дни?

— Гена, послушай...

— Понятно, собираетесь бездействовать. Что ж, беру всю сложную работу на себя. Для начала повторите фамилию Валеры, я запишу ее в блокнот.

— Кто такой Валера?

— Как кто, паренек из Франции, разумеется.

— Гена, ты все перепутал. Не Валера, а Вадим, это, во-первых, во-вторых, Глеб уже сказал, мы сами справимся.

— Но я же бескорыстно. Мне нужна эта работа, пока я не найду себе новое место, я должен быть чем-нибудь занят. Иначе начинаю болеть, такой характер.

Люська вопросительно посмотрела на меня.

— Лады, уговорил, — сказал я. — Будешь нам помогать. Но есть одно условие.

— Какое?

— Каждое свое действие ты сперва согласовываешь с нами.

— О чем речь, замечано!

— Никакой самостоятельности.

— Даю слово. Так как фамилия Валеры?

— Его зовут Вадим, — простила Люська.

— Точно! У меня плохая память на имена.

Но это ничего, в остальном я цепкий и надежный. Так о чем мы говорили?

Откинувшись на спинку стула, я устало протянул:

— Ты собирался внести запись в блокнот.

— Ах да! А где моя папка?

— В коридоре на комод.

— Я скоро вернусь, — Геннадий вышел из кухни.

— Глеб, ответь мне, почему мы согласились взять в свою компанию это ходячее недоразумение?

— Может, от него будет толк. Станем давать самые безобидные неотчетливые задания. Помощь не мешает.

— Он любое задание с треском провалит.

— От ворот поворот всегда дать успеем.

В коридоре послышался грохот. Мы выскочили из кухни. Гена лежал возле комода, растирая ладонью затылок.

— Я говорил... говорил, что вы слишком сильно натерли паркет мастикой. Скользко, как на катке.

— Голова цела?

— Не знаю, сейчас проверю, — Гена прикрыл глаза и проговорил скороговоркой: — Дважды два — четыре. Семью восемь — пятьдесят шесть. Восемьдесят один разделить на девять равняется девять. Да, с головой у меня порядок.

Люська покрутила пальцем у виска.

— С головой у него как раз больша-и-и-е проблемы.

— У вас есть лед?

— Сейчас принесу.

— И желательно таблеточку от головной боли принять. Извините, я доставляю вам столько неудобств, но ради общего дела можно и потерпеть, да?

Когда Люська протянула Гене мешочек со льдом и пошла за таблеткой, а я зарулил к себе в комнату, Геннадий с чувством произнес:

— Мы с вами обязательно сработаемся. Ей-богу!

— Да уж, скучно нам точно не будет, — крикнула Люська.

Ну, казалось бы, что еще такого экстремального может произойти с Геннадием, если он проковылял на кухню, сел на стул и, прижимая к шишке на затылке мешочек со льдом, практически не шевелился? Да ничего не может произойти. Не может по логике вещей. Ха, как бы не так! Люська не успела достать из коробки упаковку обезболивающих, а из кухни уже доносился растерянный голос Гены Дронова:

— Занавеска упала. Глеб, Люся, она упала вместе с карнизом. Честное слово, я не шучу! Я только к ней прикоснулся, а она сразу упала.

— Надеюсь, тебя не ударил карниз? — спросил я из спальни.

— Нет-нет, все обошлось малой кровью, моя голова цела. Дважды два — четыре. Трижды три — девять. Карниз упал на пол и чуть-чуть задел стеклянный кувшин с водой и две баночки со специями. Они разбились. Представляете, вдребезги!..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Битва титанов

В пятницу днем, раздав за полчаса заинтересованным прохожим пятьдесят флаеров, Люська изрядно подустала. Что ни говори, а творческая работа сильно выматывает. Столько приходится двигаться в неудобном костюме, выделять различные акробатические трюки, размахивая пороссячими копытами, делать поклоны, раскланиваться в реверансах. И все с артистичностью, с энтузиазмом, с душой. Раздача флаеров превратилась в моноспектакль.

И вдруг совершенно неожиданно на сцене появился второй персонаж. Стеклянная дверь распахнулась, и на крыльцо вышла кудрявая овечка с огромной головой, маленькими рожками и пачкой флаеров в руках.

*«Чай! Чай! Лучший чай!
Суперскидки получай.
К Вале в лавку загляните,
Чай по вкусу оцените!»*

Зазывала кричала противным блеющим голосом.

— Ты кто такая? — спросила Люська.

— Не твое дело, — грубо ответила девица в костюме. — Думаете, только вы с Лариской такие умные здесь, да? Ниче, еще посмотрим, кто кого, — и, набрав в легкие больше воздуха, овечка снова закричала:

*«Чтобы вы не прозевали
Нашу лавку чайную,
Я — помощник тети Вали —
Вас зову отчаянно».*

— Вообще-то, фишку с костюмами придумали мы, — пошла в наступление Люська.

— А мне плевать, что вы там придумали. Мы раньше в гипермаркете обосновались, Валентина Сергеевна почти год торгует. А тут вы вылезли откуда-то. Что, войны захотелось? Будет вам война.

Люська схватила конкурентку за руку.

— Копыта убрала! — пробасила овечка, которую звали Анфисой.

— Слушай, давай договоримся по-хорошему, это мое место. Я у входа тусуюсь, поняла?

— Поаккуратней с наездами.

— Отойди хотя бы метров на двадцать от входа.

— Разбежалась! У входа самые сливки, — Анфиса подбежала к идущим навстречу трем девушкам

и протянула им флаеры. — Милости просим в чайную лавку. У нас большие скидки и особое внимание к клиентам. В отличие от некоторых.

Подобного нахальства Люська стерпеть не смогла. Оттолкнув овечку, она выхватила из рук девчонок флаеры конкурентов и протянула свои.

— Лучший чай только в чайной лавке у Ларисы. Заходите, девчонки, посидите за столиком, продегустируете чай. Мы рады каждому покупателю.

Поблагодарив Люську, девушки прошли в магазин.

— Ладно, — сквозь зубы проговорила Анфиса. — Не хотела я ссориться, но выхода нет. Разорим мы вас с Валентиной Сергеевной, не пройдет и недели, прогорите.

Люська фальшиво рассмеялась.

К пенсионерке поросенок и овечка подбежали одновременно.

— Бабуль, чай пить любите? — спросила Анфиса.

— Возьмите флаер, — скороговоркой проговорила Люська.

— Бабуль, не берите у нее ничего, с их помойкой лучше дел не иметь. Тараканы прямо по прилавку шастают, антисанитария жуткая.

— Кого вы слушаете, — орала Люська. — В чайной лавке у Ларисы идеальная чистота, все стерильно, как в аптеке.

— В аптеке! — хохотнула Анфиса, толкнув Люську в плечо.

Ни одна, ни вторая не заметила, что пенсионерка давно прошла мимо; девчонки стояли друг против друга, привлекая своими криками внимание случайных прохожих.

— У них в чае полно жучков, — со злорадством говорила Анфиса, — Санэпидемстанцию не раз вызывали. Им и предписание было: очистить помещение в кратчайшие сроки. А они торгуют, людей честных своей гадостью травят.

— Заткнись!

— Ты мне рот не затыкай, пусть люди правду знают.

— А не вы ли в вашей лавке в чай усилители вкуса подмешиваете? — сорвалась на крик Люська. — Вот дед вчера чаек у вас купил, а сегодня ночью его по «скорой» увезли. Какую дедуле!

— Какой дедуля? Да ты... ты... — Анфиса едва не рычала. — А кто бабушку своим пойлом дешевым отравил? Представляете, — Анфиса обратилась к собравшимся зевакам, — один глоток старушка сделать успела, так прям у них в лавке ласты склеила. А все почему, потому что чай не прошел сертификацию. Торгуют отравой.

— У вас чай с пылью.

— В вашем вообще радий обнаружили. Счетчик Гейгера поднесли, так сломался счетчик.

Мужчина с портфелем попытался вмешаться в ссору, но девчонки резко его отбрили. И сразу же, поняв, что поступили неразумно, принялись извиняться и совать мужику флаеры.

— Берите мой! — требовала Анфиса.

— Нет, мой! — в приказном тоне сказала Люська.

— Если вам уже сто пятьдесят лет и вам надоело жить, берите ее флаер. И скидку вам сделают, и чай попробовать дадут, а ночью спать ляжете и больше не проснетесь.

— Да она психопатка. Кого вы слушаете, овца она и в Африке овца.

— Ну все, свинья, ты попала, — овечка сняла голову и Люська увидела лицо своей конкурентки.

— Е-мое, да тебе что с головой овцы, что без нее.

Анфиса начала надвигаться на Люську.

— Молись, если умеешь.

— Как страшно, — Люська тоже сняла голову и тоже сделала два шага навстречу Анфисе.

— Я ж тебя одной левой, — шипела та.

— Попробуй.

Анфиса бросила голову и подбежала к Люське. Сцепившись, девчонки простояли на ногах не дольше десяти секунд, после чего упали на плиточный пол.

— Овца!

— Свинья!

— Где охрана? — оживилась толпа.

— Мужчины, ну что вы стоите, разнимите их!

— Девочки, перестаньте.

Драка закончилась вничью, когда охранник и еще два парня развели девчонок по углам. Розовый

костюм Люськи и белый костюм Анфисы были заляпаны грязью, под ногами цветным ковром разбросаны флаеры, две головы (овечья и поросячья) были заботливо прислонены кем-то к крайней колонне.

— Еще поговорим, — пообещала Анфиса, подхватив голову и скрывшись в магазине.

— Поговорим, — проворчала Люська.

Лариса от вида помощницы пришла в ужас.

— Как подрались? С ума сошли!

— Покоя им наша пруха не дает, из кожи вылезли. Я прям обалдела, когда она на крыльце появилась.

— Согласна, приятного мало...

— Это подло, воровать чужие идеи, — перебила Люська.

— Но пускать в ход кулаки тоже не вариант. Я... Я поговорю с Валентиной.

— А толку? Лариса, ты действительно не понимаешь, что это война? Никакие разговоры не помогут, вы — конкуренты. Кон-ку-рен-ты! Заруби себе на носу и забудь о мировой. Не бывает мира между двумя враждующими группировками.

— Ты сгущаешь краски.

— Таковы законы бизнеса: или-или. Или они нас сожрут, или мы их в асфальт закатаем.

— Как в асфальт?

— Блин, ну не в буквальном смысле. Думать надо, решать что-то. Или менять место торговли.

— Ни за что! Только освоились, зарабатывать хорошо стали.

Люська сняла костюм, умыла лицо и по настоянию Ларисы смазала йодом небольшую царапину на правой щеке.

Чуть погодя Лариса сказала, что сегодня Люське придется задержаться в лавке до половины девятого.

— А как же ресторан? Ты говорила, мы в восемь уже закроемся.

— Возникли непредвиденные обстоятельства. Семен заедет за мной около восьми, мы уедем, а ты обязательно дождись Викторию Витальевну. Одна из лучших клиенток, делает большие заказы, сегодня на четыре тысячи отоварится.

— Ого! Зачем ей столько чая?

— Люсь, какое нам дело, покупает и ладно. Ты главное из лавки никуда не отлучайся. Смотри, я все приготовила. Придет Виктория Витальевна, отдашь ей пакет, а как расплатится, предложи продегустировать зеленый сорт чая. Вот он. Запомнила?

— Сделаю.

— Постарайся, чтобы чай ей понравился.

«Интересно, как? — подумала Люська. — Приставить к виску дуло пистолета и заорать, чтобы она скупила весь зеленый чай в лавке? Смешная все-таки эта Лариса, иногда как скажет — хоть стой, хоть падай».

— Мы с Викторией на завтра договаривались, но у нее все переигралось.

— Не волнуйся ты так.

— Лавку закрыть не забудь.

— Ларис, я не идиотка.

— Ключи... Так, а как быть с ключами? Завтра тебе придется к одиннадцати часам подъехать.

— Подъеду, мы по субботам не учимся.

Отпросившись в кафе, Люська позвонила Димону.

— Дим, Семен приедет в восемь, подваливай в гипермаркет к семи.

— Люсь, как раз собирался тебе звонить. Тут такое дело, в общем, я сегодня никак не смогу приехать, — ответил Димон.

— Как не сможешь, шутишь? Ну, Димка, это же измена.

— Родственники приезжают, встретить их надо на вокзале. Пытался отмазаться — не прокатило. Придется ехать.

— Блин!

— Я попробую Глебычу звякнуть.

— Бесполезно, его Иннокентий до десяти не отпустит.

— А если скутер пригоню, сама сможешь за Семеном проследить?

— Дим, меня Лариса в лавке оставляет, да и скутером я управлять не умею. Ладно, буду думать.

— Если что, звони.

В кафе Люська искала выход из создавшейся ситуации, прокручивая в голове всевозможные комбинации. Комбинаций оказалось до обидного мало: раз-два и обчелся. Телефонный звонок раздался не вовремя.

— Это Люда? — спросили на том конце заикаясь.

— Да. Кто говорит?

— Геннадий.

Люська закатила глаза. Меньше всего ей сейчас хотелось разговаривать с нелепым чудиком.

— Люда, я не могу дозвониться до Глеба, он не поднимает трубку. Ты не знаешь, что случилось?

— Глеб работает, позвони ему вечером, после десяти.

— Кхе-кхе, — закашлял Геннадий, — после десяти? Хм... Хорошо. Я почему собственно ему звоню...

— Не могу больше говорить, пока, — Люська положила телефон на край стола, а сама откинулась на спинку стула.

Навязался на их голову, горе-детектив. Теперь затерроризирует звонками.

Заметив расположившуюся за соседним столиком Анфису, Люська взяла телефон и поспешила к выходу. На полпути к чайной лавке ее вдруг осенило. Правда говорят, что хорошая мысль приходит опосля. А еще, на безрыбье и рак рыба.

Набрав номер, она поднесла телефон к уху и зачастила:

— Гена, это Люся. Скажи, сегодня вечером ты не занят?

— Скорее нет, чем да.

— А машина у тебя есть?

— Есть. Жигули. Раньше была ауди, но после аварии, в которую я попал по недоразумению, машину пришлось продать, чтобы выплатить...

— Гена, нужна твоя помощь! — закричала Люська. — Все расскажу при встрече. Приезжай к семи вечера в гипермаркет и жди меня у главного входа. Ручка, бумага рядом есть? Пиши адрес.

...Геннадий оказался пунктуальным. Ровно в семь Люська махала ему рукой, подзывая к эскалаторам. Они поднялись на второй этаж, сели на мягкие пуфы напротив бутика женской одежды, и Люська ввела Гену в курс дела.

— Понял, — кивнул тот, выслушав просьбу-поручение. — Моя задача — проследить, в какой ресторан отправятся Семен и Лариса.

— Да нет же. Плевать, где они будут ужинать, главное — узнать, куда они отправятся после ресторана.

— Здесь всего два варианта: или к ней, или к нему.

— Не согласна. Вариантов больше. Первый: они едут к ней. И сразу этот вариант исключаем. Второй: едут на съемную квартиру. Третий: Семен отвозит Ларису домой, а сам рулит к себе. Твоя цель — выяснить, где живет Семен. Причем интересует адрес не съемной квартиры, а место его прописки. Съемная квартира нужна Семену для отвода глаз, в историю с ремонтом я не верю.

— То есть если они поедут на съемную квартиру, мне придется ждать, когда он отвезет Ларису домой, а сам отправится к себе?

— Именно.

— На ожидание может уйти целая ночь.

— Знаю, — вздохнула Люська. — У тебя другие планы?

— Нет-нет, я согласен на слезку.

— Тогда спускаемся вниз. Потуси недалеко от нашей лавки, а когда Лариса выйдет, отправляйся за ней.

— Мне бы еды купить какой и попить чего-нибудь.

— Я куплю, — пообещала Люська. — Кстати, что с пальцем, почему перебинтован?

— Такая история случилась, — засмеялся Геннадий. — Был я утром у школьного приятеля Гришки Разумовского. Его дед — известный скульптор, в семьдесят седьмом году...

— С пальцем что?

— А-а, так это Гришка меня укусил.

— Как укусил?

— Сам виноват. Я палец в клетку просунул, он и тяпнул.

— В какую клетку, Ген?

— Большая клетка, даже не клетка, а скорее вольер. Гришка там как барон живет.

— Слушай, ты меня пугаешь. Почему твой школьный друг живет в вольере?

— Да ты чего! В вольере живет попугай породы жако. Тоже Гришка. Они тезки с Гришкой.

Поняла? Жако меня за палец тяпнул. А сам Гришка и его жена Лена...

— Пошли, — Люська потянула Гену в торговый зал супермаркета, — скажешь, что купить тебе из продуктов.

...Без двадцати восемь взволнованная Люська нарезала круги по чайной лавке. Лариса, сидя за столиком, наводила марафет: подвела глаза, на-красила ресницы, потом достала из сумочки губ-ную помаду.

— Люсь, ты чего как на иголках?

— А? Что? Тебе показалось.

— Если зайдет Анфиса, на провокации не под-давайся.

— Да, конечно.

— Не давай эмоциям взять верх.

— Да, конечно.

— Виктории Витальевне скажи, что у меня воз-никли неотложные дела.

— Да, конечно.

Лариса посмотрела на Люську.

— С тобой что-то не так.

— Да, конечно, — машинально ответила Люсь-ка. — Ой... Не обращай внимания, нервничаю.

— Есть повод?

— Личные неурядицы.

Лариса посмотрела на часы.

— Семен позвонит с минуты на минуту.

— Он придет в лавку?

— Я сама к нему выйду.

Люська очень на это надеялась. Было около семи вечера, когда она вдруг поняла, что ей ни под каким предлогом нельзя встречаться с Семеном. Случайная встреча, случайный взгляд — и все провалится в тартарары. Сразу не скумекала, что в день похищения Вадима Семен и его подельник (тот, который сидел на заднем сиденье машины) наверняка вели за парнем слежку. Неизвестно, каким образом им удалось выследить Вадима, но факт остается фактом. Они видели, как Вадим заходит в торговый центр, а, следовательно, видели и ее, Люську. Запомнил ли Семен ее в лицо? А кто его знает. Мог запомнить, у некоторых людей вообще фотографическая память на лица, а мог и внимания не обратить. В любом случае рисковать не следует.

Потому Люську и била нервная дрожь. От мысли, что Семен заглянет в чайную лавку, делалось сначала жарко, а потом до костей пробирал мороз.

И о Генке душа болела. Помочь-то он согласился, а не подведет ли? С его-то чудовищным невезением можно ожидать любых неприятностей.

Без пяти восемь Ларисе позвонил Семен.

— Я готова, — пропела она в трубку и взяла со стула сумочку. — Люсь, до завтра. Не забудь предложить Виктории Витальевне зеленый чай.

Как только Лариса вышла из лавки, Люська позвонила Геннадии.

— Гена, ты ее видишь?

- Кого?
- Ларису! — взвизгнула Люська.
- Да-да, вижу, я как раз иду за ней.
- Ты смотри, осторожнее там.
- Постараюсь.
- Ген.
- Чего?
- Верь в себя. Верь, что удача тебе благоволит.
- Не думаю. Представляешь, у меня в пальце заноза. Откуда взялась, не пойму.

Люська села на стул и мысленно приготовилась к тому, что запланированное мероприятие потерпит полное фиаско.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Зашел, но не вышел

Домой Люська вернулась злая и встревоженная.

— Есть будешь? — спросил я.

— Что на ужин?

— Пельмени! Уже вода закипает.

— Мне десять штук.

— Димон звонил, сказал, слезка за Семеном не состоялась.

Люська молчала.

— Ты поэтому не в духе?

— Глеб, ты ничего не знаешь. После Димкиного звонка я связалась с Геннадием. Короче, он сел на хвост Семену.

— Так.

— Ничего не так, — огрызнулась Люська. — До сих пор в шоке. Прикинь, в половине девятого в лавку примчалась Лариса, сказала, что ресторан отменяется, и отправила меня домой.

— Она поругалась с Семеном?

— Вроде нет. По ее словам, Семена срочно вызвали на работу, он высадил Ларису у метро, а сам умчался.

— Срочно на работу. Хм-м, что бы это могло значить?

— Глеб, я не могу дозвониться до Гены. Сначала он не брал трубку, теперь недоступен. Окажись на его месте любой другой, я не переживала бы, но Гена... Боюсь, он попал в переплет.

— Семен вряд ли его заметил.

— А вдруг? Не прощу себе, если с ним что-нибудь случится.

Геннадию мы звонили до двух часов ночи с десятиминутными интервалами. Трубку он так и не снял. Утром Люська отправилась в гипермаркет. У Ларисы она пыталась выяснить подробности вчерашней встречи с Семеном, но та упорно твердила о срочном вызове на работу.

Прошли сутки, Геннадий оставался вне зоны действия сети. Появился повод для паники. А в воскресенье Лариса сказала Люське, что вторые сутки не может связаться с Семеном.

— К телефону не подходит. Обещал позвонить в субботу, не позвонил, мои звонки сначала сбрасывал, а теперь отключил мобильный.

В понедельник Лариса встретила Люську словами:

— По телефону Семена мне ответил незнакомый мужчина. Сказал, чтобы я больше не звонила по этому номеру.

Не спавшая всю предыдущую ночь Люська (кстати, она и в школу сегодня не пошла) в изнеможении опустилась на стул. От Гены по-прежнему

не было вестей. Пропал. А тут еще и с Семеном неразбериха творится.

— Что мне делать, что? — спрашивала Лариса, заламывая руки.

— Позвони снова, выясни, кто подходил к телефону.

— Господи, да звонила уже раз сто. Телефон отключен. Люся, с Семеном беда, я сердцем чувствую.

«И с Генкой беда», — подумала Люська.

— Что тебе известно о Семене? Любая информация может помочь.

— Он бизнесмен...

— Слышали уже. Конкретней.

— Конкретней сказать не могу. А-а, — встрепенулась Лариса, — у него есть старший брат, но он ничего не знает. Я звонила ему утром.

— А с друзьями Семен тебя знакомил?

— Зачем мне его друзья, нам было хорошо вдвоем. Я, наверное, в полицию пойду.

— И что ты им скажешь?

— Напишу заявление о пропаже человека.

— Хорошенькое дельце, имя, фамилию назовешь, а где живет, чем занимается, ты не в курсе. Так и приняли они у тебя заявление. Ларис, давай без обиняков. Говоришь, любишь Семена, но его частная жизнь для тебя загадка. Ты даже не можешь быть уверена, женат он или нет.

— У Семена нет жены. Он знакомил меня с братом и представил как свою будущую жену.

— Ради красного словца и не такое говорят.

В четыре часа Люська уехала домой, сославшись на плохое самочувствие. Впрочем, сильно врать не пришлось, самочувствие и в самом деле было неважнецким. Но стоило Люське прийти домой и разуться, как в сумочке зазвонил телефон.

— Люда, здравствуй. Это я.

— Гена!? Ты где?

— У себя дома. Принял ванну, пообедал, сейчас планирую ехать к вам.

— Ты... я тебя... — Люська держала в руке телефон и была готова разреветься от накатившей волны облегчения и негодования. Она тут, понимаешь, места себе не находит, ночами спать не может, а этот клоун в ванне нежится.

— Приезжай немедленно! — проорала она в трубку, приготовившись устроить Геннадию разбор полетов.

И устроила. Стоило ему пройти в прихожую и растянуть губы в улыбке, как Люська пустила в ход полотенце. Удары сыпались один за другим, Гена уворачивался от них как мог, но в итоге упал на пол и закрыл лицо руками.

— Перестань! — взмолился он.

— Ты нормальный человек? Мы с ума сходили, гадая, в каком овраге тебя искать, звонили не престанно. Ты... Вот тебе! — Люська опять санданула Гену полотенцем.

— Дай мне объяснить.

В этот момент я вернулся от Иннокентия Ивановича. Геннадия досталось и от меня. Правда, я его не бил полотенцем, но пару емких словечек в свой адрес он слышал.

— Дуй на кухню, выкладывай, что случилось.

— Чайку не поставите?

— Нет! — отрезала Люська.

— Вы зря себя накрутили. Я же на задании был, не мог ни на что постороннее отвлекаться. Телефон у меня разрядился еще в пятницу, а зарядку я дома оставил.

— Вместе с мозгами.

— Люсь, пусть говорит.

— Узнать мне удалось немало. Поставьте все-таки чайничек.

Включив чайник, я сел на стул.

— Говори.

— Семен с Ларисой отъехали от гипермаркета километров на семь, как вдруг машина развернулась и погнала к метро. Там Лариса вышла, махнула Семену рукой и спустилась вниз.

— Знаем уже. Семен куда поехал?

— Через Одинцово выехал на Можайское шоссе и за город. Гнал будь здоров, мой жигуленок едва поспевал.

— Но в итоге ты его потерял?

— Вы меня недооцениваете. Проследил в лучшем виде. Конечный пункт — частный двухэтажный дом. Кто хозяин, не выяснил, но обязательно займусь этим в ближайшее время.

— Возможно, это дом Семена.

— Исключено. Ему открыли ворота, он въехал на территорию и... все. С концами! Больше он оттуда не выезжал. Двое с половиной суток я его караулил, ночью не спал, так, клевал носом, но от любого шороха просыпался. Сегодня в полдень решил вернуться в город.

— С территории вообще никто не выезжал, не выходил?

— Выезжала белая машина. В субботу рано утром, часов в пять.

— В ней мог быть Семен.

— Через пару часов машина приехала обратно. Днем она снова отъезжала на пару часов. Я заглядывал через забор, тачка Семена припаркована у ворот. Он точно остался в доме. А в белой машине старик презентабельный рассекает. Видел его, солидный дядька, хоть и в годах. Девять из десяти, что дом принадлежит ему.

— Зашел, но не вышел, — сказала Люська. — И на звонки Ларисы не отвечает.

— Кто-то же ей ответил. Попросил больше не звонить.

— Это и настораживает, — закивал Гена. — Допустим, Семена экстренно вызвали за город. В этом случае возникает ряд вопросов: а) кто звонил; б) зачем вызывали; в) почему у Семена не было возможности ответить на звонки; г) кто ответил в итоге; д) где сейчас Семен; е)...

— Ген, мы уже поняли, что вопросов много, не надо их перечислять. Ты дорогу хорошо запомнил?

— Найду то место с закрытыми глазами.

— Сегодня съездим?

— Лучше завтра. Устал я, выспаться хорошенько хочу.

— О'кей. Тогда стартанем завтра часиков в пять вечера. Иннокентий сделал мне подарок в виде выходного дня. Ты до пяти успеешь выспаться?

— Раньше встану. Я заеду за тобой.

— За город едем все вместе, — сказала Люська.

— Извини, но нет. Поедем я и Гена. Ты после школы отправляйся в чайную лавку. Есть вероятность, что Семен свяжется с Ларисой, будь постоянно при ней. Ну и вопросы наводящие задавай, поинтересуйся, не звонил ли он.

За чаем Геннадий начал клевать носом.

— Разморило, — прошептала Люська, толкнув меня локтем в бок, когда Гена оперся подбородком о ладонь и закрыл глаза.

— Я не сплю, — сказал он, причмокивая, — сейчас допью чай и поеду.

— Нельзя ему в таком состоянии за руль садиться.

— Ген, вставай, пошли в гостиную, поспишь немного.

— Дома выплюсь.

— До дома еще добраться надо. Давай хотя бы пару часиков вздремни.

Геннадий проспал до одиннадцати вечера, потом вскочил, как на пожар, умылся холодной водой, умудрившись свернуть нам в ванной кран, и укатил к себе.

— Руки-крюки, — злилась Люська. — К чему ни прикоснется — все ломается. Может на клеверное поле смотаться, найти ему четырехлистный клевер?

— Смотайся. Только после того, как найдем Вадима.

Люська вздохнула.

— У него такой грустный взгляд, — сказала она, пройдя в кухню — И он называл меня Люси. На французский манер.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сомнительные персонажи

Изредка, особенно когда остаюсь наедине с собой, я задаюсь вопросом: почему мне нужно больше всех? Почему меня часто заносит туда, куда другие идти побаиваются; почему говорю там, где большинство молчат в тряпочку; почему постоянно попадаю в истории? Что это — черта характера, нехватка острых ощущений, которые пытаюсь компенсировать, ввязываясь в очередное расследование, или обостренное чувство долга? Однако меня заносит. Чувство долга, как хватанул! Я, конечно, ответственный (в какой-то степени), в меру благоразумен, во мне развито чувство справедливости, но не настолько же, чтобы очертя голову бросаться во все тяжкие. А я бросаюсь. Иногда помимо собственной воли: умом понимаю, надо бы притормозить, а тормоза не работают. Такая вот особенность.

Люська говорит, что ответ лежит на поверхности.

— Мы не можем иначе, Глеб. Это призвание.

— Не уверен.

— Меньше самоедства и сомнений! Лично я не вижу ничего плохого в том, что мы по мере возможностей вносим свой посильный вклад в борьбу с преступностью.

— Меньше самоуверенности! Наш вклад ничтожно мал.

— Но он есть. Скажешь, я не права? По-твоему, мы занимаемся не своим делом, заполняем свободное время острыми ощущениями ради забавы?

— Определенно, нами что-то движет, узнать бы, что именно.

— Я тебе скажу: риск, ощущение опасности, неизвестности. Азарт, если хочешь, ну и жажда правосудия, как без нее. Согласись, это здорово подстегивает.

— Может быть.

— Не всех, конечно, подстегивает, — тихо сказала Люська, манерно поправив челку.

— В чей огород камень?

— А то ты не догадался.

— Не догадался.

— Камень полетел в огород Алиски. И не говори, что я не права. В отличие от нас с тобой и Димки, Алиса... как бы это правильно сказать, — Люська обкусывала нижнюю губу, подбирая подходящие слова, — она слишком оранжерейная.

— Ты хотела сказать, тепличная.

— Не заикливайся на терминологию. Алиска как орхидея: изнеженная, хрупкая, в суровых

климатических условиях зачахнет. У нее и мечты такие же изнеженные, типичные мечты Золушки о большой и светлой любви.

— Поосторожнее с намеками.

— Какие намеки, Глеб, я говорю в открытую. Ну ладно, допустим, своего принца на белом коне... Хи-хи-хи, вернее, принца на скутере, она нашла, — ты доволен? Кстати, вы с ней идеально подходите друг другу, противоположности притягиваются. Но повторяю, Алиса сделана из другого теста, она не любит рисковать, опасность ее пугает. Одним словом, будущая актриса. А что, профессия как раз для нее, там все такие. Ручки-ножки чистые, личико нарисованное, улыбайся на камеру, глазками моргай и текст шпарь.

— Не пойму, вы с Алиской поругались, что ли?

— И не думали.

— Тогда почему столько наездов? Изнеженная, нарисованное личико, моргает глазками... Попахивает ехидством.

Люська принялась, вскочила со стула и бросилась в коридор.

— Блин! Блин! Блин! У меня пирог горит. Глеб, ты раньше сказать не мог, что горелым пахнет?

— С чем пирог-то?

— Планировался с клубничным вареньем, но будет с углями.

Не знаю почему, но маленькая Люськина неудача подняла мне настроение. Выходит, нам обоим не откажешь в ехидстве.

За город мы с Геной стартанули с небольшим опозданием. К нам он приехал вовремя, но в подъезде порезал руку, пришлось срочно обрабатывать рану йодом и бинтовать. Крови было много, Гена непрестанно стонал и даже пару раз грозился упасть в обморок.

— Не вздумай упасть!

— Я крови боюсь.

— Не смотри на кровь.

— Забинтовывай скорее!

В машине его стенания усилились, он начал вспоминать свое детство, школьные годы, учебу в институте и постоянно твердил о своих неудачах. Его пессимизм и заниженная самооценка сильно раздражали. Человеку почти тридцать лет, а он ноет, как детсадовец, винит в своих несчастьях отсутствие фортуны, возводя себя в статус жертвы. Конечно, он пытается бороться с собой и своими комплексами, но результата пока нет. Одна только головная боль у тех, кто находится рядом. Сейчас голова разболелась у меня.

...Жигуленок было решено оставить в километре от дома неизвестного нам хозяина. Мы съехали с гравийной дороги, метров двести колеса хлюпали по лужам, а затем машина остановилась на небольшой поляне с росшим на окраине дубом-великаном. Мощное дерево имело толстые витые сучья, коричнево-черную шершавую кору,

прочерченную глубокими трещинами, и вздымающиеся в некоторых местах из почвы корни.

С нижней ветки — она находилась в метрах трех-трех с половиной от земли — свисал пожарный рукав с привязанной на конце шиной. Своеобразная тарзанка. Отлично помню, как несколько лет назад навернулся с такой вот тарзанки, пропахав носом землю. До сих пор на лбу небольшой шрам остался. Но сейчас не об этом.

Преодолев расстояние от дуба до дома, Геннадий кивнул:

— А вот и домик.

— Хороший домик.

Двухэтажный бревенчатый дом был возведен среди берез, елей и кленов. Справа от участка находилась небольшая березовая роща, слева и сзади — пустырь с островками травы и плетями вьюна.

— Унылое место, — сказала Гена. — Неуютное.

— Для кого как. По мне, так лучше жить в отдалении от соседей.

— А что хорошего, скучно же?

— О вкусах не спорят. Предлагаю пройтись вдоль забора с левой стороны.

— Там грязно.

— Танки грязи не боятся, — пошутил я.

— Но мы-то с тобой не танки, — не оценил шутку Геннадий.

— Охрана на территории есть?

— Я никого не заметил.

— А пожилой мужчина, про которого ты рассказывал, сам за рулем сидел?

— Нет. Водитель у него.

— Значит, и охрана имеется. Идем. Только старайся не привлекать внимания.

— Скажи, зачем нам осматривать забор с левой стороны? Есть отличное место справа, можно подтянуться и увидеть часть двора и крыльцо.

— Этим займемся позже.

Забор оказался крепким, без изъянов и потайных лазеек, во всяком случае, мне их обнаружить не удалось. Да я и не рассчитывал на это. Выйдя на дорогу, Гена начал ворчать.

— Ну вот, туфли испачкал. Два сезона не проходил.

— Мог бы надеть кроссовки.

— Мог, но не надел. А туфли жалко, хорошие были туфли.

— Ничего с твоими туфлями не случится, — я схватил Генку за руку и с силой потянул за собой.

— Ты чего, рука ведь болит.

— Голоса. Кто-то вышел из дома.

Пригнувшись, мы пробежали мимо ворот, забежали за угол и притаились за невысокой елкой с редкими иголками.

На участке переговаривались мужчины. Гена тронул меня за плечо.

— Могу тебя подсадить.

— Давай.

— Только ты осторожней, помни о моей руке.

Первым, что я увидел, заглянув на территорию, были выложенные тротуарной плиткой дорожки и припаркованная у ворот машина Семена. Потом взгляд сконцентрировался на крыльце с широкими ступенями и белыми балясинами.

На крыльце стоял накачанный лысый мужик в кожаной куртке и молодой блондин в черном костюме. Они переговаривались между собой. Лысый сжимал и разжимал кулаки, говорил торопливо, отрывисто. Блондин курил и вел себя более раскованно, качку отвечал лениво, делал между словами паузы.

Когда на крыльцо вышел пожилой мужчина в белоснежном смокинге и с тростью в руках, блондин выбросил сигарету, вытянулся струной и быстро заговорил. Лысый же продолжал сжимать кулаки, но уже молча.

— Глеб, что там?

— Вижу деда в белом смокинге.

— Ага-ага, — прошептал Геннадий, — тот самый.

Дед сделал шаг к лестнице и выронил трость. Блондин мгновенно нагнулся и сразу же выпрямился. Опираясь на трость, хозяин дома начал спускаться по ступенькам, мужчины следовали за ним.

Они вышагивали по дорожке вокруг дома. Я специально засек время: с момента, как тройца скрывалась за поворотом, и до того момента, когда вновь появлялась из-за угла, проходило около четырех минут.

Потеряв к ним интерес, я предложил Гене пройти чуточку вперед.

— И чего ходят? — спросил он, идя за мной.

— Они нервничают. Больше остальных нервничает хозяин, будем называть его так. Я заметил, у него руки трясутся.

— Трясутся скорее от старости, а не от нервов.

— Как думаешь, в доме еще кто-нибудь есть?

— Без понятия. Может, там десяток таких же качков, а может, ни души.

— Знать бы наверняка, там Семен или нет.

— Есть способ.

— Какой?

— Сам еще не догадался? — Гена остановился и подбородком указал на забор.

— Я похож на самоубийцу?

— Тогда твой вопрос виснет в воздухе.

— Пусть повисит. А мы с тобой давай пройдем дальше по дороге, посмотрим, куда она нас выведет. Вдруг поблизости есть деревня или дачные участки. Надо проверить.

Геннадия перспектива топтать по гравию в новых туфлях (только он мог надеть новую обувь в такой день) казалась абсурдной, но перечить мне ему не хотелось. Да и поздно давать задний ход: все равно уже приехали, и туфли он в грязи перепачкать успел. Чего уж теперь осторожничать.

Дорога действительно вывела нас к деревне, правда, деревне не совсем обычной. Вымершей. Или почти вымершей. От нее осталось всего

три почерневших скособочившихся домика, в них явно никто не жил. Зато чуть левее я увидел спиленные деревья и следы экскаватора. Видимо, в этой местности планируют возвести коттеджный поселок.

Походив по округе, мы вернулись к дому, и я снова заглянул на участок. Входная дверь закрыта, хозяина на улице не видно, на первом этаже в трех окнах горел свет.

— Возвращаемся в город.

— За домом необходимо установить постоянное наблюдение, — сказал Геннадий уже в машине.

— Как ты себе это представляешь? Мы не располагаем временем.

— Я располагаю. Ночью и днем могу находиться поблизости, а после школы вы меня смените.

— И до каких пор предлагаешь вести слежку?

— Пока не прояснится ситуация с Семеном.

— Не знаю, Ген, мне кажется, Семена в доме нет. И вообще, сомневаюсь, что он долго там пробыл.

— Говорю тебе, Глеб, Семен в доме. Существует вероятность, что держат его там насильно.

— Верится в это с большой натяжкой.

Геннадий быстро посмотрел на меня и перевел взгляд на дорогу.

— Нравится тебе или нет, а я завтра утром еду за город.

— Мог бы остаться на ночь, — подколот я Гену.

— Сегодня не могу.

— Романтическое свидание наклеивается?

— Какое свидание? Сегодня я одет неподобающим образом. Опять же, не захватил еду, термос с кофе. Сорвались мы с тобой сюда слишком резко, не обмозговали все как следует. А дело дрянь, скажу тебе. У меня на такие вещи чутье. И, между нами говоря, тот господин в белом смокинге очень напоминает дядьку с богатым прошлым. Понимаешь меня?

— С криминальным прошлым?

— Попал в яблочко!

В который раз я подумал о Вадиме Дюмериле. Три недели назад мы знать не знали французского паренька русского происхождения. А теперь в такой водоворот событий попали. Не без его помощи. Что же за всем этим последует?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Застали врасплох

Как только Люська примчалась в чайную лавку, Лариса заплакала.

— Люсь, не знаю, как быть. Семен пропал, я в безвыходном положении.

— Телефон по-прежнему отключен?

— Вообще гудков нет. Такое впечатление, что заблокировали sim-карту. Хоть волком вой.

— Ты не накручивай себя раньше времени.

— Раньше какого времени, Люся? Нет, меня точно кто-то сглазил, или порчу навели.

— Не носи ахинею.

— Сглазили, — повторила Лариса. — Люди не могут спокойно переживать чужие успехи, их наизнанку выворачивает, начинается ломка. Мне кто-то позавидовал.

— Было чему завидовать?

— Она еще спрашивает. Сама видишь: торговля пошла в гору, в личной жизни все устаканилось — и вдруг такая напасть. Если Семен не объявится, лавку придется закрыть.

— Это еще почему?

— А аренда? Дорогая моя, я тебе говорила, финансами распоряжался Семен. Я аренду не потяну, придется закрыть лавочку. И куда потом с чаем — на вокзал или сразу к бомжам в подворотню?

— Ларис, я не думала, что все настолько серьезно.

— Очень серьезно, Люся, очень. Я целиком завишу от Семена: он рядом — и у меня нет проблем. Пропал — я пропала вместе с ним.

— А выручка, ее на аренду не хватит?

— Шутишь? Нет, конечно. Большая часть идет поставщикам, оставшаяся на прочие расходы. Сглазили меня, — Лариса опять всплакнула и достала из кармана носовой платок.

— Ларис, мы уже разговаривали на эту тему, но все-таки постарайся припомнить, не называли Семен при тебе каких-нибудь имен, фамилий. Может, мимоходом упоминал имена друзей, а?

— Люсь, что это нам даст?

— Вспомни, вспомни.

— Не помню я, — психанула Лариса. — Называл, наверное, он по телефону часто при мне разговаривал: сам звонил, ему звонили. Но разве все упомнишь. Саши, Паши... Я плохо имена запоминаю.

— О чем Семен чаще говорил по телефону?

— О делах, скорее всего. Не прислушивалась я, какое мне дело до его бизнеса. Но в основном говорил неохотно, старался скорее закончить разговор. Да-нет, вот в принципе и все.

— Не густо.

— Если лавка закроется, я потеряю смысл жизни.

— Тебя что больше огорчает, пропажа Семена или закрытие чайной лавки?

Лариса смахнула со щеки слезу.

— Как ты можешь спрашивать!

— Ответь.

— Я люблю Семена. Мне нужен только он. А лавка... Господи, да будь она неладна, пусть хоть сгорит... Тьфу-тьфу-тьфу, — Ларисы быстро постучала по деревяшке и смутилась.

«Ага, — подумала Люська. — Пусть сгорит, а по дереву постучала. Лукавит Лариса, и сомневаться нечего».

— А заявление у меня не приняли, — сказала она чуть погодя Люське.

— Ты ходила в полицию?

— Устроили мне допрос: кем прихожусь, то-се. Я им говорю, человек пропал, какая разница, кто я такая и в каких отношениях состою с Семеном. А они мне, а может, ваш Семен к родственникам уехал или у друзей остановился.

— А ты?

— А что я. Честно призналась, с друзьями его не знакома, номерами телефонов и адресами не располагаю. Ну, мне и намекнули идти домой со своим заявлением. Понимаешь, для них он не пропал, потому что нет заявления от родственников.

— Я предупреждала тебя.

— Брат Семена отказывается писать заявление. Позвонила ему, трубку жена взяла, объяснила ей ситуацию, она успокаивает, мол, ничего с Семеном не случилось, объявится. Жди.

В чайную лавку зашла покупательница, на несколько минут Лариса отвлеклась от тяжких дум, а когда женщина вышла, внезапно вскрикнула:

— Люся, я вспомнила!

— Что вспомнила?

— Недели три назад мы с Семеном ехали в машине и ему позвонили. Разговаривал он недолго, а перед тем, как отсоединиться, сказал «Пока, Зуб».

— Зуб?

— Зуб! Я еще удивилась, спросила, что за зуб такой. А Семен ответил, это школьная кличка его партнера по бизнесу.

Люська начала ходить по чайной лавке.

— Зуб... Зуб... Больше ничего не запомнила?

— К сожалению, нет.

— Школьная кличка ни о чем не говорит. Сама понимаешь.

— Понимаю, — кивнула Лариса. — Понимаю, что в жизни опять наступила черная полоса. Наказание какое-то! Деньги от меня, как от чумы, шарахаются. К другим липнут, а от меня отскакивают. Кто ж сглазить мог? Нинка? Или Евгения Олеговна руку приложила? — Лариса начала перечислять всех своих знакомых, которые, по ее мнению, могли сглазить бизнес.

Люська села за столик и стала наблюдать через стеклянную витрину за прохожими.

После уроков мы с Димоном перекусили в школьной столовой, забросили домой рюкзаки и поехали в область. Добрались быстро, но на гравийной дороге скутер начало бросать в стороны, пришлось катить его рядом, как велосипед.

— Никак не могу раскусить Генку, — сказал Димон, когда мы шли вдоль ветвистых орешников.

— Тебя что-то напрягает?

— Его поведение. Неужели сам не видишь? Он ведет себя неестественно.

— Невезучий и закомплексованный, отсюда ноги растут.

— А я сомневаюсь, что дело только в невезении. Я могу тебе назвать парочку катастрофически невезучих кадров, но поверь мне, их поведение ничем не отличается от поведения нормальных людей. Поведение же Генки наталкивает на мрачные мысли, — Димон умолк.

— Чего замолчал, договаривай.

— По-моему, он переигрывает.

— И какой ему резон нас дурачить? Нам Дронов ничего не должен, мы ему тем более. Ни к чему не обязывающее сотрудничество.

— Смотри, мое дело предупредить. На твоём месте я бы держал с ним ухо востро.

Когда вдалеке показалась крыша двухэтажного дома, я кивнул на густые заросли шиповника.

— Спрячем здесь скутер.

Димон думал о чем-то своем, и мои слова пропустил мимо ушей. Остановился он метров через пятнадцать, обернулся и, не увидев меня, крикнул:

— Глебыч, ты где?

— В кустах. Скутер прячу.

— Почему не сказал? Я бы помог.

— Я говорил, ты меня не слышал. О чем думаешь?

— Все о том же, о наших делах. Мне сразу похищение Вадима показалось пустяком. Не, я не шучу, думал, вычислим владельца тачки, найдем Вадима, займемся непонятной историей с отъездом его одноклассников. А теперь с ног на голову все перевернулось. Тянется ниточка, тянется, но никак не закончится.

— Закончится, — я отряхнул джинсы, потер друг о друга ладони, и мы, ускорив шаг, стали приближаться к дому.

Гена встретил нас возгласом облегчения.

— У меня много новостей.

— Ты видел Семена?

— Нет. Но хозяин дома несколько раз отъезжал по делам. Вместе с блондином. Здоровяк оставался здесь, ходил по участку, стоял у машины Семена, курил. А потом снял с тачки номера.

— Вот как?!

— Это о многом говорит.

— О чем, например? — спросил Димон, подозрительно посмотрев на Гену.

— Машина долго здесь не простоят, ее увезут.

— Не обязательно.

— Он снял номера, значит, тачку планируют видоизменить. Или другие номера повесят, или превратят в невидимку.

— Это как?

— Уничтожат, — шепотом ответил Геннадий.

— Хозяин дома вернулся?

— Пятнадцать минут назад.

— Я хочу осмотреть двор, — Димон направился к забору, но, услышав шум мотора, остановился.

Мы забежали за угол, прислушались. Белая машина подъехала к воротам, водитель посигналил, и спустя минуту лязгнула металлическая задвижка.

— У них сегодня гости.

— Димон, подсади меня.

Из машины вышел мужчина. Обменявшись рукопожатием с лысым здоровяком, он поспешил подняться на крыльцо и скрыться внутри.

— Он кашлял, — сказал я. — И ботинки у него на толстой подошве. Есть подозрения, что это тот самый тип, который караулил Вадима на съемной квартире.

— Одним глазком бы взглянуть, что они там делают.

— И услышать бы, о чем треплются.

— Размечтались, — усмехнулся Гена. — Если стоять у забора, информацией не разживешься.

— А где нам еще стоять?

— Можно попытаться пробраться на участок.

Я бы мог...

— С твоим везением лучше не пробовать. Кстат-и, ты можешь ехать домой.

— Когда мне вернуться?

— Думаю, это лишнее, не стоит сюда приезжать.

— Мы же договорились следить до тех пор...

— Пойми ты, «до тех пор» — понятие растяжимое. Сколько ты собираешься здесь дневать и ночевать: неделю, месяц, год? Сейчас номерок белой машины перепишем и переключимся на кашляющего мужика.

— А что с номерами Семеновой тачки?

— В базе данных не значится. Тупик!

— Кстат-и, мужика сфоткать надо будет, когда из дома выйдет. Фотку Люське показать.

— Сфоткаем. Хотя я и так уверен, что это он.

Потоптавшись на месте, Геннадий пожелал нам удачи и ушел.

Время шло медленно, мы сидели на корточках, прижавшись спинами к кирпичному забору. Ничего интересного не происходило. Тоска и скука. Заслышав шум, вскакивали и смотрели, не вышел ли из дома мужик в ботинках на толстой подошве.

Провала нашего мероприятия ни я, ни Димон не ожидали, оттого, наверное, и потеряли бдительность, излишне расслабившись.

Димон смотрел на участок (нам показалось, там скрипнула дверь), я стоял, задрав голову, ждал, что он мне скажет. И вдруг произошло то, что произошло.

А именно, меня кто-то схватил за плечо. Интуитивно подавшись вперед, я вскрикнул от боли, обернулся. Лысый здоровяк с хищной улыбкой на мясистых губах перекачивал во рту тлеющую сигарету.

— Кто такие, кого высматриваем?

Спрыгнув с забора, Димон не растерялся, поднял с земли большую палку, замахнулся.

— Пусти его! — закричал он.

Здоровяк хрипло рассмеялся.

— Брось палку, а то ведь этой палкой тебя и зашибу. Или шею твоему дружку сверну.

Димон был вынужден повиноваться.

— Мы ничего не сделали, чего вы от нас хотите?

— За кем, спрашиваю, подглядывали?

— За Танькой, — выпалил я.

— За какой Танькой? — мужик наконец убрал руку с моего плеча.

— В этом доме живет наша одноклассница Танька Арцеулова.

Лысый выплюнул сигарету и толкнул меня в спину.

— Топай вперед! Сейчас разберемся, кто и где живет.

Через калитку мы прошли на участок, и лысый повел нас к крыльцу.

— И куда мы идем?

— К Таньке Арцеуловой, — хмыкнул он.

Поднялись по ступенькам, он толкнул дверь и пропустил нас в просторную прихожую. Справа была гостиная, слева — столовая, впереди — вверх уходила красивая дубовая лестница.

Когда лысый провел нас в гостиную, три переговаривающихся шепотом человека (хозяин дома, блондин и гость) резко замолчали.

— Это что за экскурсанты? — беззлобно спросил, облаченный во все белое хозяин дома.

— Наблюдали за домом. Говорят, высматривали одноклассницу.

Блондин встал с кресла, но хозяин дома знаком показал ему, чтобы он оставался на месте.

— Одноклассницу? Хорошая отмазка. Хорошая.

— Это не отмазка, — сказал я, стараясь говорить убедительно. — Здесь живет наша одноклассница.

— Бывшая, — поправил меня Димон.

— И как зовут одноклассницу?

— Таня.

— Таня... хорошее имя. Ах, Таня, Таня, Танечка... и песня хорошая. Костя, — обратился к блондину хозяин дома, — скажи мне, а то я что-то запамятовал, в этом доме есть девушка по имени Татьяна?

Блондин улыбнулся и мотнул головой.

— Никак нет.

— Спасибо, Костя, спасибо. Слышали, орлы, не живет здесь ваша одноклассница.

Молчавший гость начал кашлять.

— Смотри, Боря, какая нынче молодежь пошла. Ни ума, ни фантазии.

— Гнилая молодежь, — согласился Боря и снова кашлянул.

— Вероятно, мы ошиблись домом, — сказал я. — Бывает.

— Бывает, дружок, бывает. Знаешь, как говорят, и на старуху бывает проруха.

— Увести? — спросил лысый, кивая на нас с Димоном.

— Подожди. Костя, проверь, с чем они к нам пожаловали.

— Не к вам, а к Таньке, — гнул я свою линию. — Ну перепутали дома, зачем разборку по пустякам устраивать.

— Он дома перепутал.

— Ты, парень, ври, да не завирайся, — Костя начал меня обыскивать.

Димоном занялся лысый здоровяк.

— Отдай телефон, — крикнул Димон.

Лысый отвесил ему подзатыльник.

— Руки не распускать! — рывкнул хозяин дома.

— Виноват.

— Поди вон!

Лысый сник, молча положил телефон на низенький столик и вышел. Секунду спустя рядом с телефоном Димона лежал мой айфон.

Посмотрев на часы, хозяин дома зацокал языком.

— Время, времечко летит... — опираясь на трость, он прошелся по гостиной.

Телефонный звонок заставил его остановиться. Разговор получился коротким, сказав несколько раз «да», хозяин дома плотно сжал губы и с гневом уставился на меня.

— Поговорим с вами позже. Поговорим основательно. Костя, отведи их наверх.

— Нам нечего вам сказать. Нас дома ждут.

— Подождут, — ответил хозяин дома, разглядывая рукоятку трости.

Костя вывел нас из гостиной, и мы стали подниматься по лестнице. На площадке второго этажа повернули направо и пошли по длинному коридору. Из коридора просматривалась вся гостиная. С одной стороны располагались двери, с другой — дубовые перилла и балясины. Отсюда можно было запросто наблюдать за действиями тех, кто находился внизу.

— Стоп машина! — скомандовал Костя у третьей по счету двери.

— И долго нам здесь сидеть?

— Просидите сколько потребуется.

Когда я переступал порог комнаты, внизу раздался сухой кашель Бориса.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Нечаянные свидетели

Комната была невелика, по всей видимости, она служила малой гостиной. Вдоль стены с репродукциями Сальвадора Дали стоял длинный бордовый диван с высокой спинкой и закругленными подлокотниками. На противоположной стороне — два кожаных кресла, журнальный столик с зеркальной поверхностью, плазменная панель и узкий стеллаж с книгами в углу. Пол покрывал пушистый аляпистый ковер.

На одном из кресел спал поджарый дымчатый кот. Наше появление оставило кота равнодушным, едва открылась дверь, он легонько повел ушами, принялся и зевнул. А стоило Косте нас закрыть, кот опять впал в дрему.

Иногда я завидую кошкам, на мой взгляд, они самые спокойные существа. Их мало волнует происходящее вокруг, они живут в своем особом, скрытом от посторонних глаз мирке. И нет им дела до страстей, разгорающихся между беспокойными людьми.

Подергав дверную ручку, Димон хмыкнул.

— Закрыто.

— Не говори, — в тон ему ответил я. — И даже ключа не оставили.

— А если серьезно, Глебыч, попадалово полное. Вляпались конкретно.

— За что боролись, на то и напоролись. Сами виноваты.

— Зачем ты про одноклассницу ляпнул?

— Сказал первое, что пришло в голову.

— Даже я не поверил. Если мы к однокласснице приехали, почему не позвонили в калитку или по мобильнику, с какой стати через забор на участок зырили?

— Да знаю, что хлипкая отмазка. Тупанул я.

— Как думаешь, Генка уехал?

— Конечно уехал. Черт, и телефоны отобрали.

Димон подошел к окну и посмотрел вниз.

— Прыгать высоковато будет.

— Ты собрался прыгать?

— Летать я пока не научился.

— Забудь. Не прокатит.

— А вдруг? Решеток на окнах нет, высота... навскидку метра четыре. Не так уж и высоко.

— Ноги-руки переломать можно.

— Смотри, Глебыч, — Димон кивнул на плотные гардины. — Если снять, порвать на несколько полос...

Я приложил палец к губам и примкнул к двери.

— Т-с-с-с!

— Что там?

— Кажется, кто-то поднимается по лестнице. Голоса слышу.

— Это внизу.

— Неспроста нас сюда завели. Видел, как лицо старика после звонка скривилось?

— Что-то здесь намечается.

Я кивнул и услышал шуршание шин, доносившееся с улицы.

Выглянув из-за гардины в окно, мы увидели у ворот Костю и здорового лысого мужика. Костя стоял на плиточной дорожке, мужик распахивал настежь ворота. Вскоре в них въехали две черные машины с тонированными стеклами. Они остановились рядом с машиной Семена, и к одной из них не спеша подошел Костя.

Прошло не меньше минуты, прежде чем из первой машины вышли двое шкафоподобных громил. Секунд через десять открылись дверцы второй машины. И опять из салона вышли двое: худой и толстый. Оба в солнцезащитных очках, коротко стриженные, в черных костюмах. Начав ози-раться по сторонам, мужчины из второй машины переглянулись с мужчинами из первой.

Последним — пятым по счету — из машины вышел низкорослый плотный старичок.

— Главный, — прошептал Димон.

— Сам понял.

— Он мне Карлсона напоминает.

— Угу, а это его Малыши. Приехали побаловаться чаем с плюшками.

Димон засмеялся. Мне было не до смеха.

Перебросившись несколькими фразами с Костей, старик, окруженный свитой, направился к дому.

— Стрелка у них, что ли?

— Скорее сходка.

— А нас так и будут мариновать в закрытой комнате?

— До нас пока руки не дошли. Мне кажется, у них сейчас проблемы поважнее.

— Тогда чего мы ждем, Глебыч? У них до нас не дошли руки, значит, нам надо делать ноги.

— Не гони, Димон. Сам подумай, что ты предлагаешь: снять гардины и с их помощью спуститься со второго этажа. Бред же. Они порвутся, и ты первый свернешь себе шею.

— Не рискован ты парень, Глебыч.

— А зачем мне такой риск, ради чего?

— Хотя бы ради спасения собственных жизней.

— Нас не собираются убивать.

— Мне бы твою уверенность. Старик из нас правду будет вытрясать, а сказать нам ему нечего. Останемся здесь — все, капец нам.

Я снова подошел к двери, потеревил ручку, сел на корточки.

— Дверь межкомнатная, замок простой. Булавочку бы сейчас.

— Не вопрос, — Димон подошел к стеллажу и взял с полки металлическую закладку для книг.

— Сразу ее приметил. Подойдет вместо булавки?

— Посмотрим.

— Только, Глебыч, что нам даст открытая дверь? У нас один выход — через окно. Через дверь по любому не выйти, внизу тьма народу.

— Открытая дверь поднимет бодрость духа, — отшутился я, пристроив острие закладки в узкое горизонтальное отверстие на дверной ручке.

Пока я пытался открыть замок, внизу раскалялась обстановка. Слышать, о чем ведут разговор собравшиеся в гостиной люди, мы не могли, слух изредка лишь улавливал командные интонации и резкие возгласы неудовольствия. Потом наступала тишина. Через пару-тройку минут следовал всплеск голосов. Кто-то кричал, кто-то смеялся. Тишина сменялась шумом, шум — тишиной. Под эту неравномерную игру голосов, сдобренную эмоциональный приправой, я смог открыть дверь.

Димон положил мне ладонь на плечо.

— Респект, Глебыч. И что теперь?

Протянув Димону закладку, я опустил дверную ручку.

— А смысл? — одними губами спросил Димон.

— Тебе самому не интересно послушать?

— Слушать их треп — нет. Я хочу слинять отсюда.

— Зачем тогда вообще приезжали? И не ты ли мечтал услышать, о чем они здесь разговаривают?

Димон промолчал. Я открыл дверь, выглянул в коридор, прислушался.

— Мои люди врать не привыкли, — говорил хозяин дома. — Не привыкли.

— А я доверяю своим людям. У каждого свое поле, зачем воровать мячи с чужого?

— Ты стареешь, — усмехнулся хозяин дома. — Стареешь. До тебя не доходит смысл мною сказанного.

Воцарилась тишина. Разбил ее скрипучий голос гостя:

— Никогда я не прогибался под других.

— До поры, до времени, — сказал хозяин дома, — до поры, до времени.

— Тебе не откажешь в остроумии.

И опять тишина.

— Я выйду и посмотрю на них сверху, — прошептал я Димону.

— Я с тобой.

Став на четвереньки, мы практически выползли в коридор и прильнули к балясинам.

В гостиной находилось восемь человек: трое — плотный старик, худой и толстый мужчины — сидели на Г-образном диване, два бугая с непроницаемыми лицами стояли позади них. Хозяин дома и Костя сидели на втором диване, стоявшем напротив. Лысый громила, тот, что заметил нас на улице, медленно прохаживался за их спинами. Бориса в гостиной мы не заметили.

Я превратился в слух, но понять, о чем разговаривали в гостиной, стало практически невозможно. Упоминались имена, фамилии, назывались

цифры и даты. Изредка был слышан мат. Больше всех рассвирепел старик. Его красное лицо покрылось потом, он размахивал руками и постоянно сжимал кулаки.

— Я тебя как муху прихлопну! — процедил он, обращаясь к сидевшему напротив человеку в белом костюме.

— Попробуй, — с усмешкой ответил тот. — Попробуй.

Дальнейшие действия можно разделить на два этапа, на два совершенно разных состояния, в которых я оказался волею обстоятельств. Состояние «До». Состояние «После».

Внезапно в руке плотного старика появился пистолет. Он направил дуло на хозяина дома, раздался выстрел. В последующую секунду оружие было в руках каждого из присутствующих. Мы с Димоном приросли к полу, мы отказывались верить глазам, мы даже не успели как следует испугаться.

Кто-то громко выругался, и последовал второй выстрел. Третий, четвертый, пятый...

Стараясь не смотреть вниз, мы начали отползать обратно в комнату. Я полз на четвереньках и чувствовал, как трясутся ноги, руки, как внутри что-то вздымается и клокочет. К лицу приливают волны невыносимого жара, спина мокрая от пота, — а внизу не умолкали выстрелы. И я не знал, продолжают ли стрелять друг в друга люди внизу, слышу ли я эхо выстрелов, или же на самом деле «выстрелы» — это бешеный

стук моего сердца? В тот момент я почти не отдавал отчета своим действиям, страх накрыл меня с головой. Я впал в состояние «После».

— Глебыч, — прошептал Димон, когда мы очутились в комнате и закрыли дверь. — Бежать надо.

Я смотрел на Димона, видел, как начинает двоиться его лицо, перевел взгляд в сторону, быстро заморгал. Закрыл глаза. Открыл их снова и увидел, что все предметы в комнате ожили и закружились в немыслимом вихре.

— Бежать, — тихо сказал я.

Внизу хлопнула дверь. Не сговариваясь, мы подбежали к окну, ожидая увидеть того или тех, кто вышел из дома. Стремительно темнело, приходилось щурить глаза, приглядываться.

Плотный старик подбежал ко второй машине, открыл заднюю дверцу и юркнул в салон. На место водителя сел один из громил, предварительно распахнув ворота. К другой машине подошел второй громила. Он вел опиравшегося на него худого мужика. Усадив того на заднее сидение, метнулся вперед и завел мотор.

Черные иномарки с тонированными стеклами выехали за территорию.

— Толстого мужика не хватает, — сказал Димон. — Уложили!

— А этим, получается, удалось уложить всех здешних? — я какое-то время смотрел в окно, в глазах рябило.

Запах гари мы с Димоном почувствовали одновременно. Дом горел. Огонь полыхал в гостиной: загорелась обивка дивана, кресел, начинал разгораться ковер.

На хозяина дома и его приближенных мы старались не смотреть. Помочь им все равно уже нельзя было. Слишком поздно.

На лестнице я остановился и рванул обратно в комнату.

— Глебыч!

— Я сейчас. Беги на улицу.

Решив, что я тронулся умом, Димон побежал за мной. На пороге в комнату он схватил меня за руку. Я вырвался.

— Кот! Где кот?

— Какой кот... Вот он.

Взъерошив шерсть, кот забился под журнальный столик. Он рычал, шипел, а когда я взял его на руки, полоснул когтями так, что искры из глаз посыпались.

— Сволочь! — крикнул я. — Я же тебя спасаю.

На улице я бросил кота на землю, и мы сломя голову понеслись вперед по гравийной дороге.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Шанс

Видеть убийство на экране, читать про убийство в книгах и стать свидетелем убийства в реальной жизни — совершенно разные вещи. Никогда не думал, что воочию увижу бандитскую перестрелку. Сколько я перечитал детективов, сколько пересмотрел боевиков и триллеров, но никогда при виде разборок мне не приходилось цепенеть от ужаса. А здесь страх буквально парализовал, как ни банально, но перед глазами действительно промелькнула, если не вся жизнь, то очень много цветных и черно-белых ее эпизодов.

Дома мне хотелось побыть одному. С Люськой объяснялся Димон, и после услышанного она долго находилась в состоянии шока. Алиске было решено ничего не говорить. Во всяком случае, пока. Она и так переживает по любому поводу, а узнав, что нам с Димоном чудом удалось спасти собственные жизни, впадет в панику.

Утром я, как обычно, пошел в школу. На уроках сидел, как в воду опущенный, клевал носом,

учителей не слушал, на переменах предпочитал стоять у окна или оставаться в классе.

Несколько раз мне звонил Геннадий, утверждал, что появились важные новости. Я оставался ко всему равнодушным. Ничего не хотелось делать, а тем более не хотелось заниматься расследованием. Гену я попросил перезвонить дня через три, в подробности не вдавался, но говорил твердо, где-то даже грубо. Дронов меня понял, пробормотал что-то невнятное в трубку, пообещав связаться со мной в понедельник.

...Прийти в себя мне помогла Алиса, точнее, ее слова о предстоящих съемках рекламного ролика. В суматохе последних дней я совсем забыл об успешно пройденном кастинге и съемках в рекламе. Съемки, пробы, кастинги... К подобным вещам я отношусь настороженно. Можно сказать, почти враждебно.

— Глеб, ты меня удивляешь.

— Чем я тебя удивляю?

— Своей узколобостью, — выпалила Алиса. — Диана — актриса, тебе прекрасно известно: съемка в рекламе — это работа, а не развлечение. Зачем, по-твоему, я хожу в школу актерского мастерства — чтобы научиться вышивать крестиком? Я хочу стать актрисой.

Я усмехнулся, не мог принять ее доводы.

— Не смейся. Понимаю, для этого придется много работать...

— Сначала надо много учиться.

— И учиться, разумеется, тоже. Сейчас я учусь, и мне повезло, меня пригласили сняться в рекламном ролике. Это шанс, Глеб. Шанс для меня, понимаешь! А ты рассуждаешь по-дилетантски, считаешь, реклама не имеет ничего общего с искусством.

— Алис, но реклама действительно не имеет ничего общего с искусством.

— Хватит! Или мы поссоримся.

— Как хочешь. В любом случае, меня ты не убедила и доводы у тебя оказались хлипенькими.

— Если на то пошло, я вообще не обязана тебя ни в чем убеждать.

— Алис, меня напрягает твой партнер.

— Денис?

— Смотрит он на тебя странно.

— Глеб, расслабься и не ревнуй. Ты только представь: я снимусь в рекламном ролике, мне заплатят хорошие деньги, меня увидят сотни тысяч человек!

— Это и беспокоит.

— А потом, — Алиса мечтательно улыбнулась, — вдруг какой-нибудь режиссер пригласит в свой фильм.

— Сразу на главную роль.

Не замечая моего сарказма, Алиса мотнула головой:

— Можно и на второстепенную, не принципиально.

- Или на эпизод, да?
- Эпизод? Нет, на эпизод я не согласна.
- А сниматься в массовке хочешь?
- Глеб, не издевайся.

Этот разговор произошел между нами накануне вечером. А утром я поставил свое условие: буду сопровождать Алиску на съемках, чтобы держать ситуацию под контролем.

...Съемки первой части ролика проходили в парке, вторую планировали снять в павильоне.

Для Алисы натурная съемка вылилась в настоящую катастрофу. Ее партнером был тот самый Денис, который по совершенно непонятным причинам смотрел на нее волком.

По сюжету героиня Алисы должна бежать навстречу Денису, раскидывая в стороны руки. На лице — улыбка, в глазах — блеск, в каждом движении — страсть. Потом героиня падает в объятия героя, следует крупный план, и камера фиксирует поцелуй.

Но изначально все пошло наперекосяк. Перед самым началом съемок выяснилось, что туфли героини оказались на два размера меньше. У Алиски тридцать седьмой размер, а туфли оказались тридцать пятого. О комфорте речи не шло. Боясь вызвать гнев режиссера и съемочной группы, Алиса не стала устраивать истерик, даже не заикнулась, что обувь мала. Глубоко вздохнув, она мужественно сунула ноги в кожаные тиски и, стараясь не застонать от боли, выдавила на лице жалкое подобие улыбки.

— Алиса, улыбайся шире, — требовал коротышка режиссер. — Шире!

— Ага, — кивала та.

— Не ага, а изобрази на лице неопишущую радость. Я хочу видеть голливудский шик, а не мученическую маску.

Алиса улыбнулась.

— Уже лучше, но все равно не дотягивает. Старайся!

Алиса сделала шаг и чуть не вскрикнула. Какая тут радость, если она едва на ногах держится. Не свалиться бы.

На этом неприятности не кончились. Чуть погодя, расхивившись и почти привыкнув к острой боли в ногах, Алиса столкнулась с новой проблемой. Шляпка, в которой ей предстояло бежать навстречу герою, имела отвратительный характер и вообще оказалась жуткой врединой. Она наотрез отказывалась сидеть на голове героини. Выкидывая различные фортели, светлая шляпка сползала то назад, то вперед, и в итоге, не придумав ничего лучше, свалилась на асфальт, запятнав свой чистый облик дорожной пылью.

Стилист Максим, заявив на полном серьезе, что у Алисы нестандартная голова, предложил закрепить шляпку скотчем.

— Может, дело все-таки в ней, а не в моей голове? — несмело поинтересовалась Алиса, пытаясь мысленно представить голову стандартного размера.

Интересно, как должна выглядеть стандартная голова? До этого момента ей казалось, что у всех девушек ее возраста головы более-менее одинаковые, разумеется, если не брать в расчет количество извилин. Но нет, выходит, она ошибалась.

— Шляпа в полном порядке, — стоял на своем Максим. — Дело в тебе!

— Не думаю.

— А я почти уверен.

— Максим, ее кто-нибудь носил до меня?

— Нет.

— Тогда подойди сюда.

— Зачем?

— Подойди, не бойся, я тебя не укушу.

Максим пожал плечами.

— Ну подошел, дальше что?

— А дальше я хочу провести маленький эксперимент, — Алиса взяла из рук стилиста вредоносную шляпку и нахлобучила ее ему на голову.

— Ты чего творишь? Прекрати немедленно!

— Ну как, удобно тебе в ней?

Максим не успел ответить, шляпа съехала ему на глаза.

— Черт!

— Вот именно, — засмеялась Алиса. — Значит, у тебя тоже нестандартная голова. И вообще, по-моему, эту шляпу пытались натянуть на волейбольный мяч.

— Принесите скотч! — завопил Макс. — Будем клеить.

— Ой.

— Не ойкай, другого выхода нет. Присобачим эту чертовку намертво.

— Желательно, чтобы потом я смогла снять ее без своего скальпа.

— А это как получится, — хмыкнул Максим. — Люди, где там скотч, сколько можно ждать?!

Последующие десять минут Алиса стойчески выдерживала пытку, слушая ругательства Максима и охи-ахи его помощницы, крутившейся рядом.

А когда началась съемка, я незаметно подошел к креслу режиссера. Пристальный взгляд коротышки был устремлен в монитор. После команды *«Мотор! Начали!»* Алиса побежала навстречу «любимому». Я напрягся.

Вскоре Денис обнял Алису за талию (как-то уж слишком нежно обнял), притянул к себе, хотел поцеловать, но я не выдержал. Взорвался.

— Ты чего делаешь? — я приблизился к удивленному Денису и рассерженной Алиске.

Режиссер остановил съемку.

— Стоп! Эй, ты, в чем дело?

Но я его не слышал. Толкнув Дениса в плечо, с расстановкой проговорил:

— Между прочим, я читал сценарий. Там ясно сказано, ты должен обнять героиню. Обнять, а не задушить.

— Глеб, ради бога, — взмолилась Алиса.

— У тебя проблемы? — спросил Денис.

— Проблемы будут у тебя, если еще раз прижмешь Алиску крепче, чем того требует сценарий.

— И что ты мне сделаешь?

— Увидишь.

— Глеб, — Алиса топнула ногой и сразу пожалела о содеянном. Нога отозвалась болью.

— Убрать посторонних с площадки! — заорал режиссер.

В мою сторону сразу ринулись три человека: два мужика и тетка с хлопушкой. На секунду мне сделалось смешно, почему-то представилось, как эта полная дама со всей силы бьет меня по голове хлопушкой и кричит: «Сцена вторая. Дубль первый».

— Андрей Евгеньевич, — обратилась Алиса к режиссеру. — Простите. Я сейчас все улажу.

— Что ты уладишь? Он срывает нам съемку! У нас нет времени на разборки! Время — деньги, помни об этом.

— Пять минут, прошу вас.

Скрипя зубами, режиссер крикнул:

— Перерыв десять минут!

Проклиная тесные туфли, Алиса отвела меня в сторону.

— Хочешь лишить меня работы?

— Я не сдержался.

— Ты испортил дубль, ты прервал съемку.

— Он обнимал тебя слишком крепко.

— Каждый шаг дается мне с трудом, я идти не могу, а приходится бегать. Ты... ты вредитель, Глеб!

— Но Денис...

— Что Денис? Денис в данном случае — актер, а я — актриса. Не устраивай детский сад.

Через минуту меня позвал режиссер. Не знаю, кто успел ему доложить, что я внук Дианы, но теперь Андрей Евгеньевич разговаривал со мной по-другому. Более спокойно и терпимо.

— Диана действительно твоя бабушка?

— Да.

— Хм, не думал, что у нее такой взрослый внук. Как времечко летит. Я ведь помню тебя совсем карапузом.

— Мы знакомы?

— Получается, что знакомы. Тринадцать лет назад Диана снималась в моем фильме, в то время я часто бывал у нее дома. В один из приездов и познакомился с тобой. Родители сбагрили тебя к ней на целый день, а она ждала гостей. Намучились тогда все: неутомонный ты был — бегал, прыгал, разве что не летал. То на спинку дивана влезешь, то в шкаф заберешься. Года два тебе было.

Мне стало стыдно за свое поведение.

— Такие вот пироги, Глеб. Видишь, где встретились. А ты не изменился, такой же шустрый, съемку мне запороть умудрился.

— Не сердитесь, просто мне показалось, ваш Денис... Алиску он обнимал слишком не киношному.

— Ревнуешь, братец?

— Ничего подобного.

— Да-да, рассказывай, — Андрей Евгеньевич потрепал меня по волосам. — Во как глаза горят. Встречаетесь с Алисой?

— Ну да.

— Ну да, — передразнил режиссер. — Вот что я тебе скажу, Глеб. Смотри на все проще, не заморачивайся зря, учись отличать зерна от плевел. Понимаешь меня?

— Больше не повторится.

— Надеюсь. А теперь, мне пора работать. Диане привет.

— Передам, — пообещал я, отойдя в сторону.

Целых три дубля я делал вид, что ничего не вижу, ничего не замечаю. Сидел на скамейке и учился, по совету режиссера, отличать зерна от плевел. Но во время съемок четвертого дубля здравый смысл дал сбой.

— Остановите съемку! — закричал я.

Алиса вжала голову в плечи. Денис хмыкнул. А я, подбежав к нему, заехал кулаком по скуле.

— Я тебя предупреждал!

Не ожидавший налета Денис покачнулся и, потеряв равновесие, упал.

Алиска схватила меня за руку.

— Ты в своем уме?!

— Он целовал тебя по-настоящему. Почему ты не сопротивлялась?

— Уберите его! — кричал режиссер. — Олег, Сергей, действуйте.

Тем временем Денис вскочил на ноги, намереваясь дать мне сдачи.

Завязалась потасовка. Неизвестные мне Олег и Сергей растащили нас в разные стороны, Андрей Евгеньевич попросил Алису поговорить со мной.

— Заставь его уехать, в противном случае я прекращу съемку и мы найдем тебе замену. А у твоего Глеба возникнут проблемы.

— Уезжай! — прогрохотала Алиса, не глядя мне в глаза. — Ты зря приехал.

— Алис...

— Уезжай! — повторила она.

— И позволить, чтобы он опять тебя целовал?

— Мы не целовались! Тебе это известно.

— Да все он понимает, — гаркнул Денис, — просто хочет сорвать нам съемку.

— Я никуда не уеду!

— Уедешь. Или больше никогда меня не увидишь.

Я опешил.

— Алис, ты чего говоришь, ты серьезно?

— Серьезно, Глеб! Решай: или ты даешь нам спокойно работать и задвигаешь подальше свою ревность, или...

— Не продолжай, — я резко развернулся и направился к выходу из парка. — Ты права, мне лучше уехать.

— А как быть со мной? — вопрошал Денис. — Он мне губу разбил, я не смогу сниматься в таком виде.

— Ерунда, — махнул рукой режиссер, — гример все исправит. А сейчас перерыв двадцать минут.

— Ему лечиться надо, — зло сказал Денис Алисе. — Намекни своему борзому приятелю, чтобы на досуге сходил к врачу.

Ничего не ответив, Алиса потопала к скамейке. Ноги гудели, голова раскалывалась, в глазах стояли слезы. Сейчас бы скинуть туфли и расслабиться, но были опасения, что потом она просто-напросто не втиснет в них ноги. Придется ждать окончания съемок.

Рядом на скамейку села высокая худощавая женщина пенсионного возраста. Посмотрев с любопытством на Алису, она сказала:

— Хочешь, я тебе погадаю?

До Алисы не сразу дошел смысл сказанного.

— Нет, — запоздало ответила она, — спасибо, не стоит.

— Почему ты отказываешься?

— Я не верю в гадания.

— А в настоящую любовь веришь? Можешь не отвечать, по глазам вижу, веришь. Я могу сказать, что ждет тебя впереди. Скажу чистую правду. Дай мне свою руку.

— Нет, — мотнула головой Алиса.

Женщина слабо улыбнулась и несколько разочаровано произнесла:

— Как знаешь. Я всего лишь хотела тебе помочь.

— Мне не нужна помощь.

— Ты в этом уверена? Мне кажется, тебе сейчас необходимо услышать главные слова. И я могу их сказать.

— Заведомую ложь?

— Зачем ты так, — женщина пододвинулась ближе к Алисе, взяла ее ладонь и, не встретив сопротивления, сказала: — Твоя жизнь сложится удачно, ты доживешь до глубокой старости. А рядом будет он.

— Кто?!

— Все зависит от тебя самой. Прислушивайся только к себе, внутренний голос — лучший советчик. Он подскажет правильное решение.

«Называется, погадала, — подумала Алиса, — две общие фразы сказала торжественным голосом, вот и все гадание. Он, она, внутренний голос... Умеют же эти гадалки мозги запудрить».

— Мы начинаем, — крикнул режиссер.

Алиса встала со скамьи.

— Скажите...

— Ни о чем больше меня не спрашивай, — прошептала женщина. — Удачи тебе! Ах да, совсем забыла сказать, назови его Шансом.

— Кого?

— Алиса, сколько тебя еще ждать?

— Уже иду, — метров через пятнадцать Алиса обернулась, но скамья была пуста. Она так и не увидела, в какую сторону пошла странная

незнакомка, но после разговора с ней на душе остался неприятный осадок.

...Домой Алиса приехала в девять вечера. Не успев пройти в ванную, услышала звонок в коридоре.

Я несмело топтался на пороге.

— Привет, Алиска.

— Ну привет.

— Как ты?

— Разваливаюсь на части.

— Как прошли съемки?

— Не поверишь, но после того, как ты уехал, все пошло замечательно.

— Алис, я правда не хотел.

— Не хотел, но сделал. Глеб, мне было очень стыдно. Ты взрослый человек, а вел себя хуже ребенка.

— Буду вымаливать у тебя прощения до посинения.

— Не надо до посинения, — Алиса отвернулась. — Ты уже прощен.

Из комнаты вышла Елена Аркадьевна — мама Алисы.

— Что за привычка стоять в дверях? — спросила она. — В квартире вам места мало? Закрывайте дверь.

— Подождите, у меня для вас сюрприз, — я вышел на лестничную площадку и вернулся, держа в руках круглую корзину.

— А что внутри? — запрыгала вокруг меня младшая сестра Алисы Дашка.

— Подарок.

— Мне?

— Скорее, вам всем.

— Покажи, Глеб, покажи!

— Действительно, не интригуй, показывай.

Я поставил корзину на пол, открыл крышку и вытащил оттуда пушистый черный комочек.

— А вот и он, сюрприз!

— Ура-а-а!..

— Дашка, не ори.

— Ура-а-а! — продолжала кричать Дашка.

— Какая прелесть! — Алиса взяла котенка и поднесла его к лицу. — Глазки голубенькие. А носик! И белое пятнышко на грудке.

— Теперь у нас кошка, — веселилась Дашка. — У нас кошка! Алис, дай поддержать.

— Подожди.

— Алис, ну дай хотя бы погладить. Мам, пусть даст погладить. Ура, кошка!

— Мам, тебе нравится? — спросила Алиса.

— Котенок как котенок. А вообще, Глеб, вроде как не принято дарить животных, заранее не поинтересовавшись у хозяев, готовы они за ними ухаживать или нет.

Увидев мое вытянутое лицо, Елена Аркадьевна засмеялась.

— Но мы с девочками страстные кошатницы. Ты как знал.

— Значит, оставляем? — обрадовалась Дашка.

- Оставляем.
- Я назову его Шансом, — сказала Алиса.
- Почему Шансом?
- А почему бы и нет?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Заброшенный завод

В понедельник на физре ко мне подошел Миха Колесов.

— Глеб, тебе звонит кто-то, телефон разрывается.

Бросив мяч Димону, я пошел в раздевалку. Так и есть, семь пропущенных вызовов от Геннадия. Набрать ему не успел, раздался очередной звонок.

— Глеб, почему трубку не снимаешь?

— Вообще-то сейчас начало одиннадцатого, я в школе.

— Ты просил позвонить в понедельник. Я звоню-звоню... Сможешь сейчас ко мне приехать?

— После уроков никак нельзя?

— Глеб, я и так ждал четыре дня. Отпросись с уроков, на худой конец сбеги с них.

В раздевалку зашел Димон.

— Дай мне ручку и бумагу, — сказал я ему. — Ген, говори адрес, я записываю.

Пообещав Дронову быть у него максимум через час, я начал переодеваться. Димон хотел поехать со мной, я отказался.

— Наверняка ничего срочного, ехать вдвоем нет смысла.

— Тогда хоть сразу отзвонись. Если что, подъеду.

— Отмажь меня на уроках, скажи, что голова заболелась или к стоматологу записан.

— Не вопрос.

Гена жил в старом пятиэтажном доме на втором этаже. Пропустив меня в свою крохотную двухкомнатную квартирку, он, заметно прихрамывая, потопал в большую комнату.

— Что с ногой?

— Растяжение.

— Где умудрился? Хотя с твоим везением, точнее, невезением... — я не смог сдержать улыбку.

— Издевайся-издевайся, когда услышишь, что мне удалось узнать, охота ехидничать сразу испарится.

В большой комнате царил грандиозный кавардак. Впечатление такое, будто в квартире побывали грабители: все вверх дном.

— Не хилый у тебя разгромчик.

— Иначе нельзя, — серьезно ответил Гена, усаживаясь в старенькое продавленное кресло. — Как только порядок наведу, ничего не могу отыскать. А так все на виду. Садись на диван и слушай.

Переложив на пол несколько толстых книг, я сел на край скрипучего дивана.

— Расклад такой, — деловитым тоном начал Генка. — В тот день у меня было странное предчувствие.

— О каком дне ты говоришь?

— Вспомни загородный дом, — прошептал Геннадий.

Я напрягся.

— Он сгорел, — прошептал секунду спустя я одними губами.

— Как сгорел?!

— Скорее всего, сгорел, — поправился я. — Ты же не в курсе... Короче, Ген, после того, как ты уехал, нас с Димоном застукал бритоголовый бугай.

Пересказав Геннадию о наших злоключениях, я развел руками.

— Теперь понимаешь, почему мне не хотелось ни с кем разговаривать. Это был шок.

Переварив услышанное, Гена сказал:

— А между тем, предполагаемый похититель Вадима в доме не остался.

— По всей видимости, Борис, так к нему обращался хозяин дома, успел уехать еще до появления старика с головорезами.

— Ты прав. Я же говорю, у меня было странное предчувствие. Я сел в машину и никак не мог заставить себя включить зажигание. Сидел и ждал. А чего ждал, сам не понимал. Потом увидел белую машину, сразу сообразил, что в ней тот самый кашляющий гость. Глеб, я сел ему на хвост.

— Удачно?

— Поначалу да.

— То есть?

— Из области Борис поехал на кладбище. У входа купил букетик искусственных цветов, небольшой венок и положил все это на могилу.

— Чью?

— Не могу сказать, я держался на значительном расстоянии. Время близилось к закрытию кладбища, Борис простоял у могилы минут пять, я за деревом прятался. Когда он закрыл ограду, сразу за ним ломанулся. Временем подойти к могиле я не располагал, существовала большая вероятность, что упущу Бориса из виду.

— Ген, удалось выяснить, где он живет?

— Ты забегаешь вперед. С кладбища Борис порулил в супермаркет, купил там еды, — Геннадий прервался и ткнул пальцем в сторону заваленного бумагами и книгами стола. — Встань и возьми на столе чек. Увидишь список продуктов.

— Откуда у тебя его чек?

— Я стоял за ним в очереди в кассу. Рассчитавшись с кассиром, Борис побросал продукты в пакет, а чек не взял. Зато его прихватил я.

— Три булки, батон белого хлеба, нарезка, оливки, бутылка водки... Оригинальный список.

— Список ничто в сравнении с тем, что было дальше.

Я снова уселся на край дивана, оставив чек на столе.

— Борис опять поехал в область, только уже не по Можайскому шоссе, а по Горьковскому.

— Это ж в другой стороне.

— Вот именно. А у меня, как назло, бензин почти на нуле.

— И ты проморгал Бориса, — разочарованно протянул я.

— Недооцениваешь ты меня, Глеб. И мою ласточку недооцениваешь. Все у нас чин-чином получилось. Борис прибыл на заброшенный то ли завод, то ли стройку, я не разобрал. Темно уже было, а зрение у меня в темноте неважнецкое.

— Что он там делал?

— Взял из машины пакет с продуктами и в зазор между бетонными плитами пролез. Лезть за ним я не решился, пришлось ждать, когда он обратно выйдет. Минут пятнадцать, наверное, прошло. Смотрю, появился. Думаю, теперь точно домой рванет, и если удастся выяснить, где живет, считай, нам крупно повезло.

— Не тяни.

Гена опустил голову.

— На этом удача от меня отвернулась. И так нелепо все получилось. Борис успел на светофоре проскочить, а я нет — красный свет загорелся. Обидно.

— Обидно, — согласился я.

— Вернувшись, я хотел обследовать место, куда Борис привез продукты. Ясно же, продукты предназначались для кого-то.

— Само собой.

— Ну, пролез в лаз, иду, значит, вперед, а тут металлическая скоба из земли торчит. Упал я.

Как до машины добрался, не помню. Боль адская была.

— Может, все-таки у тебя перелом?

— Нет, я оттуда сразу в травмпункт поехал. Сказали, сильное растяжение. Но это не столь важно, меня куда больше волнует заброшенный завод. Съездить бы нам туда надо, Глеб?

— Я не против.

— Предлагаю отправиться прямо сейчас.

— Сейчас? А как нога, не подведет?

— Нога почти не болит, справлюсь.

...В машине Гена предположил, что на заводе могут держать Вадима.

— Все сходится: заброшенное место, визит Бориса с продуктами.

— А как объяснить наличие водки?

— Водка предназначалась тому, кто караулит Вадима.

Я задумался.

— А почему именно завод, а не съемная квартира?

— Один раз с квартирой вышел облом, решили больше не рисковать.

— Сомнительно, Ген.

— Говорю тебе, Вадим Дюмериль находится на заброшенном заводе. Другие варианты я не рассматриваю.

— В таком случае мы не должны бросаться с места в карьер. Если Вадима действительно держат в заложниках на заводе, нам надо хорошенько

все обмозговать и подготовиться, а уже потом мчаться в область. Что мы сейчас будем там делать? Подумай.

— Осмотримся.

— Если только осмотримся, — сказал я. — И желательно близко к заводу не подходить, чтобы нас никто не заметил.

Но стоило нам оказаться у железобетонного забора, как меня обуяло неудержимое желание пройти на территорию.

Пройдя метров пятьдесят вдоль забора, мы увидели поваленную на землю железобетонную плиту. Я сделал несколько шагов, встал на плиту и услышал за спиной сильный голос:

— Не совались бы вы туда.

Лысеющий бородатый мужичек с объемной сумкой, в которой позвякивали пустые бутылки, изучал нас любопытным взглядом.

— Вы кто? — испуганно спросил Гена.

— Иван я. А это Зойка, — мужичек обернулся и закричал: — Зойка! Зойка, ко мне!

Лохматая беспородная собака с обрубленным хвостом примчалась на зов хозяина.

— Вот и Зойка.

Я сошел с плиты.

— Почему вы советуете не заходить на завод?

— А вас, я извиняюсь, за каким хреном туда тянет?

— Я первый спросил!

Иван как-то хитренько засмеялся и поставил сумку на землю. Зойка завиляла обрубленным

хвостом, негромко гавкнула и помчалась вдоль забора.

— Я здесь жил до недавнего времени, — ответил Иван. — Да, жил, — повторил он, заметив наше удивление. — Бомж я. А заводик вроде как пристанище. Нас тут семеро гужевалось. Зойка восьмая.

— Мы не собираемся занимать вашу территорию, нам необходимо кое-что выяснить, — зататорил Гена. — Выясним и уедем.

— Не понял ты меня. Мне жалко, что ли. Тут в другом дело. Дней десять назад нас с завода турнули.

— Кто?

— Заявились два мордоворота и прямым текстом сказали, мол, валите отсюда, если жить охота. Валька с Михеем возникать стали, они податые всегда на рожон лезут, характер такой. А один мордоворот Михея за шкирман взял, к стенке припечатал и пистолет достал. К виску дуло приставил и смеется. Что, говорит, сразу тебя пристрелить или до десяти досчитать? Михей онемел от страха, а Валька в ноги кинулась, заревела. Короче, нам сказали, чтобы больше мы на завод ни ногой. Ушли, — злобно протянул Иван. — Жизнь дороже. Хоть и жизнью это не назовешь, а умирать все равно не хочется.

— А сейчас вы здесь что делаете?

— Жду, когда завод освободится. Идти некуда. Другие на вокзал подались, а нам с Зойкой там светиться нельзя. Ходим-бродим поблизости,

поглядываем издалека. Мордовороты-то за-летные, им завод недели на две понадобился, я сразу понял — разборки тут устраивать будут. Или пришить кого-нибудь собираются. Такое сплошь и рядом. Место уж очень удобное, считай, безлюдное.

— Удалось вам что-нибудь интересное увидеть? — спросил я у Ивана.

— Один из мордоворотов иногда приезжал сюда с пакетом. Три раза я его замечал. Последний раз вчера видел. Без пакета примчался, внутрь забежал, а минут через пять оба выскочили. В машину запрыгнули и по газам.

— Значит, сейчас на заводе никого нет?

— Как вам сказать... — замялся Иван.

— Скажите, как есть.

— Вроде нет никого, а с другой стороны вроде есть.

— Вы неуверенны?

Иван подошел ко мне почти вплотную и прошептал:

— Когда они вчера вечером уехали, я сразу не решился внутрь зайти, на улице с Зойкой ночевали. А утром не выдержал. Не зря мордовороты так спешили, стало быть, с концами уехали.

— Так вы заходили внутрь или нет?

— Заходил. Но лучше бы здесь остался. Все равно житья мне там в ближайшее время не будет. Не дадут. Рано или поздно полиция

пронюхает, наводнит здесь все, шороху наведет. А нам с Зойкой светиться нельзя.

— Иван, о чем должна пронюхать полиция?

— О покойнице, — нехотя ответил бомж.

Мы с Геной переглянулись.

— Она там, — Иван кивнул на завод. — На втором этаже... недалеко от первого цеха... в каморке лежит. Сам видел. Поднялся, гляжу, на перевернутом ящике газетка постелена, бутылка водки недопитая стоит. Хлеб, колбаски чуток...

— Плевать на еду, говорите про покойницу.

— А девка на раскладушке развалилась. Бледная, как смерть. Руки за спиной связаны, на глазах повязка. Сначала показалось, спит, потолкал ее — не шевелится. Тут я и сообразил — что мордороты девку прибили. Недаром нас с завода погнали. Сволочи!

Перестав слушать Ивана, я помчался вперед. Геннадий пытался меня остановить, но я продолжал бежать.

А когда оказался в захламленном цеху и увидел проржавевшую лестницу на второй этаж, услышал за спиной тяжелое дыхание и дрожащий голос Дронова.

— Куда ты так понесся, Глеб?! Нечего нам тут делать. Слышал, что бомж сказал? Здесь покойница. Произошло убийство! Уезжать надо и как можно скорее.

— Уезжай, — крикнул я. — Но без меня.

— Глеб, остановись.

Я подошел к лестнице.

— Глеб, выслушай меня.

— Говори.

— Ты не знаешь, во что ввязываешься. Мне хорошо известно, как работает полиция, если мы сейчас же не уедем, нас запросто могут обвинить...

— В чем?

— А то ты сам не догадываешься.

— Испугался?

— Да, я боюсь.

— А ты не бойся, — я схватился за поручень и начал подниматься по лестнице.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Оксана

На полу валялись осколки стекла, шурупы, гвозди, гайки, проволока. Делаешь шаг, а под ногами неприятно поскрипывает стекло. Прямо мурашки по спине.

Никаких дверей, никаких коридоров — огромное помещение с пустыми дверными проемами. Нерабочие станки, раскуроченная техника; что-то было разобрано, что-то распилено.

Вдоль всего помещения — я так понимаю, это и был цех — тянулась изнизанная заклепками огромная труба. В диаметре метров пять, не меньше. К ней была пристроена лестница с козырьком, типа смотровой площадки.

В конце помещения несколько более тонких соединительных труб изгибались самым замысловатым образом.

Под потолком, он был скован металлической паутиной стальных балок и обернутых фольгой труб, раздавался настойчивый писк.

— Это крысы, — прошептал Геннадий, потянув меня за рукав.

— Не обращай внимания.

— Иногда крысы нападают на людей. Глеб, давай уйдем.

— Ты помнишь свой первый визит к нам домой?

— Помню.

— А помнишь, как просился в напарники? Называл себя профессионалом, обещал во всем помогать, просил, тебе не отказывать.

— К чему ты завел этот разговор?

— А к тому: тогда ты бил себя кулаком в грудь, а теперь пытаешься улигнуть в кусты. И меня за собой тащишь.

— Но покойница, Глеб. Не надо путать божий дар с яичницей.

Поблизости что-то звякнуло, Геннадий отскочил в сторону и вскрикнул:

— Моя нога!

Я пошел на шум.

Распахнутую дверь я увидел под самой трубой в конце помещения. Чтобы до нее добраться, пришлось обогнуть огороженный решеткой блок со множеством проводов и рычагов, перепрыгнуть через длинную напоминавшую шпалу панель, а потом, пригнувшись, пройти под трубой.

Шум повторился. На этот раз я услышал стон.

— Там кто-то есть.

— Покойница, — напомнил Геннадий, зажимая нос рукой.

В небольшую каморку, ту самую, о которой рассказал Иван, я вбежал с чувством нарастающей

тревоги. Первое, что увидел, был перевернутый ящик и пустая бутылка водки. Слева — небольшое оконце с замутненным стеклом, под ним школьная парта, стул с продавленным сиденьем и маленький холодильник без дверцы.

Справа — раскладушка, а на ней... девушка. Не покойница. Живая!

Она лежала на боку, руки связаны за спиной капроновой веревкой, на глазах черная повязка. Одна нога привязана к вмонтированной в стену установке с решетчатым экраном.

Я подбежал к девушке и сорвал с лица повязку.

— Ген, развяжи ей ногу. Быстро! Чего ты стоишь?

— Иван сказал, она мертва.

— Дурак твой Иван, показалось ему. Видишь же, живая.

Девушка смотрела на меня вытаращенными от ужаса глазами, продолжая стонать.

— Мы тебе поможем, — сказал я. — Потерпи. Ген, быстрее!

— Узел крепкий, не получается.

Когда я развязал девушке руки, а Генке удалось справиться с узлом, затянутым на ее ноге, в цеху раздался грохот.

Я машинально пригнул голову. Гена подполз ко мне и прошептал, что мы попали.

— Не было покойников, теперь будет сразу три.

— Заткнись!

Девушка застонала громче.

— Тихо!

Она меня не слушала.

— Не стони. Нас же услышат.

— Бесполезно, Глеб. Посмотри на нее, она ничего не соображает.

И действительно, взгляд девушки был настолько потерян и чужд, что она больше напоминала не живого человека, а большую куклу со стеклянными глазами.

Приложив к губам палец, я подошел к двери и выглянул в щель. Никого там не увидел, кроме парочки толстых крыс носящихся друг за другом по пыльному полу.

— Ложная тревога, — сказал я Геннадию. — Крысы шумели.

Мы посадили девушку на раскладушке, но она сразу же начала заваливаться назад. Если бы я не схватил ее за руку, наверняка, ударилась бы головой о стену.

— Ген, посмотри на ее руку.

— Что там?

— Могу ошибаться, но похоже на следы от укусов.

Генка прищурился.

— Точно, следы от укусов.

— Ей кололи наркотик, поэтому она и не в адеквате.

— Эй, — Гена провел ладонью перед глазами девушки. — Ты меня слышишь? Разговаривать можешь?

— Бесполезно. Не реагирует. В больницу ее надо, я «скорую» вызову.

— Глеб, не вздумай. Какая «скорая», хочешь себе яму вырыть?

— Ей необходима помощь.

— Окажем помощь сами. Давай-ка, пока сюда никто не вернулся, берем ее под руки и ведем к машине.

— А потом?

— Отвезем к вам домой. Если все дело в наркотических средствах, а судя по следам от уколов, дело в них, она скоро должна очухаться.

— Думаешь?

— Когда здесь был Иван, она не шевелилась, теперь ожила, застонала. К вечеру окончательно придет в норму.

— Почему ты против «скорой»?

— Они первым делом свяжутся с полицией. Отмазаться нам не удастся. Что ты ответишь, когда спросят, каким ветром тебя занесло на заброшенный завод? Скажешь правду про расследование, про похищение Вадима, про убийство в загородном доме?

— Не части.

— И ты, и я прекрасно знаем: правду полиции ты не расскажешь. Значит, придется врать. Расколоть нас им труда не составит. И тогда, как говорят, суши сухари, Глеб. Повесят на тебя всех собак, доказывай потом, что ты не верблюд. По-твоему, почему Иван не вызвал полицию, ты не задумывался об этом?

— Равнодушие.

— Не обманывай себя, дело не в равнодушии.

Просто ему не нужны лишние проблемы.

Девушка отключилась. Я похлопал ее по щекам. Ноль эмоций.

— Придется не вести, а нести на руках.

— С моей ногой не хватает только поднимать тяжести.

— А ты аккуратней.

Поднять девушку с раскладушки удалось без особых проблем, но нести ее долго у нас не получалось. Гена постоянно останавливался для коротких передышек. В одну из таких передышек меня вдруг осенило.

— Она не может быть наркоманкой?

— Вряд ли.

— Цвет лица мне не нравится.

— А сколько времени она здесь пробыла? Минимум неделю. Почти в темноте, да еще обколотая.

— Похищение?

— Похоже на то.

— Странное место выбрали для такой цели.

— Место идеальное. Не прикопаешься. Во всяком случае, намного лучше и безопасней съемной квартиры, где держали Вадима.

При упоминании Вадима у меня екнуло сердце. Неужели его тоже держат на какой-нибудь заброшенной стройке среди хлама и полчища крыс? Чуть погодя, когда мы уже спустились вниз по ржавой лестнице, я вздрогнул от другой, более

кровожадной мысли. Жив ли Вадим Дюмериль?

— Глеб, у нее на пальце колечко золотое, — сказал Гена, едва мы уложили девушку на заднее сиденье его жигулей. — С камнем. Это лишний раз подтверждает версию о похищении. Они не сняли с нее кольцо. Почему? Потому что до ценностей им не было дела, преступники преследовали иные цели.

— Ген, может, все-таки рискнем и отвезем в больницу?

— Нельзя, Глеб. Я бы с удовольствием, но последствия могут быть плачевными. Так уж сложилось, что у нас в первую очередь подозрения падают на тех, кто сообщает в полицию о несчастных случаях. Обидно, но от правды никуда не денешься. Хочешь историю? Года полтора назад мой приятель позвонил в полицию с сообщением, что квартира его соседей открыта. Приехали. Так и есть — кража со взломом. И что ты думаешь? Его три месяца мариновали, все пытались крайним сделать. Нет, Глеб, думай обо мне, что хочешь, а в больницу я девчонку не повезу.

Словно почувствовав, что говорят о ней, девушка открыла глаза и позвала маму.

— О! Уже заговорила, в себя приходит.

Я обернулся, поймал ее безумный взгляд (он до сих пор казался мне стеклянным) и улыбнулся.

— Ты в безопасности.

— Ма-ма, — простонала девушка и взмахнула руками.

— Ген, притормози, я пересяду на заднее сиденье.

— Зачем?

— У нее истерика вот-вот начнется.

— Не преувеличивай.

— Мама! — заорала девушка, порываясь подняться.

— Останови машину!

Притормозив на обочине, Геннадий начал опасно озираться по сторонам.

— В темпе пересаживайся и держи ее, если бузить начнет.

Истерика у девушки не началась, она громко звала мать, вытягивала руки и всхлипывала.

— Почти приехали, — говорил я ей, стараясь отыскать в безучастном взгляде хоть толику понимания.

— Пить, — внезапно проговорила девушка.

— Ген, у тебя есть вода?

— Нет.

— Пить.

— Потерпи. Осталось недолго, — я взял девушку за руку и слегка сжал ее холодную ладонь.

И вдруг почувствовал, как в ответ она сжала мою ладонь.

— Ты меня слышишь? — обрадовался я.

Глаза по-прежнему неживые, а ладонь сжалась.

— Слышит! Ген, прибавь скорость.

...Дома мы уложили девушку на диване в гостиной, и Люська сразу принесла из кухни стакан воды.

Пила незнакомка жадно. Припав потрескавшимся губами к стакану, она вцепилась в него мертвой хваткой. А когда стакан опустел, простонала:

— Пить.

— Люсь, еще воды.

Выпив два с половиной стакана, девушка откинула голову на подушку и закрыла глаза.

— Пусть поспит, — сказал Геннадий. — Жажда утолила, теперь пусть спит.

— Почему вы не отвезли ее в больницу, Глеб?

— У него спроси.

Минут десять Геннадий доказывал Люське, что поступил правильно. Люська с ним не соглашалась.

— А если она умрет у нас дома?

— Типун тебе на язык!

— Неизвестно, что ей кололи, в каких дозах и как долго, — Люська посмотрела на руку незнакомки и насчитала пять следов от иглы. — Ей нужна медицинская помощь, а не сон.

— Я не сплю, — слабо прошептала девушка, не открывая глаз.

Люська села на пол и легонько тронула ее за плечо.

— Как тебя зовут?

Молчание.

— Опять отрубилась.

— Я вас слышу, — раздался голосок, и девушка открыла глаза.

— Как тебя зовут? — повторила Люська.

— Оксана.

— А как ты оказалась на заброшенном заводе?

Оксана повернула голову, посмотрела на меня и всхлипнула.

— Не помню... не знаю... Меня затолкали в машину, завязали глаза...

— Где ты живешь?

— Я хочу пить.

— Ген, вода на кухне. Принеси. Оксана, ты помнишь свой домашний адрес?

— Я выходила из института, — говорила Оксана, не слыша Люську. — Меня окрикнули, я обернулась, а там...

— Кто там был?

— Человек.

— Ты его узнала?

— Нет. Он мне не знаком. Я... я хочу пить.

— Вот вода.

Привстав, Оксана сделал несколько глотков и легла.

— Что было дальше? — допытывался Гена.

— Голова кружится.

— У тебя что-нибудь болит?

— Кружится голова и сильная слабость.

Через минуту Оксана уснула.

— Похитили прямо из института, — задумчиво сказала Люська, когда мы, оставив Оксану в

гостиной, переместились на кухню. — Так ведь ее наверняка ищут, ребята.

— Разумеется, ищут.

— Глеб, включи комп, надо посмотреть в инете.

— Пусто, — сказал я, вернувшись на кухню минут через десять.

— Быть такого не может.

— Иди, сама убедись.

Люська терзала мой ноут в течение полчаса.

— Слушайте, а может, Оксана не москвичка? Ее могли привезти на завод откуда угодно.

— Теоретически, да, — согласился Гена.

В девять вечера Оксана смогла самостоятельно сесть на диване. Тогда мы и узнали, что она коренная москвичка и похитили ее не откуда-нибудь, а почти из самого центра города. Также Оксана рассказала об отце бизнесмене, матери домохозяйке и младшей сестре-школьнице.

Люська протянула ей телефон.

— Звони домой.

Геннадий вжал голову в плечи.

— Что сейчас начнется — страшно представить. К вам не только родители Оксаны примчатся, вашу квартиру наводнит полиция.

— Мы готовы пойти на такой риск, — Люська посмотрела на меня. — Я права, Глеб?

— Готовы, — кивнул я.

Набрав домашний номер, Оксана закричала в трубку:

— Мама! Мамочка!

Это было единственное, что ей удалось крикнуть. От переизбытка чувств и волнения Оксана потеряла сознание.

С ее матерью пришлось разговаривать мне. Разговор получился сумбурным и невнятным. Женщина на том конце требовала назвать адрес, срывалась на крик, стонала и через слово повторяла «*Боже мой! Оксана! Оксаночка!*».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Бизнес — штука опасная

Родители Оксаны приехали к нам быстро, пожалуй, даже слишком быстро.

— Где моя дочь?! — закричала с порога курносая женщина.

— В комнате.

— Оксана!

— Подожди, Наташа, — отец Оксаны, высокий мужчина с седеющими висками, попытался взять жену за руку, но та, вывернувшись, бросилась в гостиную.

Пришедшая в себя после обморока Оксана (не обошлось без ваты, пропитанной нашатырным спиртом) при виде матери разрыдалась. Заплакала и Наталья Федоровна. Анатолий Анатольевич, застыв в дверях, растерянно смотрел на дочь. Мне показалось, он до конца не мог поверить, не мог осознать, что Оксана жива и здорова.

Мать и дочь обнялись, чуть погодя к ним присоединился отец.

— Оксана! — всхлипывала Наталья Федоровна.

— Оксанка! — шептал Анатолий Анатольевич.

— Глеб, я сейчас тоже заплачу, — прошептала Люська.

— Оксана, у тебя ничего не болит?

— Нет, мама.

— Тебя не били? Кормили? Давали пить?

— Было страшно, — Оксана обнимала родителей, а глаза ее начинали слипаться.

— У вашей дочери на глазах была повязка, — сказал я. — И ей делали уколы.

— Уколы?! Какие уколы?

— Не знаю. Возможно, наркотики или сильнодействующее снотворное.

— Кто вы такие, как Оксана оказалась у вас дома? — спросил, придя в себя, Анатолий Анатольевич.

— Вашу дочь мы нашли случайно. Ее держали на заброшенном заводе.

— А как вы там оказались?

— Я же говорю, случайно.

— А те люди... — Наталья Федоровна посмотрела мне в глаза. — Люди, которые похитили Оксану, вы их видели?

— Она была одна.

— Мама, я хочу домой.

— Да-да, поедem прямо сейчас. Толя, возьми ее на руки.

— Мне плохо, папа. Голова кружится и... меня тошнит.

В коридоре Анатолий Анатольевич остановился.

— Наташа, оставь им номер нашего телефона. Завтра же, слышите, завтра же позвоните мне. Нам необходимо будет встретиться и поговорить.

— Понимаю. Завтра я с вами свяжусь.

Хлопнула входная дверь, секунду спустя заработал лифт, а минуты через полторы мы с Люськой смотрели в окно, как Анатолий Анатольевич и Наталья Федоровна помогли дочери сесть на заднее сиденье машины.

— Глеб, тебе не кажется, что все произошло не совсем правильно?

— То есть?

— Их приезд, их поведение, и вообще...

— Не понимаю тебя.

— У них пропала дочь, сегодня мы сообщили, что Оксана находится у нас, назвали адрес. Родители приезжают, забирают Оксану и уезжают, практически не задав нам ни одного вопроса.

— Они интересовались, где и как мы нашли Оксану.

— Господи, да этого мало. Постарайся поставить себя на их место.

— Мне трудно это сделать, у меня нет взрослой дочери.

— Не ерничай! Пока мы их ждали, я готовилась к допросу с пристрастием, а получился какой-то пшик. Короче, остался у меня неприятный осадок.

— Главное, родители нашли дочь.

— Почему Наталья Федоровна спросила, видели ли мы людей похитивших Оксану?

— Нормальный вопрос.

— Не скажи. Получается, они знали, что дочь именно похитили.

Я задумался.

— Разумеется, знали.

— Откуда?

— Люсь, дочь отсутствовала дома больше недели, что, по-твоему, должны думать родители?

— Ты действительно не понимаешь, или делаешь вид? Первая мысль — случилось несчастье. Начинается обзвон больниц... — Люська сглотнула, — моргов. Мысль вторая — случилось непоправимое. Я ручаюсь, они прокручивали в голове все варианты. И больше остальных терзал тот, из которого следовало, что Оксаны нет в живых. О похищении в таких ситуациях, конечно же, думаешь, но согласишься, верится в них с натяжкой.

— Спорный вопрос.

— Ничего не спорный. Одно дело, когда похитители звонят и предъявляют свои требования...

— Погодь, Люсь. Почему ты решила, что Анатолию Анатольевичу никто не звонил?

— Он не сказал об этом.

— У него состояние шока, как и у жены с дочерью. И потом, отчитываться перед тобой он не обязан.

Люська отошла от окна.

— Ладно, проживем-увидим. Завтра утром будем им звонить. Глеб, а Гена домой уехал?

— Понятия не имею, — до меня только сейчас дошло, что с нами нет Дронова.

— Когда он улизнуть успел?

— Ушел по-английски.

— Я не ушел, — раздался виноватый голос Геннадия.

Люська вышла в коридор.

— Ген, ты где?

— Здесь.

— Где, здесь?

— В туалете. Я слышал ваш разговор.

— Выйдешь, поговорим.

— Без вашей помощи выйти не получится.

— Что за приколы?

— Это правда. Так получилось, что я тут заперт.

— Хорош юморить.

— Замок, очевидно, с секретом. Я повернул горизонтальный рычажок на ручке, а теперь дверь не открывается.

— Елки-моталки! — разозлилась Люська. — Ты у себя в голове рычажок поверни. В трех соснах заблудиться умудряешься.

Я засмеялся.

— Глеб, не смешно, — Люська подошла к туалету и дернула ручку. — Поверни еще раз, но уже против часовой стрелки.

— Не получается.

— Поверни!

— Люда, рычажок вообще не двигается: ни по часовой стрелке, ни против.

— Тогда оставайся там, будешь жить в нашем туалете. Глеб, если не прекратишь ржать, получишь по мозгам.

— Отойди, — я оттолкнул сестру от двери и начал вертеть в разные стороны круглую ручку. — Такого еще не было.

— Правильно, не было. Потому что в этой квартире живут нормальные люди, у которых руки растут из правильных мест, — Люська повысила голос и закричала: — А те, у кого руки растут из неправильных мест, до недавнего времени в нашей квартире не появлялись.

— Ребят, мне неловко.

— Молчи уже. Неловко ему.

— Простите.

— Глеб, придется снимать замок.

— Другого выхода нет. Ген, потерпи еще минут пять. Я за отверткой схожу.

...Оказавшись на свободе, Геннадий начал нудно извиняться.

— Не хочу ничего слушать. Ген, ты только не обижайся, но иногда твое поведении сильно бесит. Я понимаю, у тебя нет четырехлистного клевера, отсюда все несчастья, но все-таки мозги изредка включать надо.

— Я заплачу за сломанную ручку.

— Глеб, убери его, или я за себя не ручаюсь.

Геннадий ушел. Через полчаса из театра вернулась Диана. Тему похищения мы больше не затрагивали.

Дверь нам открыла пожилая женщина (я думал, она бабушка Оксаны, а оказалось — домработница), взяла у нас куртки, достала из обувницы тапки и проводила в ванную.

— Анатолий Анатольевич ждет в кабинете, — сказала она мягким голосом. — Идите за мной.

Сегодня отец Оксаны выглядел куда лучше, чем вчера. С лица исчезла бледность, пропали мешки под глазами, на щеках играл румянец. Стоило нам зайти, он встал из-за стола и пошел навстречу.

Мне пожал руку, Люське кивнул, коснувшись ладонью плеча.

— Клава, принесите чай. А вы садитесь, садитесь. Вчера не удалось толком поговорить, голова была, как в тумане.

— Как себя чувствует Оксана?

— Намного лучше. Наташа увезла ее за город, а дня через три отправлю их за границу. Оксанке нужен полноценный отдых, чтобы прийти в себя.

— Досталось, конечно, ей, — вздохнула Люська.

Анатолий Анатольевич прошелся по кабинету, остановился перед кожаным диваном, над которым висела картина Саврасова, и, выдержав паузу, произнес:

— Я хочу узнать всю правду. Все от начала до конца. Очень надеюсь на вашу честность и откровенность.

— Понимаете, — начал я, но Анатолий Анатольевич остановил меня властным взмахом руки.

— Прежде чем начнем разговор, хочу сказать вам огромное спасибо, — он выдвинул средний ящик стола, достав оттуда два конверта. — Спасибо за Оксанку.

— Мы здесь не при чем. Благодарить стоит случай, если бы не он...

— Подожди, — вновь остановил меня отец Оксаны, — держи, — он протянул мне конверт. Второ́й предназначался Люське.

— Что это, деньги?

— Не деньги, а моя отцовская благодарность. Я понимаю — это капля в море, что такое деньги, когда на кону человеческая жизнь.

Люська посмотрела на меня, потом открыла конверт, и у нее загорелись глаза.

— Спасибо, — сказала она.

— Анатолий Анатольевич, мы помогли Оксане не для того, чтобы срубить денег.

— Глеб...

— Люсь, помолчи. Вознаграждение нам не нужно, — я положил конверт на край стола.

— Ты неправильно меня понял.

— Скорее всего, это вы неправильно нас поняли. Заберите деньги, или не получится у нас с вами разговора.

Анатолий Анатольевич развел руками.

— Хороший ты парень, Глеб. Ей богу, хороший.

— Обычный. Не хуже и не лучше других.

Люська «хорошим парнем» не была и быть не хотела, поэтому конверт с вознаграждением отдала не сразу. Сначала смерила меня убийственным взглядом, потом шмыгнула носом, вздохнула, охнула и лишь потом положила конверт на стол.

— Теперь можно поговорить. Но, по большому счету, говорить не о чем. На заводе мы оказались случайно и зашли туда только потому, что местный бомж заикнулся о... покойнице.

Анатолий Анатольевич напрягся.

— Глеб, давай начистоту. Ты парень открытый, разумный, неужели считаешь, я поверю, что ты случайно проходил мимо заброшенного завода?

— Давай, — прошипела Люська, не в силах простить мне расставание с легкими деньгами. — Если ты такой правдолюб, говори, как есть.

— А что изменится, Анатолий Анатольевич?

— Ты скажешь правду, я узнаю правду. Разве этого мало?

— Хорошо. Я и в самом деле приехал на завод с определенными целями. Мы выслеживали одного человека. И так совпало, что он был причастен к похищению вашей дочери.

— Его имя!

— Имя мне неизвестно, — соврал я.

— Зачем ты его выслеживал?

— Анатолий Анатольевич, к делу Оксаны это отношения не имеет.

— Не хочешь отвечать?

— Можно сперва задать несколько вопросов вам?

— Задавай, охотно отвечу.

— Вы уже сообщили в полицию, что Оксана нашлась?

— Нет.

— Вот как, а почему?

— Мы не заявляли о ее исчезновении. Через два часа после похищения со мной связались люди, сообщившие, что Оксана у них. Сразу предупредили: пойдешь в полицию — не увидишь больше дочь живой.

— И вы пошли у них на поводу?

— Я поступил так, как на моем месте поступил бы любой нормальный родитель.

— А чего добивались похитители?

— Глеб, не тормози, — Люська заерзала на стуле. — Денег требовали, неужели не догадался.

— Ошибаешься, им не нужны были мои деньги. Им было нужно нечто другое. Но в первые четыре дня они занимались тем, что нагнетали обстановку. Тянули из нас с Наташей жилы. Звонили два-три раза в день, говорили, что Оксана в безопасности ровно до тех пор, пока мы с женой не наделаем глупостей. И вешали трубку. Мы в аду побывали, — Анатолий Анатольевич закрыл глаза ладонями.

- Похитители набивали цену?
- Скорее, доводили до кондиции.
- Так чего они добивались, если не требовали денег?

Анатолий Анатольевич встал.

— Вдаваться в подробности я не буду, да и неинтересны они вам. Скажу только, что два года назад задумали мы с женой открыть свое дело, бизнесменами решили заделаться. На свою беду, — добавил с горькой усмешкой отец Оксаны. — При определенном подходе и навыках дело обещало быть прибыльным, но имелась загвоздка. Деньги! Точнее их нехватка. Вопрос стоял ребром: или-или. Деньги нужны были срочно, пришлось мне обратиться за помощью к одному человеку. Он долго колебался, но в итоге одолжил требуемую сумму.

— Под большие проценты, да?

— Нет. Он предложил взять его в долю. Мы быстро встали на ноги, бизнес закрутился, долг я вернул. Вроде бы все шло своим чередом, и вдруг мы стали получать сверхприбыль. Произошел настоящий прорыв. Запомните хорошенько одну простую истину: большие деньги идут рука об руку с большими проблемами. Мой компаньон решил, что его доля в бизнесе — она составляла ровно тридцать процентов — ничтожно мала. И он потребовал большего. Не половину, не три четверти, нет, он пошел дальше. Ему захотелось владеть моим бизнесом единолично.

— Жадный дядечка, — сказала Люська, допив чай.

— Кровожадный! — поправил ее Анатолий Анатольевич. — Человек-зверь. Такой ни перед чем не остановится. Начались всевозможные помехи, проблемы, неурядицы. Я знал, откуда дует ветер, но силы в этом противостоянии были неравны. Много он мне крови испортил, а когда понял, что голыми руками меня не взять, решил ударить по больному месту.

— Получается, вы изначально знали, кто похитил Оксану?

— Знал. И согласился на все их требования, едва они их озвучили. Уже начал оформление необходимых документов, как вдруг...

— Позвонили мы, — перебила его Люська.

— Не совсем так, — Анатолий Анатольевич достал из ящика газету. — Моего компаньона убили в его собственном доме. Потом устроили там пожар. Я вздрогнул.

— Что с тобой?

— Ничего. Продолжайте.

— Когда узнал о его смерти, подумал, что Оксаны нет в живых. Метался в неведении, с ума сходил, а тут ваш звонок раздался.

— А кем был ваш компаньон?

— Ты еще не понял?

— Он связан с криминалом?

— Да. Сразу оговорюсь, я о его делах не ведал, единственная связывающая нас нить — это общий

бизнес. Уверяю вас, мой бизнес легальный, криминалом даже не пахнет.

— А кто, по-вашему, мог убить вашего компаньона?

— Ему же подобные и убили. Но мне это не интересно, не собираюсь даже вникать в суть проблемы.

— Анатолий Анатольевич, вам знаком человек по имени Борис?

— Назови фамилию.

— Фамилия неизвестна.

— Моего двоюродного брата зовут Борис, сосед по даче тоже Борис.

— Среди окружения вашего компаньона были Борисы и Семены?

— С его окружением я не знаком.

— Вы требовали назвать имя человека, за которым мы следили. Так вот его зовут Борис. И он был в том доме, о котором написали в статье, — я кивнул на газету.

— О причине слежки можно узнать?

— Он подозревается в краже, — быстро ответил Люська. — В краже картин.

— Хм... очень может быть, очень может быть. Эти люди опасны, их надо обходить стороной. Я слишком поздно понял, какую совершил ошибку. Советую вам прекратить заниматься слежкой, сами успели убедиться —, для них нет ничего святого.

...По дороге домой мы с Люськой зашли в торговый центр, чтобы перекусить в кафешке.

— Теперь многое встало на свои места. Хозяин загородного дома приказал своим шестеркам, в число которых входит Борис, похитить Оксану. Не думаю, что ее могли убить, вероятнее всего, вернули бы родителям сразу, как только Анатолий Анатольевич закончил бы тягомотину с документами.

— А потом Борис узнал, что шефа убили, и запаниковал.

— Точно. Примчался на завод, сообщил напарнику, что надо делать ноги, и драпанули два мордоворота в неизвестном направлении.

— Сволочи! Могли бы хоть Оксану освободить.

— Им не было до нее дела. Свои шкуры спасали.

— Долго бы она не протянула. Дня через два умерла бы.

— Глеб, а вдруг сейчас на каком-нибудь заводе или в подвале заброшенного дома умирает Вадим? Вряд ли после убийства шефа Борис будет пасти его, как прежде. Смысла нет.

— В похищении Вадима изначально не было смысла. С Оксаной понятно — она дочь бизнесмена, ее похитили, чтобы получить солидный куш. А Вадима зачем похищать? Парень воспитывается в интернате, в другой стране, сюда приехал с классом на экскурсию... Я вообще не врубаюсь, зачем шефу понадобился сирота из Франции.

— Исключаешь возможность, что Вадима похитили не по распоряжению шефа? Может,

Борис и Семен затеяли свою игру и играли на стороне? А шеф ни сном ни духом.

— Маловероятно. За такие комбинации они могли поплатиться жизнью.

— Семен наверняка и поплатился. Сомневаюсь, что он жив.

— У Семена могли быть и другие косяки, за которые его убрали. Нет, Люсь, что касается Вадима, здесь замешан шеф.

— Правду уже не узнаешь, он мертв.

— Но жив Борис.

— Где его искать? Залег на дно и шелохнуться боится.

— Будем искать.

— А время поджигает. Я опасаюсь за жизнь Вадима.

На улице мне позвонил Геннадий, просил приехать к нему домой. И почти сразу раздался звонок от Иннокентия Ивановича. Старик требовал смотаться в библиотеку. Пришлось выполнять поручение.

К Дронову поехала Люська. От него ломанулась в гипермаркет, где и узнала от Ларисы, что через неделю чайная лавка закрывается. Также Лариса сообщила, что минувшей ночью ей пришло озарение.

— Семен меня бросил. Я поняла! Все было спланировано заранее, и никуда он не пропадал. Негодяй! Не мог в лицо сказать, что между нами все кончено. Ненавижу!

Люська не стала уверять Ларису в обратном. Пусть лучше думает, что Семен действительно решил таким неординарным способом расстаться с бывшей возлюбленной.

Наплакавшись, Лариса сказала:

— Люсь, надевай костюм и сообщи всем, что у нас сегодня беспрецедентная акция. Скидки на все сорта чая — пятьдесят процентов.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Помоги мне, помоги...

Люська сидела за компом, когда «закричал» мобильник.

— Ага, разбежалась, — буркнула она, с интересом разглядывая фотографии на «Одноклассниках».

Телефон умолк, но через минуту снова раздался звонок-крик.

— Звони-звони.

Рассматривать фотки на сайте Люська могла часами. Выдавалась свободная минутка — сразу мчалась к компу: логин, пароль, «войти» — и ты на сайте. А там одноклассники, друзья-знакомые, друзья друзей (всех не перечислить), и у каждого куча фотографий, и их необходимо посмотреть, а во время просмотра обязательно поразиться, восхититься, удивиться. И окончательно удостовериться «Who is Who».

У одних знакомые отрывались на Кипре, выложив по возвращению сотню прикольных фоток, вторые зажигали в Турции, успев сфоткаться на каждом перекрестке, третьи с гордым

видом демонстрировали всем желающим свои авто и, разумеется, себя на водительском месте. Так полагается, своеобразное правило «хорошего» тона. Фотки супер. Предел мечтаний! Как тут пройдешь мимо? Не-е, надо зайти, заценить, да и любопытство заодно удовлетворить.

Где еще увидишь, как люди с аппетитом, косясь в объектив фотоаппарата, поедают в ресторане деликатесы, запивая их напитками из высоких стаканов; позируют похлеще профессиональных моделей возле бассейнов и на фоне отелей; курят кальян и стоят под неоновыми вывесками ресторанов и баров.

В такие моменты Люська забывала обо всем. Что ей какой-то телефонный звонок, когда она на сайте наткнулась на такую «бомбу». Старшая сестра одноклассника, которая, если верить анкетным данным (ха!), учится на филолога в университете, сделала под пятьсот сорок восьмой фотографией следующую подпись: «*Зажыгаим в иигипте*».

— Вау! — воскликнула Люська, и в этот момент раздался очередной звонок.

Делать нечего, пришлось доставать телефон из сумочки.

— Да, — прижимая телефон к уху, Люська вернулась к столу.

В ответ молчание, затем сопение.

— Алло, говорите!

— Люда, — раздался тихий мужской голос. — Люда, это ты?

— Я.

— Наконец-то. До вас очень трудно дозвониться. У Глеба телефон отключен, а с тобой меня неправильно соединяют. Представляешь, трубку снимает злющая тетка и просит больше не звонить.

— Кто это? — безразлично спросила Люська, рассматривая фотографию будущего филолога на отдыхе в «Игипте».

— Ты никогда меня не узнаешь, — голосом полным разочарования проговорил звонивший. — Но и богатым я почему-то не становлюсь.

— Вот теперь я тебя узнала. Услышала плаксивые интонации в голосе и узнала. Привет, Ген.

— Посмотрел бы я на тебя в экстремальных условиях.

— Это ты к чему сказал?

— Люд, кроме вас с Глебом мне больше вроде и позвонить некому. Выручайте.

— Что у тебя случилось?

— А-а-ай, меня кто-то укусил в щеку. А-ай-яй, теперь в шею.

— Ген, тебя плохо слышно.

— Люда, мне необходимо увидеть вас с Глебом. Прямо сейчас.

— Ты дома?

— Нет. Домой я как раз очень хочу попасть.

— Откуда ты звонишь?

— Ты только не пугайся, — предупредил Геннадий.

— После этих слов мне всегда делается страшно. Давай без предисловий.

— Я звоню с кладбища.

— Опа!

— Нет, ты не подумай ничего такого, здесь не страшно. Посторонних нет, я один. Знаешь, вроде даже соловьи поют.

— Если это прикол, он неудачный, а если...

— Люда, я действительно на кладбище. Так получилось... Пришел сюда перед самым закрытием... э-э... долго рассказывать... В общем, я нечаянно просунул ногу между прутьев ограды. Нога застряла, не могу ее вытащить. Вы с Глебом должны мне помочь. Пожалуйста!

Отойдя к окну, Люська сказала.

— Ген, давай посмотреть правде в глаза. Во-первых, Глеба нет дома, твой дядька его вконец загонял. И Димка поехать со мной тоже не сможет. Во-вторых, меня никто не пропустит на кладбище, в-третьих, — по спине Люськи пробежала волна озноба, — даже если мне каким-то чудеснейшим образом удастся пробраться на территорию кладбища, чем я смогу помочь? Прутья согнуть не сумею, силенок маловато. Ген, давай я вызову спасателей.

— Да ты что?! Приедут посторонние люди, а я в таком нелепом положении. Нет! Люд, приезжай. Объясни ситуацию сторожу или охраннику, он поможет. Попытаемся обойтись без спасателей. Ох ты, опять в щеку кто-то укусил.

Люська представила разговор со сторожем кладбища, и ей поплохело.

— Люд! Люда, тебя плохо слышно!

— Здесь я.

— Люд, у меня батарейка садится. Вспомни, когда ты позвонила мне и попросила проследить за Семеном, я не отказал. Бросил все дела и примчался. Задачу свою выполнил с блеском. А изначально ситуация была безвыходная. Ты помнишь? Люд, ты помнишь, как я тебя выручил?

— Да помню я все, не нуди. Ладно, говори, где ты там застрял, горе луковое.

— Я на кладбище.

Люська сжала кулаки.

— Конкретней! В городе много кладбищ.

Гена назвал кладбище.

— Где ты приблизительно находишься?

— С местонахождением будет сложнее, понятия не имею, в какой точке кладбища я застрял.

— Ты меня с ума сведешь, как я искать тебя буду?

— Можно покричать.

— Что покричать?

— Например, крикнуть: «Гена, ты где?».

Люське нестерпимо захотелось отыскать Генку и садануть его по голове чем-нибудь тяжелым. Покричать он предлагает. На кладбище. Прекрасная идея.

Пообещав приехать как можно быстрее, Люська отсоединилась. Гена прав, он ее сильно

выручил, теперь настал ее черед отплатить той же монетой. Так даже лучше, оказав Генке услугу, они буду квиты, счет сравняется, и никто никому ничего не будет должен.

Собрав волю в кулак, Люська схватила сумочку и выбежала из квартиры. На улице было темно. В голову лезли нехорошие мысли.

...Дорога заняла около часа. У домика охранника Люська остановилась с чувством вины перед всем человечеством. Вход в маленькое, напминавшее флигелек здание располагался на территории кладбища. Пришлось кричать.

На крик вышел крепкий парень, секунду спустя за его спиной появился средних лет худощавый мужчина.

— Добрый вечер, — заискивающе проговорила Люська.

— Здравствуйте, — нараспев произнес парень. — Ты, что ли, голосишь тут?

— Я.

— А адресом не ошиблась? — охранники рассмеялись.

— Понимаете, — зачастила Люська. — Такое дело... У меня к вам огромная просьба, не могли бы вы пропустить меня на кладбище?

Мужчины переглянулись.

— Мне очень надо. Ммм... как бы вам объяснить. Мой знакомый пришел на кладбище перед закрытием, обратно выйти не успел, застрял в ограде.

— Фантазия слабовата, — сказал охранник, тот, что бы постарше. — Знаем мы ваши закидоны. У меня сеструха младшая на «Ютубе» с утра до вечера торчит. Прикинь, — он толкнул в бок парня и засмеялся, — недавно ролик выложили: шкеты лет по тринадцать ночью на кладбище пробрались, простынями обернулись и между могил слонялись. Типа привидения. Серег, я обалдел! Триста тысяч просмотров за неделю.

— А-а, — протянул Серега. — Юные экстрималы-приколисты.

— Не прикалываюсь я, — разозлилась Люська, набирая номер Геннадия. — Сейчас, не уходите только. Гена! Да! Да... Я уже на кладбище. У входа стою. Да подожди ты, не части. Меня охрана не пускает, не верят мне. Не знаю, что делать. А? Ну попробуй, покричи, может, услышат.

Охранники не успели ни ухмыльнуться, ни обернуться: едва Люська убрала телефон, откуда-то из глубины кладбища раздался крик:

— Лю-ю-да! Люда, я здесь.

— Люда — это я, — пояснила на всякий случай Люська.

— Серег, действительно орут с территории, — охранник обернулся назад.

— Это Геннадий, — Люська схватилась за прутья ворот. — Пустите меня, давайте его разыщем, человеку помочь надо.

— Лю-ю-ю-да! — неслось издали.

Серега открыл калитку.

— Проходи, — сказал он Люське. — Найду твоего Гену — голову оторву!

Люська молчала.

— Где конкретно твой кретин застрял? На каком участке?

— Не знаю.

— А как его искать?

— Давайте ориентироваться по крику, — предложила Люська.

— Зачем мне надо, чтобы он орал. Перебудит всех на фиг!

Не став уточнять, кого может разбудить Генкин крик, Люська пошла за мужчинами по темной аллее кладбища.

Внезапно Геннадий замолчал. Сереге это не понравилось.

— Почему твой придурок заткнулся, куда теперь идти?

Люська пожала плечами.

— Позвони ему, пусть еще поорет, козел. Только негромко.

— Ген, — тараторила Люська в трубку минуту спустя. — Мы тебя ищем, но не знаем куда сворачивать, покричи еще. Хорошо. Ген, только кричи вполголоса. Так надо! Ну, потому что охранник нервничает. Перебудишь здесь всех, а ему потом отвечать.

...Геннадия удалось обнаружить минут через пятнадцать. Понуро опустив голову вниз, одной рукой он опирался на ограду, второй держался за соседний памятник.

Те слова, которые ему говорил Серега, писать не имеет смысла.

Ногу Гены охранники высвободили из ограды довольно-таки быстро, проводили припозднившихся гостей до выхода, напоследок сказав еще несколько «ласковых» фраз.

...В салоне жигуленка Люська потребовала немедленных объяснений.

— Люд, все не так плохо, как может показаться.

— Не уверена. Каким ветром тебя сюда занесло?

— Помнишь, я следил за Борисом и сказал, что он заезжал на кладбище?

— Припоминаю.

— Так вот, это то самое кладбище. Сегодня я решил найти могилу, которую посещал Борис.

— Зачем?

— Понимаешь, у меня было предчувствие.

— Только не надо сказок про предчувствия.

— Предчувствие в самом деле было, Люд.

И оно меня не подвело.

— Могилу нашел?

— А как же. Угадай, кому она принадлежит?

— Не хочу гадать, говори.

— Сначала вспомни, что говорила тебе Лариса.

— По поводу?

— Однажды Семену позвонил партнер по бизнесу, и он назвал его...

— Зуб!

— Правильно. И сказал, что это его школьная кличка. Есть идеи, откуда взялась такая кликуха?

— Вероятно от фамилии.

— Правильно мыслишь. И какая фамилия могла быть у Зуба?

— Ген, вариантов полно.

— Назови хотя бы несколько.

— Зубарев, Зубанов, Зубков, Зубейко, Зуболомов, Зубодробильников, Зубайдановский...

— Все-все, хватит. Я сейчас назову его настоящую фамилию. Зубов!

— Откуда узнал?

— На памятнике было написано: Зубов Лев Иосифович. Умер полтора года назад в возрасте семидесяти четырех лет.

— Блин, Ген, я-то думала, тебе правда удалось узнать что-то стоящее.

— Неужели не видишь связи?

— Никакой.

— Семену звонил Зуб, а Борис приезжал к Зубову. Девять шансов из десяти, что фамилия Бориса — Зубов. Я уверен, его зовут Зубов Борис Львович, и приезжал он на могилу отца. Что молчишь?

— Теперь твои слова не кажутся мне бредом. Действительно, Борис может быть Зубовым.

— Времени я даром не терял, позвонил старому приятелю, попросил узнать, живет ли в городе Зубов Борис Львович. Он пробил по базе данных и...

— И?

— Живет. Адрес у меня в кармане.

— Генка, ты молодец! Но тот ли это Зубов Борис?

— Не сомневайся. До недавнего времени Зубов Борис Львович проживал в квартире вместе с Зубовым Львом Иосифовичем. К слову сказать, квартирка оказалась коммунальной.

— Гениально.

— Ты уже не сердишься, что я вытащил тебя на кладбище?

— Ты прощен, — хохотнула Люська. — А теперь едем домой, нам есть, о чем поговорить.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ключ в кармане

Прошло два дня.

Из метро я связался с Люськой, попросив, чтобы она позвонила Алисе и Димону и позвала их к нам. Когда вернулся домой, все были в сборе. Отказавшись от чая, я повел ребят в свою комнату.

— Придется действовать по плану «Б», — сообщил я им, начав рыгаться в верхнем ящике стола.

— План «Б»? — удивилась Алиса.

— В чем он заключается, Глебыч?

— Сейчас расскажу. Люсь, у меня в столе лежал карманный фонарик.

— Ну, лежал.

— Не видела его?

Люська нехотя встала с кресла.

— Сейчас принесу.

Когда она вышла, я закрыл ящик и облокотился о подоконник.

— Если я в ее комнате что-нибудь без спроса возьму, такой ор поднимает. А сама постоянно мои вещи тырит.

— Не тырю, а взяла для временного пользования, — крикнула из коридора Люська.

— Зачем тебе фонарик понадобился, Глеб?

— Захвачу на всякий случай, может, пригодится. Ребят, я сегодня ездил на разведку домой к Зубову. Удалось поговорить с его соседкой по коммуналке.

— Ты рисковал.

— Ничего подобного. Чем я мог рисковать, действовал осторожно, лишнего внимания не привлекал. Зато узнал много интересного. Сразу к Зубову я, конечно, не пошел, решил начать издалека. У подъезда бабка на лавочке сидела, ну, я к ней подсел, сделал лицо попроще и спросил про Галю из семьдесят восьмой квартиры. Бабка словоохотливая попалась, нет, говорит в нашем подъезде Галь, а семьдесят восьмая квартира вообще коммунальная. Короче, сдала бабка всех жильцов с потрохами.

— Я к таким бабкам отношусь с опаской, — сказала, вернувшись, Люська. — Зыркают целыми днями из окна, а потом сплетни разносят: кто с кем пришел, кто куда ушел.

— Но нам это на руку. Где фонарик?

— Возьми свой фонарик, возвращаю в целости и сохранности.

— Глебыч, про коммуналку бабка говорила?

— Немного, но что знала, выболтала. В коммунальной квартире пять комнат: одна принадлежит молодой семейной паре, во второй живет сильно

пьющая пенсионерка, в третьей — семидесятилетний мужчина, тоже выпить не дурак. Хозяин двух оставшихся комнат Борис Зубов.

— Как ему удалось заполучить сразу две комнаты?

— Он жил в коммуналке с родителями и сестрой. Когда умерла мать, сестра вышла замуж, переехала к мужу, Борис остался с отцом. А после смерти Льва Иосифовича живет один.

— И как Бориса охарактеризовала соседка?

— Назвала вредителем, говорит, зимой Борис никогда дверь в подъезде не закрывает, холод пускает. А она на первом этаже живет, мерзнет поэтому. А теперь, внимание, сейчас выдам наиболее ценную информацию. Значит, семейная пара с Нового года живет в другом месте, их комната пока пустует. Семидесятилетний сосед Зубова находится на лечении в больнице, по словам бабки, пробудет там как минимум две недели. А может, и дольше. К нему белочка в гости пришла.

— Какая белочка? — не поняла Алиса.

— Алис, не тормози, — засмеялась Люська. — Белая горячка у мужика.

— Да, Глеб?

— Ага. Соседка говорит, по двору бегал, за машинами прятался, кричал, что танки наступают.

— Н-да, печально.

— Для кого как. Нам его отсутствие на руку. В квартире остались двое: Борис и баба Лида. Лидия Афанасьевна. Поднялся я к ней, а она уже

дошла до кондиции. Разговаривала со мной путано, называла то Валеркой, то Витькой, требовала вернуть сто рублей долга, потом прямо на пороге рухнула.

— Жесть!

— Ты недооцениваешь пьяных людей, — сказал я Димону. — У них в мозгу есть такая кнопка, которая автоматически нажимается, приводя человека из состояния нестояния во вполне презентабельный вид. Стоило пообещать Лидии Афанасьевне принести выпивку и закуску, и она мгновенно ожилилась. Встала без моей помощи, заулыбалась...

— Глеб, — перебила меня Алиса, — я все равно не понимаю, зачем ты пошел к бабке? Если она пьет с утра до вечера, какая нам от этого польза, только время зря потратил.

— Не скажи, Алис. Не забывай, Лидия Афанасьевна соседка Бориса, причем, прошу заметить, на данный момент — единственная соседка. Улавливаете мою мысль?

— Я нет, — призналась Алиса.

— От бабы Лиды я узнал, что Борис обычно появляется дома после полуночи. Днем она его редко видит, а если и видит, между собой они не общаются. Кем и где работает, не знает. Предположила, что может работать таксистом.

— Почему таксистом?

— Борис не пьет. По мнению бабы Лиды, человек не пьет в двух случаях: когда сильно болен или когда работает таксистом.

— Железная логика.

— Глебыч, а что там насчет плана «Б»?

— Пойдем ва-банк и постараемся взять Бориса на испуг. Других путей я не вижу. Ситуация в любой момент может выйти из-под контроля. После всего случившегося, нет гарантий, что Зубов останется в квартире. Вдруг решит податься в бег или залечь на дно, тогда мы упустим единственную ниточку.

— Взять на испуг, — повторила Люська. — Хороший вариант, но нереальный.

— Глеб, я тоже считаю, ты горячишься.

Я посмотрел на Димона.

— И ты так думаешь?

— Не, я на твоей стороне. Давно уже руки чешутся, надоело заниматься одной слежкой, пора на что-нибудь остренькое переходить.

— Дим, об опасности ты совсем не думаешь?

— Алис, опасность щекочет нервы, а я щекотки не боюсь. Надо встряхнуться, и Бориса хорошенько встряхнуть. Глебыч прав, даст Зубов деру — и ищи ветра в поле.

Люська сбегала на кухню, взяла плитку шоколада и начала жадно ее поедать.

— И до чего ты додумался? — спросила она с набитым ртом.

— Мой план и прост, и сложен одновременно. При наличии везения, думаю, справимся без проблем, в противном случае...

— Нам всем хана! — перебила Люська.

— Дня через три, ближе к вечеру, я собираюсь проникнуть в коммунальную квартиру и устроить там засаду.

— Обалдел! Люсь, он обалдел!

— Алис, дай мне договорить. В квартире я при-
таюсь в каком-нибудь укромном уголке и стану до-
жидаться Бориса.

— А если он не придет?

— Значит, придет на следующий день. Ты пой-
ми, я должен находиться в квартире. Расклад та-
кой: Борис возвращается домой, открывает свою
комнату, заходит туда, а минут через десять разда-
ется звонок в дверь. У каждого жильца свой зво-
нок, поэтому Борис обязательно выйдет в кори-
дор и потопает к входной двери.

— Глеб, прервись на минутку. У меня вопрос:
кто позвонит в дверь?

— Димон.

Димон округлил глаза и уставился на меня.

— Чувствую, ночка выдастся веселой, нервиш-
ки уже щекотать начинает. Продолжай, Глебыч.

— Когда он откроет дверь, задашь Борису
какой-нибудь вопрос...

— Угу, — хмыкнула Люська. — Спроси,
не знает ли он расписание авиарейсов до Рио-де-
Жанейро. Или поинтересуйся погодой на остро-
ве Врангеля.

— Очень смешно. Димон может сделать вид,
что ошибся квартирой. Его цель на некоторое вре-
мя отвлечь Бориса.

— Для чего?

— Чтобы у меня появилась возможность зайти в его комнату.

Алиса вздрогнула.

— Так надо, Алис, иначе план треснет по швам.

— А в его комнате что ты собираешься делать?

Я отвернулся к окну.

— Глеб, что за игра в молчанку, мы ждем.

— Дайте мне два дня, потом мы вернемся к этому разговору.

— Ну ни фиги себе! Заинтриговал, нагнал страстей, а теперь в кусты.

— Не в кусты. Мне необходимо кое в чем удостовериться. Через два дня отвечу на все ваши вопросы.

— Глебыч, я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Я тоже на это надеюсь, Димон.

— И все-таки, — настаивала Алиса, — ответь мне сейчас, каким образом ты собираешься оказаться в коммунальной квартире?

— Бабе Лиде можно бутылку купить, — сказал Димон. — Она тебя не только в квартиру пустит, но еще и покажет, где деньги лежат.

— Я серьезно, Дим.

— Так и я серьезно.

— Бабка может проболтаться.

— Ребят, не спорьте, бабу Лиду тревожить не будем. А в квартиру я попаду, как и все

нормальные люди — через дверь, — я достал из кармана длинный ключ.

— Откуда ключик, Глебыч?

— Признаю, поступил не совсем правильно, но других вариантов не было. Или взять ключ и упростить себе задачу, или искать другую лазейку. На поиски могло уйти много времени, а мы, как вы помните, им не располагаем.

— Ты украл ключ у Лидии Афанасьевны?

— Почему сразу украл? Я взял ключ для временного пользования. Так, кажется, ты сказала, стибрив из моего стола фонарик? Баба Лида выпила, закусила, и ее развезло окончательно. Я помог ей дойти до комнаты, уложил на кровать и увидел ключ. Он у нее из кармана выпал. Сгонял в мастерскую, сделал дубликат и рванул обратно к Лидии Афанасьевне. Сейчас ее ключ лежит на подоконнике в комнате, дубликат у меня в кармане.

— Ловко, — одобрил Димон.

— Глеб, ты поступил скверно, — Алиса смотрела мне прямо в глаза, и от ее пристального взгляда мне сделалось не по себе. — Взял чужой ключ от чужой квартиры у пожилой женщины. По-твоему, все в порядке?

— Алис, это наш шанс.

— Мне не нужны ни шансы, ни бонусы доставшиеся таким образом.

— В чем ты меня обвиняешь?

— Сам догадайся.

— Не забывай, я взял ключ не для себя, не для достижения корыстных целей, я всего лишь хочу довести наше расследование до конца.

— Есть много других способов вести расследование, совсем не обязательно прибегать к воровству.

После таких слов меня переключило.

— Отлично, теперь я уже вор.

— Алис, Глебыч, остыньте.

— Нет, Димон, пусть говорит. Пусть выплеснет все, что у нее накопилось. Я — вор! Браво, Алиска. От тебя я этого не ожидал. О'кей! Если ты у нас такая белая и пушистая или, как сказала Люська, изнеженная, тогда вперед. Включи свой мозговой центр и выдай нам парочку гениальных идей, как спасти Вадима. А ключ, — я достал его из кармана и сжал в кулаке, — могу выбросить прямо сейчас.

— Глеб, не дури, — повысила голос Люська.

— Ну, — я смотрел на Алису, — выбросить?

— Алис, пойми, он был вынужден так поступить, — Люська взяла Алиску под руку и усадила в кресло. — Чего вы завелись-то?

— Нервное перенапряжение, — сказал Димон.

Алиса откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

— Прости, Глеб. Я не должна была так говорить. Не знаю, что на меня нашло.

— Устаешь ты в своей школке актерского мастерства, оттого и на людей срываешься.

— Люсь!

— А что, скажешь, я не права?

Алиса вдруг нахмурила брови.

— Когда это ты называла меня изнеженной?

Люська закусил губу и показала мне кулак.

— Я? Не помню... Может быть, и называла... Но согласишься, доля правды в моих словах есть.

Алиска снова закрыла глаза. Я вышел из комнаты.

— Глеб, не выбрасывай ключ, — крикнула Алиса, выбежав за мной в коридор.

Оставшись вдвоем, Люська с Димоном заговорчески переглянулись и засмеялись.

— Взрыв эмоций!

— Алиска действительно перегнула палку.

— Помиряются. Они друг без друга жить не могут, день не разговаривают — уже трагедия.

— Их проблема в том, что они редко выясняют отношения.

— В смысле? — удивилась Люська.

— Весь негатив держат в себе, не дают ему выхода. Мы с тобой за неделю сколько раз ругались?

— Раз десять, наверное.

— Вот! Мелкие ссоры — наша отдушина. Отношения выясним, через час помиримся — и все у нас супер-пупер.

— Да ладно тебе, психолог-самоучка.

— Слушай, хотел спросить, ты что-то про остров Врунгеля говорила. Прикалывалась, или на самом деле есть такой островок?

— Не Врунгеля, а Врангеля. Остров Врангеля. Находится в Северном Ледовитом океане.

— Впервые слышу.

— Блин, Дим, географию надо учить. Остров Врунгеля. Рассмешил!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Контрреформация & Электрошокер

Шел урок истории. Мы с Димоном сидели на третьей парте, тихо переговаривались, наблюдая краем глаза за действиями нашего историка. Нахмутив лоб, Афанасий Карлович смотрел в журнал, постукивая ручкой по краю стола. Потом сдвинул очки на кончик носа и вздохнул.

Класс замер. Все ждали момента, когда историк, перестав нагнетать обстановку, вызовет наконец к доске какого-нибудь «счастливчика».

Афанасий Карлович не торопился делать выбор.

— Какой у нас сегодня последний урок? — спросил я у Димона.

— Алгебра.

— Мне с нее слинять надо. Звонил Генке, у него автоответчик включен. Пять сообщений оставил, до сих пор не перезванивает.

— Зачем тебе Генка понадобился?

— Я позавчера заказал в интернет-магазине...

— Кто постоянно разговаривает? — прикрикнул Афанасий Карлович, оторвав взгляд от журнала. — Кому не терпится отвечать по теме?

Я умолк. Впрочем, молчал недолго, как только историк уткнулся в журнал, прошептал:

— Заказал электрошокер.

— Ого!

— Сначала хотел с доставкой, а там документы нужны.

— У тебя паспорт есть.

— Паспорт есть, но у них электрошокеры продают лицам не младше восемнадцати лет. В другом магазине можно и без документов, но цены в два раза выше.

— Генку хочешь попросить?

— Я сделал заказ на его имя, к трем часам нам надо будет подъехать к пункту самовывоза. А этот чудик к телефону не подходит.

— Я так понимаю, электрошокер необходим для встречи с Борисом?

— Иначе его не взять. Смотри, что я надумал...

— Озеров! — выкрикнул мою фамилию историк.

— Что, Афанасий Карлович?

— Не что, а иди к доске.

— Влип ты, Глебыч.

— Рот у тебя не закрывается, — усмехнулся историк. — Сейчас послушаем, что интересного расскажешь нам по теме.

Класс облегченно вздохнул. «Счастливымчиком» оказался я, поэтому остальные, радуясь, что отсрочили себе выход к доске, немного расслабились.

— Какая тема? — спросил я у Димона.

— Понятия не имею.

— Маш, — я ткнул сидевшую впереди Машку, — что за тема?

Машка ответила, но я плохо ее расслышал. Вроде она упомянула о контрреволюции. Блин, какая на фиг революция, когда тут такие дела решаются. Скоро электрошокер забирать надо, Генка пропал неизвестно куда, а они со своей контрой и революцией лезут.

— Озеров, мы долго ждать будет?

— Иду.

У доски я встал лицом к классу и задумался.

— Ну-с, — Афанасий Карлович потер ладошки, — внимательно тебя слушаем.

— Э... Контрреволюция... это такой процесс...

Раздался взрыв хохота.

— Чего ржете?

— Тихо! Тихо! — историк постучал ручкой по столу. — Угомонились. Глеб, это хорошо, что ты хочешь рассказать нам о контрреволюции, но тема у нас сегодня другая.

— Да? А какая?

Снова смех.

— Тихо все! — Афанасий Карлович поправил на носу очки.

— Чем ты там занимаешься. Бу-бу-бу, бу-бу-бу. То ты, то Крылов.

— А чего сразу Крылов? — крикнул Димон.

— Давай, подкажи другу, о чем он должен нам рассказывать.

Димон встретился взглядом с Машкой. Она снова начала шептать название темы.

— Крылов, мы ждем.

— Контрреформация, — ответил Димон.

— А точнее?

Машка опять зашептала.

— Иванова, сейчас выйдешь из класса, — прогнусавил историк.

— Контрреформация в Европе, — повторил Димон Машкины слова.

— Озеров, слышал?

— Слышал.

— Тогда начинай. Контрреформация в Западной Европе.

Стыдно признаться, но я слышу об этой реформации впервые. Что начинать, про что рассказывать, хоть бы подсказал кто. Когда Афанасий Карлович начал свое шествие по классу, я встретился взглядом с Юлей — наша отличница, идет на золотую медаль, поэтому за первой партой сидит одна, как сыч.

Юлька долго смотрела на меня волком, а потом решила сжалиться и зашевелила губами.

— Озеров, ты учил? — не оборачиваясь, спросил историк.

— Учил.

— Чего время тянешь?

— Контрреформация в Европе...

— В Западной Европе, — поправил меня Афанасий Карлович.

— Это католическое движение. Оно возникло после выдвижения идей некоторых реформаторов.

— Каких реформаторов, назови фамилии.

Юля что-то говорила, а у меня никак не получалось расслышать фамилии.

— Громче говори, — прошептал я.

Юлька покрутила пальцем у виска.

— Лютер, — выкрикнул Сашка Боярский.

— Лютер, — повторил я вслух.

— Правильно, Лютер. Был такой реформатор, — Афанасий Карлович подошел к своему столу и сел на стул. — Садись, Озеров. Два!

— Но!

— На следующем уроке буду спрашивать. К доске идет...

Класс притих.

— Крылов.

Димону повезло больше. Он успел выйти, вернуться и... прозвенел звонок с урока.

...На перемене мы спустились в столовую, перекусили и мне, наконец, удалось дозвониться до Гены. Договорившись встретиться у метро «Павелецкая» через час, я прямо из столовки рванул к выходу. Забежал домой, оставил рюкзак, надел другую куртку (сегодня было слишком жарко) и отправился на встречу с Дроновым.

Вечером Алиса, Люська и Димон по очереди вертели в руках электрошокер.

— Прикольная вещичка, я бы от такого не отказалась.

— Зачем тебе электрошокер?

— Для самообороны.

— А я тогда для чего? — шутливо обиделся Димон.

— Ты не всегда рядом, а шокер я в сумочку положила — и все в шоколаде. Пристал кто на улице, я раз — разряд, — и хана налетчику.

— Люсь, сплюнь, — испугалась Алиса. — Какие еще налетчики, не каркай.

— Глеб, когда к Зубову поедешь?

— Завтра.

— Ты уверен, что шокер не подведет? — Алиса как обычно сомневалась.

— Можем испробовать его в деле.

— На ком?

— А хотя бы на Люське. Она сегодня что-то очень резвая.

— Я тебе испробую. Меня надо холить и лелеять, а не шокерами умирять.

— Да все с ним в порядке. Проволочек не возникнет, прижмет Глеб эту малютку завтра к Борису и адью.

— Вдруг переборщим?

— Алис, ты о чем?

— Борис не умрет?

— Такой хряк? Нет, конечно.

— И все равно, Глеб, ты там осторожней.

— Алис, электрошокер не убивает. Выбить из строя может, но убить — нет. Электрический заряд вызывает сокращение мышц и болевой шок.

Возникает дезориентация, человек становится заторможенным, замедляются реакции.

— Или в обморок может грохнуться, — сказал Димон.

— Бывает и такое. Обморок, ступор.

— Боязно мне, — призналась Алиса.

— Тебе всегда боязно, — отмахнулась Люська. — Нас будет четверо, плюс электрошокер и веревка, а Борис один.

— Нас пятеро, — напомнил Димон. — Генку забыла.

— Ой, я тебя умоляю, Генка что есть, что его нет — ничего не изменится. Пусть лучше на улице в машине остается.

Мы еще долго обсуждали предстоящее мероприятие, уверяя друг друга, что пройдет оно без сучка, без задоринки. Во всяком случае, хотелось в это верить.

Сутки спустя я заканчивал последние приготовления.

В рюкзак положил электрошокер, складной нож, веревку, бутылку газировки и несколько бутербродов в пластиковом контейнере. Поначалу брать бутеры не хотел: в конце концов, иду не в поход, и вряд ли у меня будет время думать о еде. Но Алиса сумела меня переубедить.

— Откуда ты знаешь, когда Борис появится в квартире. Хорошо, если придет домой

поздно вечером, а если под утро или вообще не явится? Так и будешь голодным сидеть?

— Ладно, бутерброды возьму.

— И кусок пирога прихвати.

От Люськиного пирога я отказался. Пирог — уже перебор.

План был такой: сначала стартуем мы с Димонем. На скутере. А минут через сорок к дому Зубова подъезжают девчонки на Генкином жигуленке. К ним присоединится Димон, и начнется ненавистное ожидание.

Алиса нервничала, у нее все валилось из рук, было видно: ехать к Зубову ей жутко не хочется.

— Оставайся дома, — сказала Люська, когда Алиса вместо сахара бросила в чай шоколадную конфету.

— Правда, Алис, тебе совсем необязательно там находиться.

— Забраковали, да?

— Ты на себя не похожа.

— А что мне, по-вашему, надо прыгать до потолка и радоваться? Я не пойму, почему вы такие спокойные. Такое впечатление, что мы собираемся на природу, на пикник. О последствиях никто не задумывается.

— Я задумываюсь, — ответила Люська. — Но меня они не страшат. Борис — негодяй и мерзавец. Я не считаю чем-то из ряда вон выходящим нашу затею. Его надо поставить на место, прижать к стенке, и любые способы хороши.

— Предлагаю сменить тему. Мы все равно не поймем друг друга. Но я еду с вами. Это не обсуждается.

— Как хочешь.

Прежде чем выйти из квартиры, я зашел к себе в комнату за скотчем. Вроде видел его в нижнем ящике стола. Так, а здесь, как всегда, бардак. Пришлось вывалить все на пол и искать скотч. По всем законам подлости, скотч я не нашел, зато увидел старую общую тетрадь, которая не попадалась на глаза года полтора.

— Ты долго будешь копаться? — Димон зашел в комнату и присвистнул. — Чего ищешь?

— Скотч.

— А тетрадь зачем понадобилась?

— Ха-а, знал бы ты, что это за тетрадь.

— Просвети.

— Люсь, — позвал я сестру.

— Чего?

— Иди сюда. Алис, и ты иди.

Когда девчонки прошли в комнату, я показал тетрадь Люське.

— Узнаешь?

— Вау! Глеб, это та самая?

— Угу.

— Слушай, а я думала, ты ее у родителей оставил.

— Сам так думал. Наверное, прихватил машинально.

— Дай почитать. Нам в машине делать нечего будет, а рассказы скуку развеют.

— Не-е, с собой возьму.

— Глеб!

— Самому почитать интересно.

— Алис, ты их понимаешь? — спросил Димон.

— С трудом.

— Глебыч, колись, что в тетради?

— Мои рассказы.

— Да ладно!

— Ужастики.

— Суперские ужастики! — кивнула Люська.

— Ты писал рассказы? — удивилась Алиса.

— Иногда писал. Лет в одиннадцать начал.

Рассказы так себе, не ахти какие, но Люську пугали до оторопи.

— Ой, не надо тут заливать.

— Забыла, как истерила, когда я тебе их читал?

Сначала канючила полдня — почитай да почитай, а потом спать без света боялась.

— В жизни со светом не спала.

— Рассказывай!

— Дим, Алис, он врет.

Я встал с пола и положил тетрадь в рюкзак.

— Лучше скажи, где скотч?

— У меня в комнате.

— Почему у тебя, когда он всегда лежал в моем столе?

— Срочно понадобился, тебя не было дома.

— Опять без спроса в столе шарил?

Люська побежала к себе, принесла скотч и про-
бурчала:

— Валите уже.

В прихожке Алиса взяла с меня слово, что позже я дам ей почитать свои страшилки. Я пообещал, мне не жалко.

— Все, — Димон хлопнул в ладоши и открыл дверь, — мы сорвались. Люсь, Генке позвони, поторопи его.

К Зубову приехали в шесть вечера. Зашли в подъезд, поднялись на этаж, переглянулись.

— Звони, Глебыч.

— Поднимись на лестничный пролет.

Нажав на кнопку звонка рядом с надписью «Зубов Б.», я прислушался. В квартире тишина. Я позвонил еще раз. Никто не отозвался.

— Димон, по-моему, чисто.

— Тогда удачи тебе.

— Спускайся на улицу, жди девчонок.

— Лады.

— Значит, действуем, как договорились.

— Железно, Глебыч!

Ключ вошел в замочную скважину, как по маслу. Повернув его два раза против часовой стрелки, я опустил ручку и осторожно толкнул дверь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Рассказ собственного сочинения

Проскользнув в широкий и темный коридор коммунальной квартиры, я прикрыл дверь и снял с плеча рюкзак. В коридоре было невыносимо душно, спина моментально покрылась потом, пришлось стянуть куртку и перекинуть ее через руку.

Сильно пахло гарью и кислыми щами. И в этом месте мне предстоит провести энное количество часов. Мрак!

Сделав несколько шагов по коридору, я остановился у двери Лидии Афанасьевны. Из комнаты доносился храп. Отлично, значит, бабуленция занята просмотром пьяных сновидений. Мне это только на руку.

Три обшарпанные двери, которые я легонько толкал вперед, оказались закрытыми. Зато четвертая, та, что располагалась напротив дверей в комнаты Бориса (интуиция подсказывала: дверь вела в комнату старика-алкоголика), скрипнула и медленно открылась.

Духота! Комнатка площадью восемь-десять метров напоминала раскаленную духовку. Подбежав к

окну, я распахнул его с таким рвением, что стоявшая на подоконнике тяжелая стеклянная пепельница свалилась на пол. Слава богу, не разбилась.

Открытое окно облегчения не принесло. Я вышел в коридор, продолжив осмотр местности. Надо обследовать каждый закуток, заглянуть в каждый угол коммуналки, чтобы убедиться: кроме меня и мирно спящей бабы Лиды в зловонной квартире нет посторонних.

Осмотрев коридор, я прошел на просторную кухню, оттуда зарулил в туалет и ванную. В конце коридора располагалось небольшое (метров шесть) помещение без окон и двери — вместо двери в проеме висела ширма. Судя по всему, темная комната. Хламом завалена капитально, в ней можно было только стоять на малюсеньком пятачке и осматриваться по сторонам. Передвигаться по затаренной барахлом комнате не представлялось возможным.

Выключив в темной комнате свет, я одернул ширму, прошелся по коридору, уперся взглядом во входную дверь и резко остановился. А что, это идея. Если я спрячусь в темной комнате, сделаю в ширме дырку и прильну к этой дырке глазом, то у меня появится отличная возможность увидеть Бориса, когда тот будет топать по коридору в свою комнату. Да, я поступлю именно так. И опасаться мне нечего: Зубов меня не заметит, тут и сомневаться не стоит.

Часа через полтора, сидя на скрипучей кровати соседа-алкоголика и тараща в одну точку,

я понял, что проголодался. Алиска молодец, если бы не уговорила взять с собой бутерброды, мне пришлось бы худо. Аппетит прямо-таки зверский разыгрался. Проглотив сразу три бутерброда, я достал из рюкзака старую тетрадь.

Сколько времени я ее не открывал. Интересно почитать, что я там понапридумывал в одиннадцать лет. Вроде совсем недавно сочинял страшилки, а с другой стороны, кажется, прошла целая вечность.

Многие рассказы я отлично помнил, но встречались и те, сюжет которых сумел позабыть. Например, рассказ «Белое пятно». Что за пятно такое, хоть убей, не помню. Усевшись поудобней на кровати, я начал читать.

«Эта история произошла летом 2009 года.

В садовом товариществе «Снежинка» кипела работа. Второй год подряд шло активное дачное строительство: кто-то возводил двухэтажные коттеджи, кому-то строили добротные бревенчатые или брусовые дома, некоторые дачники своими силами собирали одноэтажные каркасные домики.

Лена, Марина и Динара сдружились еще прошлым летом, а с новой подружкой Варей — она жила в раскинувшейся неподалеку деревушке — начали общаться только в этом году.

Большую часть времени подруги проводили на улице, в основном тусовались на участке Марины.

Маринка выносила из дома ноут, девчонки садились на широкую кровать-качалку, и на несколько часов их затягивал Интернет.

Из всей компании неуютно себя чувствовала одна Варя. Она всю жизнь прожила в деревне, денег на айфоны-айпады, ноутбуки, цифровые фотки и электронные книги у родителей не было. Варя не умела пользоваться компьютером, с завистью смотрела на смартфоны, радовалась, как ребенок, когда девчонки давали ей на день послушать плеер.

— А чего, — спрашивала Ленка, — у вас в школе нет информатики?

— У нас даже географии с физикой нет, — призналась Варя. — Учителей не хватает.

— Жесть! — качала головой Динара, отправляя двадцатое сообщение в «Одноклассниках».

А Варя постоянно предлагала подругам поиграть в подвижные игры.

— Да ну, — отмахивалась Маринка. — Влом напрягаться.

— Во что поиграть предлагаешь? — вяло интересовалась Лена, сосредоточенно набирая текст смс-ки.

— Девчонки, игр много.

— Например?

— Можем поиграть в «Казак-разбойники».

— Ты серьезно? В них лет сто никто не играет. Варь, это ж отстой!

— Или в «Испорченный телефон». «Море волнуется раз», «Кис-брысь-мяу». Давайте, а?

Динара рассмеялась первой.

— Варька жжет! Блин, вы слышали, кис-брысь... Как ты сказала?

— Кис-брысь-мяу, — повторила Варя.

— Мы о таких играх впервые слышим.

— Ну почему, — усмехнулась Маринка, — в «Море волнуется» еще играют.

— Ага, в детском саду, в ясельной группе.

— Есть хорошая игра «Города», — не унималась Варя.

— Варь, забей на эту ерунду. Лучшие позырьте, какой я ролик на «Ютубе» нарыла.

— На чем? — не поняла Варя.

— Садись, сейчас увидишь.

Время шло, и постепенно Варвара начала вытягиваться в тему. Самой уже расхотелось играть в подвижные игры, а восхваляемые совсем недавно «Города» и «Море волнуется раз» стали казаться детским лепетом. А когда Лена решила подарить Варе плеер, та чуть с ума не сошла от радости.

Где-то в конце июля Марина решила сфотографировать подруг. Девчонки позировали перед объективом цифрового фотика часа полтора. Они дурачились, корчили смешные рожи, смеялись, короче, прикалывались, как могли. Маринка непрестанно щелкала затвором.

Вечером перед сном она скинула фотки на ноутбук, стала их просматривать, и была неприятно удивлена, заметив почти на каждом снимке брак.

В верхнем левом углу отчетливо виднелось бесформенное белое пятно. Из трехсот сорока двух фотографий, двести восемьдесят семь снимков имели этот дефект.

Маринка расстроилась и в запале удалила все фотки, решив завтра устроить новую фотосессию.

Но день спустя ситуация повторилась. Перекачанные фотографии опять оказались с белым пятном, хотя при просмотре снимков на фотоаппарате пятна не было.

Маринка начала фотографировать свою комнату, спустилась на первый этаж, сфотографировала лестницу, прихожую, кухню. В общей сложности сделала около сотни снимков. Все как один четкие, без пятен.

Утром Марина сфотографировала бабушку, попросив ту попозировать не только в доме, но и на улице. Итог: сорок две фотки, и ни на одной нет злосчастного пятна.

На третью фотосессию девчонки согласились неохотно. Позировали уже через силу, прежний задор испарился, фотосессия получилась вымученной.

И сразу же Марина скинула фотки на ноутбук. Начался просмотр.

— Пятно! — вскрикнул Ленка.

— Это уже третий раз, я не знаю, откуда оно появляется. На других фотографиях его нет, только на ваших снимках.

— Может, это призрак? — предположила Динара.

— Да брось, если бы пятно было на одной-двух фотках, я бы еще поверила, а оно практически на каждой фотографии.

Вечером Марина долго не могла заснуть, из головы никак не выходило злополучное пятно. Включив ноутбук, она начала внимательно разглядывать снимки. Примерно через час Марину озарило. Она смотрела в монитор, не в силах поверить собственным глазам.

Днем подругам снова пришлось стоять перед объективом фотоаппарата. Только теперь Марина помимо фотографа выступала еще в качестве режиссера.

— Лен, встань рядом с Динарой. Варь, ты пока отойди. Динар, теперь ты одна. Встань-те втроем. Варь, ты одна. Лен, ты с Варей. Втроем... Вдвоем... Одна...

Наконец, устав от приказного тона Маринки, Лена психанула:

— Надоело, чего ты от нас хочешь? Перенеси фотки в ноут, посмотрим, есть пятно или нет.

Но Марина отказалась включать ноутбук, соврав, что тот неисправен.

А вечером сделанные днем фотки были подвергнуты тщательнейшему осмотру. Подозрения Маринки оправдались.

Несмотря на поздний час, она позвонила девчонкам, попросив срочно прийти к ней.

Четверть часа спустя Лена с Динарой сидели на кровати и растеряно моргали.

— Что случилось, Марин?

— Это она.

— Кто?

— Варька!

— Говори яснее, что с ней?

— Пятно появляется только на тех фотографиях, где есть Варя. Если Вари нет на снимке, нет и пятна. Можете сами убедиться.

Лена с Динарой примкнули к ноутбуку. Вскоре обе покрылись испариной.

— Офигеть! Точно, пятно всегда сопровождает Варвару.

— И что это может означать?

— Понятия не имею.

Девчонки решили сходить к Варе утром, провести, как выразилась Марина, контрольный эксперимент.

В деревню они пришли в десять утра. Остановили первого попавшегося старика, спросив, как найти дом Вари.

— Это какой-такой Вари? — переспросил бородатый дед.

— Вари Манихиной.

Старик шарахнулся от девчонок, как от прокаженных. И креститься начал.

— Ну и шуточки у вас, — бормотал дед. — Заняться, что ли, больше нечем?

— Мы не шутим, нам нужна Варя.

Дед махнул рукой, поспешно поковыляв к калитке. Пришлось обратиться за помощью к полной тетке в сиреневой косынке. Та не стала шарахаться и креститься, не стала орать и махать руками. Немного помолчав, она тихо произнесла:

— Девочки, Варя Манихина умерла двадцать пять лет назад. Она утонула в речке.

Вернувшись домой, Маринка подбежала к ноутбуку, открыла папку с фотографиями, вскрикнув от неожиданности. Варвара исчезла со всех фоток, и только в левом верхнем углу осталось бесформенное белое пятно...»

...Н-да-с, даже не знаю, радоваться мне или огорчаться? Ладно, буду придерживаться нейтральной позиции. А вообще рассказик неплохой, обязательно подсуну его Люське, пусть пару дней поспит с включенным светом.

Читать дальше расхотелось. Жара, нервы, ожидание — все это давило на мозги.

Мысли прервались, когда в коридоре раздался звонок. Вскочив с кровати, я подбежал к двери. Звонок повторился. Звонили в дверь.

После третьего настойчивого звонка по двери начали наносить сокрушительные удары.

— Лида, открывай, — послышался пьяный мужской голос.

— Лида, это мы. Ли-и-ид!.. — теперь кричала женщина.

Я сжал кулаки, мысленно приказывая незванным визитерам прекратить шуметь, развернуться и уйти. Как же, ушли они! Продолжали орать и стучать по двери кулаками.

— Лид, ты чего, очоурилась, что ли?

— Ли-и-и-ид!.. — завывала женщина. — Открой, у нас выпить есть.

Невероятно, но после этих «магических» слов Лидия Афанасьевна проснулась и заорала:

— Молчать, сказала! Кого принесло?..

Я приоткрыл дверь. Неужели баба Лида встанет с кровати и впустит в дом приятелей алкашей? Что ж тогда здесь начнется? Они нам все карты перепутают.

Баба Лида смогла встать, смогла выйти в коридор и даже умудрилась — ни разу не упав — добраться до входной двери.

— Ли-и-ид, — снова протянула визгливая женщина, когда Лидия Афанасьевна открыла дверь, — мы с Жориком в понедельник уезжаем. Прощаться пришли.

— На кухню пошли, — баба Лида пропустила гостей в коридор и хлопнула дверью. — Жор, покурить есть?

— Беломорчик.

— Сойдет.

Прикурив, Лидия Афанасьевна громко рассмеялась и запела частушку. При этом она не забывала пританцовывать и размахивать руками. За что и поплатилась, мешком рухнув в маленьком коридорчике, ведущим в кухню.

— Ну, чего разлеглась, Лид? Вставай, сейчас поправимся.

Я вернулся к кровати. Вот вам и первый формажор. Если алкаши не уберутся до прихода Зубова, дело труба. Придется закружаться и незаметно сваливать из коммуналки. Лишние свидетели нам ни к чему. Одно дело, когда Лидия Афанасьевна в отключке, и совсем другое, когда пьяная компания распевает песни на кухне. Черт! Принесла их нечистая.

Из кухни доносились возгласы восторга:

— Наливай!

— Жор, и мне плесни. Ну, куда так много, краев не видишь?

— Просто я тебя уважить хочу.

— А-а-а-ай... На-пи-ла-а-ся я пья-я-яна, не дой-ду я до до-о-ому...

— Тось, заткнись!

— Сам уройся. Я петь хочу.

— Лид, давай за нашу певицу.

— Чин-чин.

— Ну, будем.

— На-пи-ла-а-ся я пья-я-яна, не дой-ду... О-ой... Я до до-о-ому...

— Пела уже это.

— Не дой-ду я до до-о-ому...

— Тоська окосела, ей не наливать.

— Я те не налью. За поездку! Лидунь, давай чокнемся.

Заткнув уши, я сел на кровать с ногами.

Жорик с Тосей ушли из квартиры в начале двенадцатого. Услышав шум закрываемой двери и шарканье, я выглянул в коридор. Лидия Афанасьевна, держась за стену, пыталась добраться до своей комнаты. Интересно, подумалось мне, сколько ей надо выпить, чтобы она была не в состоянии передвигаться? На вид хрупкая, словно тростинка, старушка-божий одуванчик, а пьет, как лошадь. И никак ее не вырубит. Кремень-бабка.

В двенадцать я прошел в темную комнату. Присел на коробку и начал дремать. Теперь я знаю, что такое дрема в экстремальных условиях. Закрываешь глаза и сразу же засыпаешь, а ровно через минуту вздрагиваешь от малейшего шороха и резко откидываешь голову назад. Неприятные ощущения, но справиться с сонливостью было выше моих сил.

В темной комнате я промаялся до трех часов ночи. А Зубова все не было. И неизвестно, появится ли он здесь или уже успел замести следы.

В начале пятого позвонила Люська.

— Глеб, приехал Борис. Он зашел в подъезд.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Не хочешь — заставим!

Входную дверь долго не открывали, и я решил, что Люська ошиблась. Уже хотел позвонить и дать команду отбой, но в этот момент в замочной скважине заскрежетал ключ.

Сердце забилося сильнее, кровь прилила к голове, и в висках появилась пульсирующая боль. Сжав влажными ладонями ручку рюкзака, я неотрывно продолжал смотреть в сделанную в ширме небольшую дырку.

Волнение было настолько сильным, что на миг показалось: я не смогу осуществить задуманное. Теория всегда легче практики. Пустой треп — он и в Африке пустой треп, а попробуй оказаться один на один с преступником и не испугаться. Возможно, кто-нибудь со мной не согласится, назовет меня паникером, но... Хотел бы я посмотреть на этого смельчака, будь он на моем месте.

Да, мне было страшно, и в первую очередь страх убивал веру в безопасность и действенность задуманного мероприятия.

Борис появился в квартире спустя несколько секунд. Выронив ключи, он выругался, поднял с пола связку, и в коридоре вспыхнул желтый свет. Я смотрел на Зубова и гадал, сколько раз его придется ударить электрошокером. Достаточно ли будет одного раза, или придется бить дважды, а то и трижды?

Закашляв, Борис подошел к белой двери и стал открывать замок. Свет в коридоре он оставил включенным, мне это не понравилось. Темнота — союзник; свет, при данных обстоятельствах, — враг.

В комнате он пробыл ровно минуту и вновь появился в коридоре уже обутый в домашние тапки. Прошел в ванную, затем в туалет, снова ванную и на кухню. Зависал там долго, я трижды слышал хлопок дверцы холодильника и пришел к мысли, что Зубов готовит себе поздний ужин.

С Димоном связался, когда Борис вернулся в комнату, громко хлопнув дверью.

— Поднимайся.

— Он в комнате?

— Да.

— Глебыч, ты готов?

— Поднимайся давай, — зло прошептал я и отсоединился.

Снова разлилось ожидание, правда, на этот раз не тягучее, а скоротечное. Я знал, в любой момент в квартире раздастся резкий звонок, Зубов откроет дверь и я... Нет! Нет. Какой идиот!

Я судорожно начал набирать номер Димона, моля Бога, чтобы он не прикасался до кнопки звонка.

— Давай! Давай же! — раздраженно говорил я, возненавидев собственный телефон.

— Да.

— Димон, не звони! Не звони Зубову, слышишь?!

— Что случилось?

— Накладка. Черт, я сам во всем виноват. Сразу не додумался, и мы едва не попали впросак.

— Толком можешь объяснить?

— Я нахожусь в темной комнате.

— Ну.

— Она напротив входной двери, и когда Борис откроет ее, у меня не получится проскользнуть в его комнату. Он меня заметит. Услышит шорох, обернется — и мне кранты.

— Измена, Глебыч. И как быть?

— Слушай, надо его выманить из квартиры.

— Как ты себе это представляешь?

— Выманить под каким-нибудь предлогом.

— Нереально.

— Понимаю, но это надо сделать, Димон.

— Задача. Ладно, я сейчас вернусь к нашим, что-нибудь придумаем. Во всяком случае, постараемся.

— Только не затягивайте.

— Я позвоню.

— Буду ждать.

Последующие десять минут я клял себя за несообразительность. Нет, ну какой дурак, проторчал в квартире почти двенадцать часов и не заметил очевидного. Хорошо еще вовремя спохватился. Лучше поздно, чем никогда. Однако что-то они медлят, звоните же!

Вскоре Димон сообщил, что у Люськи появилась идея.

— Я поднимаюсь.

Не скажу, что его слова меня успокоили. Если бы идея появилась у самого Димона, Алисы или на худой конец у Гены, я чувствовал бы себя более комфортно. Зная Люську и ее способность фонтанировать безумными идеями, я мог только догадываться, до какого абсурда она додумалась. Но делать нечего, других идей нет, а время тикает. И, между прочим, начинает работать не в нашу пользу.

Раздался звонок. Я вытянулся в полный рост, расстегнул молнию на рюкзаке, переложил в нагрудный карман электрошокер.

Второй звонок — и задержалась дверная ручка. Зубов никак не прореагировал. Неужели заснул и не слышит? Не хватало, чтобы Лидия Афанасьевна вскочила.

После третьего звонка дверь Зубовской комнаты распахнулась. Переодевшись в спортивные штаны и футболку, Борис нехотя поплелся открывать.

Он не спросил, кто пришел, не посмотрел в глазок — открыл дверь сразу. В принципе правильно,

кого или чего ему бояться, если он сам кого угодно напугает.

— Чего надо? — спросил он у Димона, закашляв.

— Извините, что разбудил, но нужна помощь. В лифте это... человека убили.

Офигеть! Вот она, Люськина идея. И они рассчитывают, что Зубов поведется на такую фигию?

— Ты чего, парень, обкололся, что ли?

— Сами посмотрите, он там лежит... «Скорую» надо вызвать. И полицию.

— Показывай, — Борис решительно вышел из квартиры.

Не помня себя, я рванул в его комнату. Хоть бы не дать осечку, пусть удача от меня не отворачивается. Ну, Люська, ну генератор идей. В лифте человека убили. Маразм полнейший! А хотя чем я недоволен, Борис вышел из квартиры, я пробрался в его комнату, вроде все идет тип-топ.

Представив, как Димон шарахнется вниз, а Зубов сперва растеряется, а после начнет костерить его на чем свет, я спрятался за шкафом и замер. Открытый рюкзак лежал у ног, в правой руке я сжимал электрошокер.

И вот хлопнула входная дверь. Послышались шаги. Кашель. Руки заходили ходуном, электрошокер едва не выпал.

Пройдя в комнату, Борис начал закрывать дверь, и я понял, что мне пора действовать. Или сейчас, или никогда.

Выскочив, я поднес электрошокер к шее Зубова. Бориса встряхнуло. После второго, более длительного прикосновения (рекомендуемое время воздействия две-три секунды, но я держал его чуть дольше), дезориентированный Зубов глубоко вздохнул и упал на пол. У него случился кратковременный паралич.

Мне потребовалось около трех минут, чтобы связать ему за спиной руки и кое-как перевязать ноги. Скотчем я заклеил ему рот.

И сразу выбежал в коридор, открыл входную дверь, пропустив в квартиру Димона с Люськой.

— А где Алиса и Гена?

— У Генки от волнения кружится голова, сидит в машине, стонет. Алиска осталась с ним.

— Так даже лучше. Идемте.

— Что с Зубовым?

— Порядок.

— Глеб, ты хорошенько его приложил?

— Сама увидишь.

Зубов в сознание не пришел. Я плотно закрыл дверь в комнату, покрепче связал ему ноги и отодрал скотч.

— И сколько раз такого борова ударить пришлось?

— Дважды прикоснулся.

— Мощный шокер. И когда он в себя придет?

— Понятия не имею.

Люська села на корточки, толкнула Зубова в плечо.

— Не трогай его.

— А он случайно не того?

— Очнется. Отойди и жди.

Сознание возвращалось к Борису медленно. Сначала он дернулся всем корпусом, потом замычал, открыл глаза. Смотрел в одну точку, облизывал пересохшие губы, нас как будто не замечал.

Нам с Димоном пришлось его приподнять и оттащить к шкафу. Там, прислонив Зубова спиной к стене, я похлопал его ладонью по щеке.

Разговор смогли начать не сразу. Борис долго осматривался, пытался осознать, что с ним произошло, а когда более-менее очухался, спустил на нас всех собак.

Как только он нам не грозил: и в асфальт закатать обещал, и голову открутить грозил, про оторванные руки-ноги упоминал раз двадцать.

Устав слушать поток брани, я приказал ему заткнуться. Зубов сильно удивился, услышав мой рассказ о его деяниях. Я ничего не утаивал, говорил о похищении Вадима, об оставленной на заброшенном заводе Оксане, о хозяине загородного дома, убийстве и последующем пожаре.

— Откуда ты это знаешь?

— Вопросы здесь задаем мы! — рявкнула Люська. — Глеб, дай-ка мне шокер, ему надо еще рядик всадить.

— Подожди, — остановил я сестру и, обращаясь к Зубову, сказал: — Нам необходимо знать, где находится Вадим Дюмериль и с какой целью вы с Семеном его дважды похитили.

— А больше ты ничего не хочешь знать? Я ж вас всех в пыль сотру.

— Глеб, дай мне шокер.

— Люсь, уймись! Какой смысл играть в молчанку, у тебя нет выбора. Мы вызовем полицию.

— Валяй! У них ничего на меня нет. Как и у вас.

— Ты замешан в похищении Оксаны.

— Не докажете.

— Глеб, он меня бесит. Необходим курс шоко-терапии.

— Значит, говорить отказываешься?

— Вы все — покойники, — ухмыльнулся Борис.

Я встал с корточек и отошел к окну. У меня были припрятаны в рукаве козыри и имелись мыслишки, как заставить Бориса заговорить, но Люська (опять Люська!) меня опередила. Загадочно улыбнувшись, она подошла ко мне и шепнула:

— Подыгрывай мне во всем!

Открыв сумочку, Люська сочувственно посмотрела на Бориса.

— Мы не думали, что придется так поступить, но ты сам нас вынуждаешь. Ребят, укол, наверное, лучше сделать в мочку уха.

Мы с Димоном раскрыли рты.

— Какой укол? — насторожился Зубов. — Только попробуй, я тебя...

— Заткнись! Что ты мне сделаешь, урод? У тебя руки-ноги связаны. Сейчас вколю инъекцию, и ты уснешь. А потом мы тебя развяжем, перенесем на кровать и тихо уйдем, — с этими

словами Люська извлекла из сумочки запакованный шприц и ампулу.

— Глебыч, что она творит? — спросил Димон.

— У нее спроси.

— Эй-эй, ты, ненормальная, что за укол?!

Люська села на корточки в метре от Зубова и засмеялась.

— Хороший препарат, импортный. Следов практически не оставляет. После попадания в организм полностью растворяется в течение восьми — двенадцати часов. Вряд ли тебя кто-нибудь хватится в течение этого времени. Ну, а потом, когда обнаружат, будет поздно. Официальное заключение патологоанатома — острая сердечная недостаточность.

— Слышь, ты, поосторожней с угрозами. А вы чего стоите? — обратился к нам Зубов.

— Нам уйти? — спросил я. — Хорошо, уходим.

— Только сначала надо заклеить ему рот, — Димон взял скотч и поднес липкую ленту к губам Зубова. — Во! Отлично.

Борис замычал.

— Люсь, когда сделаешь укол, позови нас.

— Хорошо.

— Му-у... м-у... м-у...

— Не нервничай, Геркулес, больно не будет.

Борис дернулся и завалился на бок. Его глаза округлись, в них появился неподдельный страх.

— По-моему, он хочет нам что-то сказать, — Димон нагнулся. — Я прав?

Зубов закивал.

Отклеив скотч, Димон вопросительно посмотрел на Бориса.

— Мы слушаем.

— Скажу, — выдохнул тот, начав сильно кашлять. — Все скажу. Только уберите сумасшедшую со шприцем.

— Разбежался, — хмыкнул я. — Мы можем убрать шприц с ампулой, а сумасшедшая останется.

— Глеб!

— Извини, вырвалось.

Отведя Люську к окну, я спросил:

— Откуда у тебя шприц, что за самостоятельность с уколom?

— Круто получилось, да?

— Говори про инъекцию.

— Успокойся, это обычная ампула с витамином В₁₂. Прихватила на всякий пожарный, как чувствовала, что пригодится. Правда, уколы делать я не умею, но как видишь, до этого не дошло. Здорово я сыграла? Неплохая из меня актриса может получиться.

— Да уж, актриса.

— Не делай такое лицо, Глеб, — положив в сумочку шприц и ампулу, Люська села на край кровати.

Я снова поднял Зубова, прислонив его спиной к шкафу.

Он долго молчал, сосредоточенно разглядывая ворсистый ковер на полу, а когда Димон начал постукивать пальцами по столешнице, заговорил.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Точки над i

— Кто такой этот Вадим, я знать не знал. Но однажды шеф вызвал к себе, дал задание: снять на пару месяцев квартиру. Сказал, что придется одного паренька там попридержать.

— Кому он дал задание?

— Мне и Семену.

— Вы должны были похитить Вадима прямо из гостиницы?

— Да. Шеф показал его фотографии.

— Откуда они у него?

Зубов пожал плечами.

— Наверное, тот француз выслал. По его наводке работали.

— Что за француз?

— Подробностей не знаю, мы с Семеном в них не вникали.

— Конечно, какое вам дело до подробностей, — не сдержалась Люська. — Что шеф прикажет, то и выполняете. Похитить человека — пожалуйста, убить человека — без вопросов.

— Ты полегче с обвинениями. Мы никого не убивали.

— А оставленная на заводе Оксана? Перед побегом вы даже не удосужились развязать ей руки и снять с глаз повязку.

Борис опустил глаза.

— Люсь, не сбивай его, — сказала я сестре. — Вернемся к французу.

— Скорее всего, у него с шефом имелись общие дела. Шеф обещал сделать все по высшему разряду. То есть заверил, что Вадим Дюмериль будет похищен и оставлен в Москве на неопределенный срок.

— С какой целью?

— Говорю вам, перед нами шеф не отчитывался.

— Ладно, проехали, — Димон отошел от окна и прошелся по комнате. — Имя, фамилию француз а знаешь? Может, шеф упоминал мимоходом.

— Имя при мне не произносилось, а фамилия... Фамилию помню, — Борис задумался и после минутной паузы сказал: — Фамилия француз а Бланшар.

— Бланшар? — удивилась Люська.

— Да, да.

— Глеб, знакомая фамилия, где-то я ее уже слышала.

— Как удалось похитить Вадима из гостиницы? — обратился я к Зубову.

— С этим проблем не возникло. Их училка, ну, та баба, что приехала с детьми из Парижа, была

проинформирована. Она лично проводила меня до номера, где жил Вадим. Я сделал ему укол, а баба потом помогла довести Вадима до машины.

— Катрин Бланшар! — закричала Люська. — Мадам Бланшар — воспитатель из интерната. Вадим говорил о ней. Неужели она... Вот это новость.

— Теперь понятно, почему она не хватилась Вадима. Спокойно вернулась в Париж, оставив одного ученика в Москве. Попахивает заговором.

— Заговор и есть, — кивнул Димон. — Что было дальше?

— Привезли мы Вадима на квартиру, а потом он оттуда сбежал. Не без твоей помощи, — Зубов вдруг посмотрел на Люську.

— Откуда ты знаешь, что я помогла Вадиму выбраться из квартиры?

— Сначала скажи, где вы пряталась, когда я вернулся? В подъезде?

— Под кроватью, — машинально ответила Люська.

— Хм, не додумался заглянуть под кровать. Увидел открытую дверь, нож, которым он открыл замок, и решил, что пацана уже нет в квартире. Я вышел на улицу, сел в машину, стал думать, где беглеца искать. Прошло несколько минут, смотрю, вы из подъезда выскакиваете. Проследил, куда умчались. Сразу шефу доложил. Он был в ярости, кричал, что сдерет с меня шкуру,

был уверен — Вадим немедленно обратиться за помощью в полицию или в посольство.

— А потом ты увидел, как Люська с Вадимом отправились в торговый центр.

— Да. Через несколько дней я их увидел. Мы с Семеном неотлучно наблюдали за вашим подъездом. Нам повезло, Вадима удалось взять тепленьким прямо у входа в центр.

— Значит, на заднем сидении сидел ты.

— Я.

— Почему Семен взял машину у брата, если и у тебя, и у него есть свои колеса?

— Зачем свои тачки засвечивать, если есть возможность повернуть дельце на чужой машине?

— Куда вы отвезли Вадима?

Зубов молчал.

— Он жив?!

— Жив.

— Где он?

— В деревне. В шестидесяти километрах от МКАДа. После побега пацана из квартиры шеф настоял, чтобы его отвезли подальше от города.

— Кто с ним сейчас?

— Артур.

— А кому принадлежит дом?

— Старику одному. Старик надежный, быстро удалось с ним договориться.

— Когда ты узнал, что шефа убили, ты рванул на заброшенную стройку...

— Рванул, — перебил меня Зубов. — Понял, что жареным запахло. Девка, в отличие от сироты-француза, была дочерью богатых родителей. Шефа убили, а нам она ни к чему. Понимали, что шкуры свои спасать надо.

— Получается, ты и Артуру успел сказать, чтобы он делал ноги из деревни?

— Я с ним связался, предупредил, что шефа больше нет. Предложил оставить парня в доме старика и возвращаться в город. Артур отказался. Упертый малый. Не поверил, что шеф мертв, считает, он инсценировал убийство. Артур продолжает находиться при Вадиме. Бойтся в случае внезапного воскрешения шефа оказаться крайним. Выслужиться хочет.

— Ну, ваш шеф вряд ли воскреснет из пепла, — сказал Димон. — Кстати, что случилось с Семеном?

— Семен начал прокручивать свои делишки за спиной у шефа. Тот узнал, ему это не понравилось. С Семеном рассчитались.

— Он так спокойно об этом говорит, как будто человеческая жизнь для него ничего не значит, — зло сказала Люська.

— К гибели Семена лично я не имею отношения. Повисла пауза.

— Назови адрес деревни.

Зубов продиктовал адрес.

— Развяжите меня.

— Больше ты ничего не хочешь?

— Я вам все рассказал.

— Придется повторить все это в полиции, — Димон взял со стола смартфон и выключил камеру. — Доказательства есть. Отвертеться тебе не удастся.

...Мы вызвали полицию. Зубова задержали и отвезли в участок. Правда, он резко сменил манеру поведения: орал, что мы ворвались в его квартиру, пытались его убить и заставили оклеветать себя под страхом смертоносной инъекции.

Впрочем, разобрались во всем довольно оперативно. В деревню был выслан наряд, старика и Артура арестовали, ослабевшего и перепуганного Вадима (его держали в маленькой комнатке прикованным к металлической кровати) доставили в больницу.

Нам тоже досталось за самодеятельность. Но сейчас не об этом.

Уже на следующий день после задержания Артура к выяснению причин этого запутанного дела подключилось французское посольство в Москве.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Наследство

Прошел месяц.

Вадим Дюмериль вернулся домой. Его дело вызвало большой резонанс во Франции. Разразился грандиозный скандал, а в скором времени в Париже начнется судебный процесс. Хотя я забегаю вперед.

Итак, сейчас хочу рассказать вам о том, о чем сам узнал несколько дней назад от Вадима, когда мы общались по скайпу.

Как известно, отец Вадима погиб через два года после рождения сына, и впоследствии мать вышла замуж за француза, сменив не только фамилию, но и гражданство.

Когда Вадим подрос и стал интересоваться родней со стороны отца, мать делилась скудной информацией. Бабушка с дедом умерли, тетя-дядя не было, двоюродных братьев-сестер тоже.

— Знаю, что у папы был дед, твой прадед, поляк по национальности. Жил он с женой в Москве, но после развода вернулся в Польшу. Больше о нем ничего неизвестно.

- А он жив? — часто спрашивать мать Вадим.
- Не думаю.
- И папа ни разу не пытался найти своего деда?
- Насколько я в курсе — нет.

Ни Вадим, ни его мать даже не подозревали, что в далекой Канаде в собственном доме доживает свой век девяностопятилетний Марек Владиславович Закревский — прадед Вадима Дюмерила.

Он перебрался из Польши в Канаду сорок лет назад вместе с женой. Там успешно продолжил начатый на родине бизнес, преумножил состояние и жил, что называется, на широкую ногу.

Родней, оставленной в России, Марек Владиславович не интересовался, он вычеркнул из памяти свое прошлое, прошлого для Закревского не существовало.

Пять лет назад жена Марека скончалась. Старик остался один. Заскучал, затосковал и все чаще начал мысленно возвращаться назад, в то самое прошлое, от которого отрекся все эти годы. Марек Владиславович вспоминал оставленную в Москве семью, представлял, как сложилась жизнь единственного сына, гадал, есть ли у него внуки, правнуки.

Пару лет спустя старик обратился с просьбой к своему адвокату разыскать родственников в России.

Поисками занималась команда профессионалов, было затрачено много средств и времени, и наконец появилась долгожданная нить. Оказалось, что внук Марека Владиславовича жил

с семьей в Петербурге. Но спустя время после его гибели жена с сыном — правнуком Вадимом — покинули город. Их след затерялся.

И опять начались поиски. Опять старик не жалел денег, требуя всеми правдами и неправдами отыскать родного правнука.

Когда Закревскому сообщили, что Вадим нашелся в Париже, он едва не лишился речи. В тот же день было составлено завещание в пользу правнука. Все свое движимое и недвижимое имущество Марек Владиславович оставил единственному наследнику — Вадиму Дюмерилю.

Ночью Марек Закревский умер.

Это была первая часть истории, теперь начинается вторая.

Мишель Бланшар — директор интерната — был крайне удивлен, узнав от связавшегося с ним адвоката из Канады, что на его воспитанника Вадима Дюмериля буквально с неба упало богатство. Наследство! Да какое — целое состояние!

С женой Катрин Бланшар, работавшей воспитателем в интернате, он состряпал хитроумный план, реализовав который, планировал сказочно обогатиться.

Суть сводилась к следующему: предъявить адвокатам Марек Владиславовича не настоящего Вадима, а подставного. Время поджимало, действовать надо было стремительно.

На роль Вадима супруги Бланшар выбрали своего любимца, своенравного паренька Клода. Клод

дал свое согласие и буквально в течение недели официально (по документам) стал Вадимом Дюмерилем. В дальнейшем, когда завещание вступит в силу, Мишель Бланшар планировал стать опекуном Клода (то есть уже Вадима).

Конечно, может возникнуть вопрос, почему бы директору не оформить опекунство над Вадимом Дюмерилем. Ответ лежит на поверхности: Вадим терпеть не мог Мишеля Бланшара. Он видел в нем человека жесткого, алчного и беспринципного. Ни при каких обстоятельствах Вадим не согласился бы сделать своим опекуном человека, к которому испытывал отвращение.

Потому и появилась у Бланшаров головная боль, что, собственно, делать с настоящим Вадимом?

В самое ближайшее время группа школьников должна была лететь в Москву, Катрин Бланшар предложила включить Вадима в список счастливых.

В срочном порядке Мишель связался с давним другом — шефом. Борис был прав, в прошлом у них имелись точки пересечения, более того, шеф ходил в должниках у Мишеля. Услышав о просьбе попридержать в Москве пару месяцев мальчишку, шеф ответил согласием.

Участь Вадима была незавидной, по истечении двух месяцев — примерно столько могло занять оформление необходимых документов на наследство и опекунство — Мишель Бланшар собирался

дать шефу отмашку на устранение Вадима. Сразу убить парнишку не решился, опасался последствий. Существовала ничтожная вероятность, что в случае обнаружения правды от него потребуют немедленного признания о местонахождении настоящего Вадима. Рисковать и торопиться нельзя. Прежде надо на законных основаниях прикарманить чужие денежки, убедиться, что операция проведена с блеском, и лишь потом убрать неугодного фигуранта.

К счастью для Вадима и к несчастью для Мишеля Бланшара, коварным планам не суждено было исполниться. Виновные оказались на скамье подсудимых, их ждет длительный процесс и вердикт судьи.

Я думаю, каждый получит по заслугам.

ЭПИЛОГ

Сейчас у нас затишье, я бы даже сказал — тоска. Завершив расследование, мы приуныли. Делать стало нечего, адреналина не хватает, движухи никакой.

Алиса по-прежнему пропадает в школе актерского мастерства, Люська от нечего делать записалась в кружок французского языка и увлекла за собой Димона. Теперь они у нас французы местного разлива. Выпендрей по высшему разряду: одни бонжуры и оревуары. С Люськой вообще стало невозможно общаться: чаю налить попросишь, так она как ляпнет что-нибудь по-французски, хоть стой, хоть падай.

Я почти каждый день после уроков торчу у Иннокентия Ивановича. Что-то мне подсказывает: свою книгу он будет писать бесконечно. С одной стороны, это хорошо: у меня будет постоянный заработок, с другой — иногда хочется послать и его, и его писанину куда подальше.

...Сегодня воскресенье, к нам в гости приехал Генка, и мы всей компанией собрались на кухне.

— Давно не сидели за одним столом, — сказала Алиса.

— Уи, уи, — закивала Люська.

— Ну что, — Димон посмотрел на рулет и потер ладони. — Налетаем?

— А нож где, Люсь?

Осмотревшись, Люська обратилась к Генке.

— Мсье Геннадий, апортэ, силь ву пле, эн куто.

— Чего-чего?

— Эн куто! Понимаешь?

— Нет.

— Я попросила тебя подать нож. Эн куто! Господи, не знать таких простых вещей! Стыд и позор.

— Ладно тебе, сама без году неделю на курсы ходишь.

— Глеб, я лучшая в классе.

Димон кашлянул.

— Почти лучшая.

Димон кашлянул второй раз.

— Вхожу в тройку лучших.

— Люсь...

— В пятерку лучших.

— Люсь, скажи им правду.

— Хорошо! Меня выгнали с курсов. Все довольны? Начинаем молча есть рулет. Где нож, Ген?

Геннадий открыл ящик, достал нож, сделал шаг к столу и споткнулся.

— Черт бы побрал ваши скользкие полы! — сказал он совсем не по-французски.

— Ты в порядке?

— Нет. Ваш острый эн куто порезал мне эн палец. Фирштейн?

— Натюрлих! — ответила Люська.

Все смешалось в доме...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	
На четвертом этаже.....	3
Глава вторая	
Назад дороги нет.....	13
Глава третья	
Квартирант.....	25
Глава четвертая	
Попытка номер два.....	36
Глава пятая	
Все по сто рублей.....	48
Глава шестая	
В плаще и шляпе.....	66
Глава седьмая	
Хвост крючком, нос пяточком.....	79
Глава восьмая	
Как снег на голову.....	100
Глава девятая	
Битва титанов.....	111
Глава десятая	
Зашел, но не вышел.....	125
Глава одиннадцатая	
Сомнительные персонажи.....	133

Глава двенадцатая	
Застали врасплох.....	143
Глава тринадцатая	
Нечаянные свидетели.....	155
Глава четырнадцатая	
Шанс.....	164
Глава пятнадцатая	
Заброшенный завод.....	180
Глава шестнадцатая	
Оксана.....	191
Глава семнадцатая	
Бизнес — штука опасная.....	203
Глава восемнадцатая	
Помоги мне, помоги.....	219
Глава девятнадцатая	
Ключ в кармане.....	230
Глава двадцатая	
Контрреформация & Электрошокер.....	241
Глава двадцать первая	
Рассказ собственного сочинения.....	252
Глава двадцать вторая	
Не хочешь — заставим!.....	264
Глава двадцать третья	
Точки над i.....	274
Глава двадцать четвертая	
Наследство.....	280
Эпилог.....	285

